

Annotation

Спецслужб много и у каждой своя правда. Но если ты настоящий опер, ты должен защищать закон. Даже если кажется, что весь мир сошел с ума. Даже если ты остался один. Преступная организация, частично разгромленная благодаря усилиям Шилова, продолжает действовать. Следы тянутся к верхним этажам власти, и «ментовские войны» переходят на новый, еще более опасный уровень.

Ставки в этой игре у всех разные, правил не существует, у каждого игрока спрятан в рукаве козырь.

Для победы хороши любые средства...

- [Максим Есаулов, Андрей Романов](#)

- [Недетские игры](#)

- [***](#)

- [***](#)

- [2](#)

- [***](#)

- [***](#)

- [3](#)

- [***](#)

- [***](#)

- [***](#)

- [4](#)

- [***](#)

- [***](#)

- [5](#)

- [***](#)

- [***](#)

- [***](#)

- [6](#)

- [***](#)

- [***](#)

- [7](#)

- [***](#)

- ***
- ***
- 8
- ***
- ***
- ***
- 9
- ***
- ***
- ***
- 10
- ***
- ***
- 11
- ***
- ***
- 12
- ***
- ***
- ***
- 13
- ***
- ***
- 14
- ***
- 15
- ***
- ***
- 16
- ***
- ***
- ***
- 17
- ***
- ***
- ***
- 18

○ ***
○ ***
○ ***
○ 19
○ ***
○ ***
○ 20
○ ***
○ ***
○ 21
○ ***
○ ***
○ ***
○ 22
○ ***
○ ***
○ ***
○ 23
○ ***
○ ***
○ ***
○ 24
○ ***
○ ***
○ ***
○ 25
○ ***
○ ***
○ ***
○ 26
○ ***
○ ***
○ ***
○ ***
○ 27
○ ***
○ ***

- ***
 - 28
 - ***
 - ***
 - ***
 - 29
-

Максим Есаулов, Андрей Романов

Недетские игры

1

Кальян любил скорость. Скорость пьянила его кровь так же, как хорошая драка, женщины или дурь. Мощный выброс адреналина заставлял еще глубже втапывать педаль газа, и при этом он все равно оставался хозяином положения. Водил Кальян мастерски. Он побеждал скорость так же, как врагов и женщин. С дурью Кальян не спорил. Когда курил – просто не садился за руль.

Сегодня Кальян был свеж. Водка и трава остались там, позади, на даче старого друга, сумевшего дожить до сорокового дня рождения, что при его занятиях было совсем не просто. Рано утром Кальяна поднял звонок, не отозваться на который он не мог. Чтобы прийти в себя, оказалось достаточно переплыть пару раз тихое лесное озеро, на берегу которого друган и выстроил свой домик.

И теперь вишневый «Лэндкрузер» летел по осевой, непринужденно выдавая больше ста двадцати километров. Лес подступал вплотную к дороге, в наглухо тонированных стеклах мелькали отражения деревьев.

Кальян выглядел моложе своих почти сорока лет и легче своих девяноста килограммов. Только глаза выдавали. Глаза человека, у которого каждый прожитый год можно смело считать за три. Но в глаза Кальяну предпочитали не заглядывать.

Машина ГАИ, как всегда, показалась неожиданно. Инспектор в светоотражающем жилете стоял невозмутимо, как памятник самому себе.

Когда «Лэндкрузер» приблизился, инспектор взмахом жезла приказал остановиться.

Джип затормозил почти сразу, но скорость унесла тяжелую машину далеко вперед. Наконец, вильнув вправо, он замер, почти ткнувшись бампером в столб с предупреждающим знаком «Опасный поворот». Неодобрительно покачивая головой, инспектор вразвалку двинулся к джипу.

Кальян выпрыгнул из машины и, не обращая внимания на приближающегося инспектора, встал спиной к дороге, расстегивая брюки. Опорожнение мочевого пузыря занимало его больше, чем приближение гаишника.

– Это ты чего, со страху что ли? – поинтересовался инспектор.

– Ага! – Кальян, не спеша, доделал свое дело и стал застегивать ширинку. – Ментов с детства боюсь.

– Значит, совесть не чиста.

– А у кого она сейчас чиста? – вздохнул Кальян, с ленцой повернувшись к инспектору.

– В машину к напарнику, – гаишник привычно указал жезлом на патрульную автомашину. – Документики приготовьте...

Кальян пошел к бело-синим «Жигулям», на милицейском номерном знаке которого виднелся код Москвы – 77.

За его спиной инспектор тормознул какой-то грузовичок.

Кальян покосился через плечо. Увидел, как из грузовичка выскочил водитель. На ходу достав документы, встал перед инспектором и начал оправдываться.

Кальян усмехнулся и сел в патрульную машину на заднее сиденье. Второй гаишник, сидевший за рулем, был почти точной копией своего коллеги: такой же жилет, надвинутое на глаза форменное кепи – безликие служители правопорядка.

Кальян протянул бумажник с документами.

– И что у вас за работа такая, жизнь людям портить? Волки позорные!

– Мы не волки, мы санитары леса. Не будешь гонки устраивать. Здорово, Кальян!

– Для кого – Кальян, а для кого Федор Аркадьевич, – пробурчал Кальян. Он не любил фамильярности.

Инспектор раскрыл бумажник. Внутри была вложена потертая однодолларовая купюра – нечто вроде пароля. В нынешней ситуации такая мера была бессмысленной, поскольку Кальян и инспектор знали друг друга в лицо. Тем не менее инспектор внимательно посмотрел на номер купюры, убеждаясь, что цифры соответствуют тем, которые ему сообщил человек, организовавший эту встречу. Только после этого он достал из внутреннего кармана белый конверт с несколькими фотографиями и дискетой.

– Это срочно. Времени – три дня. Но лучше управиться за два.

– И кто из нас гонки устраивает?

– Диалектика...

– Я его знаю?

– Знаешь. Начальник порта.

Кальян-Прахов взял конверт и уточнил с деланным удивлением:

– Два дня? Вы не охренели? У него же охрана!

– Надо, Федя. Надо!

– Спалюсь я с вами, санитары леса. – Кальян заглянул в конверт. На шести фотографиях был один и тот же мужчина, снятый в разное время и с разных ракурсов. На обороте одной карточки были записаны его паспортные данные, номера телефонов, машины, адреса – домашний, любовницы, нескольких офисов. К фотографиям прилагалась компьютерная дискета.

– А кто сказал, что будет легко? – Инспектор равнодушно посмотрел в окно.

Кальян небрежно убрал конверт в карман пиджака и потянулся за документами, которые инспектор положил перед собой на торпеду.

– Стоять! – Инспектор забрал из бумажника долларовую купюру – она была нужна ему для отчета: встреча состоялась и задание передано исполнителю. – Теперь свободны...

Второй гаишник уже отпустил грузовичок и теперь прохаживался вдоль обочины, поглядывая по сторонам. Кальян хотел пройти мимо него, не останавливаясь, но гаишник, небрежно козырнув, пожелал счастливого пути. Кальян, замедлив шаг, огрызнулся сквозь зубы:

– Вашими молитвами...

Сев в джип, он врубил заднюю скорость и газанул. Не глядя, вылетел на середину дороги, мгновенно переключил передачу и стартовал, украсив асфальт черными полосами от сгоревшей резины.

Нехорошо прищурясь, гаишник смотрел ему вслед, пока «Лэндкрузер» не скрылся за поворотом, потом сел за руль патрульной машины.

– Безбашенный пацан. Сгорит, как Чибис, – усмехнулся он, включая мотор.

– Не скажи, – отозвался напарник, который Кальяна, как и покойного Карташова, знал лучше. – С хитрецей волчара...

Напарник хотел сказать что-то еще, но замолк, увидев, как из леса и спереди и сзади их машины совершенно бесшумно вышли несколько человек в камуфлированной форме, с автоматами.

– Эт-то что еще за фигня? – пробормотал первый гаишник, нервно поигрывая педалью сцепления.

Не обращая внимания на машину ГАИ, автоматчики перешли дорогу и углубились в лес на другой стороне, почти сразу слившись с деревьями. И все это – без малейшего звука как будто не люди прошли, а привидения.

– Солдатики в войнушку играют, – сказал второй инспектор. – А ты подумал, что они по нашу душу?

– А город подумал: ученья идут... – первый облегченно вздохнул: у него и в самом деле промелькнула мысль, что это – группа захвата, которая зафиксировала встречу с Кальяном и теперь будет их брать. Глупость, конечно. Так не берут. Но когда нервы все время напряжены и не такое может почудиться...

Он вздрогнул, когда прямо над его ухом, кто-то постучал в стекло двери.

У машины стоял еще один человек в камуфляже. Коренастый, среднего роста, заметно постарше тех, которые шли через дорогу. Без автомата и с майорскими звездами на погонах.

Тихо ругаясь, инспектор опустил стекло:

– Да?

– Здравия желаю.

– Здравия желаю, товарищ майор.

– У нас три бойца сбежали, с оружием. На глаза не попадались?

Гаишники переглянулись и синхронно покачали головами:

– Нет. Увидим – сообщим. Что, неуставные взаимоотношения?

– У нас в части дедовщины нет, – ответил майор, и было в его голосе и в выражении лица нечто такое, что сразу заставило обоих инспекторов поверить: причиной побега может быть что угодно, но только не издевательства со стороны старослужащих.

– А ориентировки разослали? – после паузы спросил первый гаишник.

– Само собой. Пока – ноль.

– Желаем удачи.

Майор кивнул и отошел от машины. Несколько секунд его пятнистая куртка была заметна среди деревьев, а потом пропала из виду, как растворилась.

— Ниндзи какие-то, — прокомментировал первый гаишник, выруливая с обочины.

Беглецы опережали погоню на пять километров.

На них был такой же, как и на преследователях, зеленый камуфляж, только без головных уборов. И они действительно были вооружены – на троих имели два автомата с неполным боекомплектом.

Инициатор побега Саша Ремезов замыкал короткую колонну.

– Стой, передохнем, – скомандовал он, видя, что бежавший первым Андрей окончательно выдохся.

Андрей молча перешел с бега на шаг, а через несколько метров сел, прислонившись к стволу дерева.

Витек плюхнулся в траву рядом с ним, но пробормотал:

– Рано, дальше надо уходить.

Андрей достал «беломор», закурил. От первой же затяжки раскашлялся. Подумал: втроем не уйти от погони. У него сил почти не осталось, а из-за него и товарищи тормозятся. К тому же, ему всегда не везет. Это проявилось даже в том, что он перед побегом не смог раздобыть автомат. На гражданке, все три года после срочной, сплошные неудачи преследовали. Может, поэтому и пошел снова в армию, теперь уже по контракту. Поначалу казалось, что нашел свое место в жизни. А потом такое началось, что кому сказать – не поверят.

Андрей искоса посмотрел на товарищей. Они уже передохнули и готовы продолжать путь. А он? Сколько он еще выдержит?

– Надо разделиться, – предложил он. – Так больше шансов уцелеть. А потом в прокуратуре встретимся.

– Да? Кто ж тебя, дурачок, в живых оставит? В прокуратуре... Насмешил! – Витек сплюнул и поправил висящий на груди автомат.

– У меня брат в газете работает. Может, успеет шум поднять...

– Ага, и рванут его, как Диму Холодова.

– Кто это, Холодов?

Витек промолчал, ответил Ремезов:

– А еще брат в газете работает. Ну что, погнали?

Ремезов встал, привычно встряхнулся, как это делал всегда, чтобы проверить, как сидит снаряжение. Сейчас на нем снаряжения не было,

только «калаш» на груди, но выработанная в боевых условиях привычка осталась.

Поднялся Витек. Андрей медлил, не зная, как поступить. С одной стороны – быть обузой не хочется; с другой – хрен его все-таки знает, как больше шансов выкрутиться, поодиночке или втроем. Если они вообще есть, эти шансы.

Так и не приняв окончательно решения, Андрей встал. И увидел метрах в трех от себя старую яму, узкую и глубокую, почти незаметную со стороны. Что ж, значит, судьба.

– Я здесь останусь, – сказал он, подходя к ней и заглядывая: места вполне достаточно, чтобы там разместиться, даже кое-какой запас пространства останется. – Засыпьте меня валежником.

– А собаки? – спросил Витек.

Андрей молча кинул ему пачку «беломора» и спрыгнул в яму.

Витек и Ремезов переглянулись. Чуть помедлив, Ремезов кивнул. Когда с валежником было покончено, Ремезов, маскируя насмешкой плохие предчувствия, посоветовал:

– Долго не сиди. Снег пойдет – замерзнешь.

– Угу, – донесся из-под земли приглушенный голос Андрея. – Удачи вам, мужики!

– И тебе так же...

Витек раскрошил вокруг несколько папиросин.

– Хватит, – остановил его Ремезов. – Перебарщивать тоже нельзя.

Витек убрал остатки «беломора»:

– Слышь, Санек, нам бы тоже чего от собак. Болото какое-нибудь или ручеек.

– Розыскных собак у них нет, одни караульные. А они по следу хреново работают. Оторвемся, главное, чтобы не подняли «вертушки».

Отдаленный звук летящего вертолета заставил обоих застыть. Бойцы переглянулись.

– Ничего, Витек, – Ремезов сплюнул. – Нас тоже не пальцем делали.

Над лесом кружил вертолет с армейскими опознавательными знаками.

Он шел на небольшой высоте, а приблизившись к озеру, опустился совсем низко, так что по воде побежали круги, и на некоторое время завис.

Стоя на берегу, Шилов разглядел через переднее стекло светлый шлем пилота и рядом нечеткий силуэт второго летчика. Он не мог этого видеть, но чувствовал, что они смотрят на него. Сперва – на него, потом – на площадку с дымящимся мангалом и накрытым столом, вокруг которого, кто на земле, а кто на раскладных стульях, устроились Василевский, Джексон, Егоров и Скрябин.

Ищут кого-то? Наверное. Не проходит недели, чтобы не сообщили об очередных дезертирах, а в этих краях много воинских частей. Обидно, если вояки испортят отдых. В кои-то веки всем коллективом выбрались на пикник! Надо было в другое место поехать; мало, что ли, озер вокруг Питера? Но Скрябин настоял, чтобы отправились сюда. Дескать, здесь живописно и мало бывает народу даже в жаркие дни, что уж говорить про конец сентября – сейчас они вообще будут одни, так что смогут отдохнуть на всю катушку.

Немного повисев, вертолет улетел. Поблескивали иллюминаторы, скользила по воде тяжелая тень, воздушные потоки от винтов гнали круги. Добравшись до противоположного берега, он пошел над самыми деревьями, чуть не задевая их толстым брюхом. В его полете было что-то тревожное, и Шилов, вернувшись к мангалу с охапкой дров, которые отходил собирать, взял с земли бутылку вина и основательно к ней приложился, глядя вслед удаляющейся «вертушке».

Ощувив на себе вопросительный взгляд Любы Егоровой, он сказал:

- Что-то вояки в выходной разлетались.
- Можно подумать, вы по выходным отдыхаете много.
- А сейчас мы, по-твоему, что делаем?

– Во-первых, это раз в сто лет. А во-вторых, еще не вечер. Сейчас накатите водочки и начнете говорить о работе. А то позвонят и дернут на очередную мокруху.

Шилов достал из кармана ветровки выключенный телефон:

– Видишь? Так что не переживай, никто нас не дернет.

– Все равно, как на вулкане.

– Когда он в тюрьме работал, – Шилов кивнул на Егорова, увлеченно рассказывающего Джексону и Василевскому очередную байку про эков, – спокойнее было?

– Там другие страхи. – Люба помолчала, что-то припоминая, и без особой логики продолжила: – Я давно тебе хотела спасибо сказать, что ты его к себе взял.

– Он бы и без меня «взялся».

– Все равно спасибо, я ведь знаю, что это было непросто.

– А что в нашей жизни просто бывает? – Шилов перевернул шампуры, побрызгал на мясо вином. Посмотрел в лес, где среди деревьев мелькали фигурки Юли и Марины – девушки Василевского. Они собирали грибы. Марина кричала:

– Юлька, иди сюда, здесь белых куча!

– Ага, опять поганки покажешь.

– Как бы после их грибочков нам в живых остаться, – шутливо заметила Люба.

– Есть проверенный способ – стерилизация желудка, – Шилов взболтнул бутылку с вином, проверяя, сколько осталось, и сделал несколько глотков.

Из леса опять донеслись голоса и звонкий смех Марины.

– Вы с Юлей жениться не собираетесь? – спросила Шилова Люба.

Шилов на мгновение замер, потом неопределенно пожал плечами и снова приложился к бутылке, после чего с деланной озабоченностью принялся вертеть шампуры.

Люба мысленно себя обругала: куда лезет? Всем давно ведь понятно, что у Ромки с Юлей что-то не клеится в отношениях. Каждый из них, сам по себе, замечательный человек. Но вместе они – не пара. НЕ ПАРА. Никто ни в чем не виноват, просто они разные очень. Может, со временем и притерлись бы как-то друг к дружке, да только с Ромкиной работой времени на такое притирание нет. Муж говорит, что Шилов, с тех пор как вернулся в милицию, работает, как одержимый,

буквально днюет и ночует на службе. Какая уж тут личная жизнь? Зря она прицепилась со своим дурацким вопросом...

За столом основательно поднабравшийся Скрябин произносил какой-то длинный тост. Про водку, про женщин. Про то, что путь к свету тернист. Мужикам, сидевшим с пластмассовыми стаканчиками в руках, надоело ждать окончания его запутанной речи.

– Слышь, философ, давай уже, – поторопил Егоров.

Скрябин сокрушенно покачал головой:

– Вот голос темных, непросветленных масс. Ну, за просветление души!

Все выпили. Шилов, продолжавший стоять перед мангалом, отсалютовал им бутылкой и тоже выпил.

– В Афгане лучше травка шла. Бухло все теплое, в глотку не лезет, – поделился воспоминаниями Джексон.

– А мы в школе клей «Момент» нюхали, – хмыкнул Василевский.

– Ничего, мужики, сейчас нам из лесу мухоморчиков принесут, так что догонимся, – сооружая бутерброд с жареной колбасой, высказался Егоров.

Скрябин окинул его неодобрительным взглядом, покачал головой и, прихватив бутылку, нетвердой походкой отошел к берегу озера.

– Шашлык готов, – объявил Шилов, снимая шампур.

– Ур-р-а-а! – заорал Джексон.

Из леса его поддержали возвращающиеся Марина и Юля.

Шилов подошел к столу, передал шампур Василевскому и Егорову. Посмотрел на Стаса, замершего у самой кромки воды:

– Вы тут пока раскладывайте, а я...

Василевский понял его:

– Точно-точно, командир, поговори с ним. А то он там... в одиночку... допросветляется.

Скрябин слышал шаги приближающегося Шилова, но не обернулся, продолжал смотреть на воду. Шилов встал рядом.

– Ты не в себе последнее время.

– Только последнее? – Стас отхлебнул из бутылки, предложил Шилову.

Шилов тоже сделал глоток. Достал сигареты:

– Случилось чего?

– Серегу взорвали. А так – ничего.

– Понятно. Не будет покоя, пока жив Джавдет.

Скрябин искоса посмотрел на Романа. Спросил с неожиданной злостью, то ли пьяной, то ли, наоборот, очень осмысленной:

– А тебе будет?

– Стас, у нас три десятка дел. Половина из них – на контроле в Министерстве. И работу по ним никто не отменял...

– Ты говоришь, как Громов тогда говорил.

– Спасибо. Можно продолжить? Так вот, на этого взрывника нет никаких зацепок. Мы что-то по нему упустили? Не отработали?

– Есть идея одна. Сегодня утром в голову пришла.

– Ну?

– Петруха.

Шилов недоверчиво покачал головой:

– Он ведь в полном отказе был. И на следствии, и на суде...

– Суд – это суд, а зона – это зона, – перебил Стас. – Тем более с его сроком. Поостыл, задумался... Вряд ли его там «греют». Может быть, мы с ним и договоримся.

Шилов подумал, что затея пустая. Сколько бились с Петрухой, пока он в «Крестах» ждал суда?

Все способы перепробовали, а на выходе – ноль. Правда, тогда Петруха еще не знал, что ему отмерят двадцатку, и нагло отрицал даже самые очевидные факты. Сейчас у него борзоты, конечно же, поубавилось. Но в то, что он начнет откровенничать, Шилов не верил.

Тем не менее он не стал разубеждать Стаса:

– Хорошо, давай попробуем. Прямо завтра и займись этим. Возьми у Кожуриной поручение и оформляй командировку.

– Мадам следователь будет счастлива меня видеть, – Скрябин усмехнулся.

– Сколько уже времени прошло? Пора восстанавливать отношения.

– Я их не ломал, чтобы теперь восстанавливать...

– А она тогда просто делала свое дело. Сам знаешь, она баба резковатая, но по-своему правильная. Было бы больше таких, как она да Юрка Голицын, у нас бы в сто раз меньше проблем возникало.

Шилов замолчал, увидев, как из леса вышел и направился к ним плотный мужик в камуфляже. Подойдя, он козырнул, представился. Рассказал:

– Такое дело. У нас тут три бойца сбежали, с оружием. Им может понадобиться гражданская одежда и автотранспорт.

– Вы предлагаете нам свернуться? – спросил Роман.

Майор пожал плечами:

– Мое дело предупредить, а решать вам...

...Двое из троих беглецов давно уже были на другом берегу озера и продолжали уходить от погони, не сбавляя темпа.

Третий, благополучно переждав, когда цепь прочесывания минует его убежище, двигался в другом направлении, держа курс к проселочной дороге. Он рассчитывал напроситься в попутчики к какому-нибудь водителю или же просто угнать машину.

Так что пикнику оперов-убойщиков ничто не угрожало. Они особо и не тревожились. Стволы были почти у каждого, ломать редкий выезд на природу из-за каких-то дезертиров никто не собирался. На коротком совещании пришли к выводу, что сбежавшим бойцам шум не нужен, так что нападать на большую компанию они не рискнут. После ухода майора отдых продолжался как ни в чем не бывало. Пили, жарили мясо, пели под гитару... Разве что по сторонам посматривали чуть более часто и немного внимательнее, чем это делали до предупреждения.

И не догадывались, что в скором времени историей беглых солдат им придется заняться вплотную.

Для Паши Арнаутова это было первым серьезным делом после перевода из бойцов СОБРа на должность оперуполномоченного в отдел, которым руководил отец.

В отделе Паша работал без малого пятый месяц, и до сих пор от любых мало-мальски значительных разработок его отодвигали. Делалось это вполне деликатно, но Паша все равно обижался. Понятно, что оперативного опыта у него почти никакого и ребята опасаются, что он по незнанию может наломать дров, но ведь если его так и будут от всего отстранять, то откуда опыт возьмется? Время шло, Паша тихо бесился и уже всерьез начинал думать о том, чтобы свалить из УБОПа в какой-нибудь территориальный отдел, где рядом с ним будут работать такие же, как он сам, начинающие опера и где ни на кого не будет особо давить авторитет его бати. Паша даже начал втихаря подыскивать себе место, но оказалось, что с переводом все не так просто. С «земли» в УБОП мечтали перевестись многие, но чтобы наоборот, да еще не на командную должность, а на самую что ни на есть рядовую – это вызывало недоумение. Причина перевода – нехватка опыта для работы в Управе? Глупость какая-то! Половина главка сейчас укомплектована вчерашними выпускниками Школы милиции, и ничего, как-то держатся, не комплексуют. Может, дело не в отсутствии навыков, а в том, что вы, товарищ, упороли какой-то косяк, из-за которого начальство или коллеги предложили вам искать новое место?

В общем, когда месяц назад в отделе появился Гриша Лютый, ситуация начинала выглядеть тупиковой. Гриша отработал в органах пятнадцать лет, но не в Питере, а на Украине. Когда, по его собственному выражению, «хохлы совсем достали», он воспользовался родственными связями и нашел место в Санкт-Петербурге, старшим опером в одном из районных отделов. Может, так и просидел бы он там до пенсии, но сработал фактор везения: разбираясь с какими-то лохотронщиками, которых притащили в отдел постовые, Лютый встретил парнишку, которого когда-то в Донецке ловил за квартирные кражи. Ныне парнишка числился в розыске за

многочисленные подвиги на исторической родине и жил по чужим документам. Стремясь выторговать свободу, паренек рассказал много всякого интересного. По его наводке взяли группу автоугонщиков, изготовителей паспортов и серьезных разбойников-гастролеров. Не говоря уже о всякой шушере вроде скупщиков краденого и мелких сбытчиков наркоты. Процент раскрываемости отделения, в котором трудился Лютый, взлетел на небывалую высоту, а сам Лютый удостоился личного предложения от Арнаутова-старшего, совместно с отделом которого реализовывалась часть информации, сменить место службы.

В арнаутовском отделе Лютого приняли настороженно. Общее мнение выразил Молчун: «Мутный конь. Такими темпами он через полгода в Министерстве станет работать». Паша этого мнения не разделял, Лютый ему с самого начала понравился своей независимостью и профессионализмом. Последнее качество Гриша, в отличие от некоторых коллег, не старался выпячивать. Более того, он доброжелательно и откровенно делился секретами мастерства, не гнушаясь многократно растолковывать вещи, непонятные Паше. Неудивительно, что они стали напарниками. Правда, тот же Молчун пробурчал по этому поводу, что, мол, хитрый хохол выслуживается перед начальником через его сына. Но Паша, выбрав момент, провел с Молчуном разъяснительную беседу, и тот за свои слова извинился.

Лютый всего месяц отработал в отделе, но Паше казалось, что прошло не менее полугода. За четыре недели они успели столько всего! Работали почти круглосуточно и без выходных, но зато результатами можно было гордиться. Подчистили все хвосты по реализации сведений, полученных от лохотронщика, и вышли на след группировки, продающей оружие с армейского склада. Информацию, позволившую зацепиться за оружейников, опять раздобыл Лютый.

...Паша сидел в черном джипе «Паджеро», припаркованном на тротуаре у ограды сквера, в котором должна была состояться встреча с продавцами оружия. Продавцы опаздывали уже на десять минут, и Паша нервничал, хотя Лютый и предупреждал, что встреча может не состояться. У людей, занятых столь рискованным бизнесом, свои представления о пунктуальности. Запросто могут разок-другой продинамить, чтобы убедиться в отсутствии милицейской засады или каких-нибудь других каверз со стороны покупателей. Последят за

местом встречи со стороны, позвонят и перенесут все на завтра. И так до тех пор, пока не уверятся в своей безопасности.

Сам Лютый расположился на скамейке внутри сквера. Сидел и грыз яблочко, ничуть, вроде бы, не интересуясь происходящим вокруг. Сидит себе человек, отдыхает. Паша в который раз подумал, что Лютый умеет совершенно поразительно вписываться в любую окружающую обстановку. Надень на него форму – получится типичный мент или военный. В эковской робе он будет смотреться правильным «мужиком», имеющим за спиной пару ходок длиной в десять лет. А в костюме с белой рубашкой сойдет за жуликоватого директора торговой компании или помощника депутата. Сейчас на Лютом были дешевая куртка с джинсами и кроссовки, так что с ходу определить его масть было трудно. По мнению Паши, попадание в образ было успешным. Паша попытался представить себя на месте противника, который наверняка уже прибыл и присматривается с расстояния. На его месте Паша не заподозрил бы подвоха. Именно так, как сейчас Лютый, и должен выглядеть серьезный партнер. Не распальцованный бандюган из бывших спортсменов и не засиженный зэк, объявленный в розыск за мокрое. Серьезный человек, занятый прибыльным, но рискованным бизнесом. Гранатометы он берет не для себя, а для других людей, тоже серьезных. И обстоятельства, при которых эти люди применяют оружие, волнуют его так же мало, как и каналы, по которым «железо» попало к поставщикам.

Однако пора бы уже им появиться...

Только Паша об этом подумал, как они появились. Не они – он. Среднего роста мордастый мужик в кожаной куртке, пройдя вдоль ограды и мазнув по «Паджеро» настороженным взглядом (Паша порадовался, что на джип повесили липовые номера – машину специально для операции одолжили у одного коммерсанта, который был УБОПу по жизни обязан и не отказывал в таких мелочах), резко завернул в сквер и сел на скамейку к Лютому.

Лютый посмотрел на него, бросил за спину огрызок и слегка потянулся.

– Откуда этот хрен нарисовался, не видел? – шепотом спросил Паша у Молчуна, сидевшего за рулем джипа.

Молчун отрицательно покачал головой.

У Лютого был при себе микрофон, так что весь его разговор с продавцом был слышен в кабине «Паджеро» и писался на цифровой диктофон.

– Здорово! Как дела? – спросил Лютый.

– Пока не родила, – отозвался продавец, которому заочно присвоили кличку Прапор – установить его личность не удалось, но были основания полагать, что он служит на военных складах в окрестностях Гатчины и что именно оттуда уходит продаваемое им оружие.

– Значит, родит! Да расслабься ты! Яблочко хочешь?

– Предпочитаю «капусту».

– «Капуста» имеется. «Железо» привез?

– Привез.

– Покажи!

– Сначала покажи «капусту».

– Ага, значит, утром деньги, вечером стулья. Так?

– Ты даешь деньги, я позову человека. Он отнесет их в машину и принесет «железо».

– А ты, значит, страховочкой остаешься, так?

– Моя голова не стоит восемь штук? – Прапор нервно усмехнулся.

В зеркало Паша видел, как Лютый, обдумав предложение продавца, кивнул и достал телефон. Спустя несколько секунд зазвонил мобильник Арнаутова-младшего. Примерно такое развитие ситуации они и предполагали, когда планировали операцию, но Паша ощутил столь сильный выброс адреналина, что, отцепив трубку от пояса, уронил ее на пол, а подобрав, чуть не нажал отбой вместо кнопки ответа.

– Да не суетись ты, – прошептал Молчун.

Паша сильнее прижал трубку к уху:

– Алло!

– Тащи бабки. Таможня дает добро.

– Понял.

Паша убрал телефон, потер взмокшие ладони о штаны. Мысленно обругал себя: пока служил в СОБРе, и в Чечне успел побывать, и в Питере не один раз участвовал в задержаниях вооруженных преступников – чего же сейчас так мандражирует?

Молчун слегка толкнул его в плечо:

– Иди, все будет нормально.

Проверив в кармане конверт с долларами, одолженными у того же барыги, который предоставил джип, Паша вылез и, изображая эдакого костолома, чьи мозги много лет назад остались на борцовском ковре, подошел к скамейке. Хотел отдать конверт Лютому, но Гриша кивнул на Прапора:

– Это теперь его деньги. Почти...

Паша развернулся, протянул конверт Прапору. Прапор поднял руку, чтобы конверт забрать... Поднял и замер. Паша почувствовал, что он смотрит куда-то мимо конверта и видит там нечто такое...

С неожиданной резвостью Прапор вскочил, ударил Пашу головой в живот и бросился к выходу из сквера.

– ... твою мать! – метнулся вслед за ним Лютый.

Паша не понял, что именно произошло, но сообразил самое главное: из-за какой-то его оплошности операция провалилась. Он почувствовал себя так, как это бывает после сильного удара в солнечное сплетение: дышать и двигаться вроде бы можно, но очень не хочется. Проще упасть и дожидаться, чем все закончится, чем пытаться что-нибудь изменить.

Впрочем, такое состояние длилось недолго. Преступник убегает; его нужно догнать и сломать. Это не оперативные игры, это понятное и привычное дело. Усилив воли сбросив оцепенение, Паша бросился догонять.

Прапор уже выскочил из сквера и теперь бежал вдоль ограды, а навстречу ему вдоль поребрика летела зеленая «пятерка» с распахнутой задней дверцей – явно с целью его подхватить. Бежал Прапор на удивление быстро, а еще и толкнул на Лютого какую-то женщину, так что Гриша сильно отстал. Не успевал и Молчун, выскочивший из «Паджеро».

Паша бросился по газону, в прыжке перемахнул через ограду и, опередив Лютого, успел в последний момент. Готовясь прыгнуть в «пятерку», Прапор притормозил, и в этот момент Паша сшиб его ударом ноги между лопаток. Мордой пропахав по асфальту, Прапор замер, не помышляя о дальнейшем сопротивлении. Машина вильнула от тротуара и прибавила скорость. Задняя дверца захлопнулась, в кабине были видны двое мужчин – водитель и кто-то на заднем сиденье.

Паша кинулся за машиной, на ходу выдергивая из кобуры пистолет. Патрон уже дослан в патронник, так что как только на линии стрельбы будет чисто, можно бить по колесам.

Оглянувшись, Паша увидел, как Молчун с Лютым, навалившись на Прапора, надевают наручники. Одного взяли, но если уйдет машина с товаром, то грош цена такому захвату.

А если «железо» в другой машине?

Паша остановился. Сжимая пистолет двумя руками, занял привычную позицию для стрельбы. Черт, люди! Впереди, по ходу «пятерки», какие-то растерявшиеся пешеходы; нет, чтобы прыгнуть к обочине, спасаясь от летящей машины – замерли на дороге. Пуля, не попавшая по колесам, гарантированно достанется кому-то из них.

А машина вот-вот достигнет границы, за которой прицельная стрельба по ней практически невозможна...

Положение спас Топорков, о котором Паша в пылу схватки забыл. Топорков был в служебной «шестерке», косо припаркованной к тротуару, и перекрывал один из двух возможных путей отхода преступников. Точно рассчитав время и расстояние, он врубил заднюю передачу и вылетел наперерез. Звук удара машин растворился в уличном шуме, а водитель «пятерки» выкрутил руль, в последний момент пытаясь избежать столкновения, так что Паше сперва показалось, будто затея не удалась... Удалась! Сцепившись и перегородив встречную полосу, машины остановились. С криком «Да что ж ты, сука, наделал!» Топорков выволок из «пятерки» и скрутил водилу, который после столкновения выглядел слегка очумело и почти не сопротивлялся. Подоспевший Паша захватил заднего пассажира. Подбежал запыхавшийся Лютый: – Взяли? Молодцы! Деньги не потерял?

– Нет, – Паша проверил конверт.

Лютый выдернул из замка зажигания «пятерки» ключи, открыл багажник. У Паши ухнуло сердце: показалось, что внутри нет ничего, кроме запаски с домкратом. Как же так? Значит... Но Лютый, выбросив домкрат на асфальт, склонился над багажником ниже и отогнул края промасленного брезента, который Паша сперва не заметил. Из свертка, тускло отражая солнечный свет, торчали «трубы» ручных противотанковых гранатометов «Муха».

Есть!!!

Лютый усмехнулся и показал Паше большой палец. Потом увидел, что Молчун уже приволок Прапора и, поставив его на колени, держит за скованные сзади руки. Подошел и, наклонившись близко к его лицу, с понятным злорадством сказал:

– Что, моя капуста тебе не нужна? А мне твое железо надо!

Прапор что-то пробурчал и отвернулся. Из носа у него текла кровь, лоб и щеки выглядели так, как будто их обработали наждачной бумагой.

Лютый выпрямился, посмотрел на зевак, столпившихся на тротуаре. Крикнул им:

– Чего стоим? Расходимся, сейчас тут все взорвется!

Кто-то поторопился уйти, но остальные просто попятились от поребрика на два шага и крепче сжали ручки сумок и мешков.

Лютый подошел к Паше, молча сдвинул обшлаг левого рукава его куртки и посмотрел на часы. Паша тоже туда посмотрел. И почувствовал, как краснеет. Вот, значит, в чем он прокололся. Баран! Точно, все мозги оставил в спортзале.

Часы были наградными, с гербом МВД, с гордой надписью «Российская Федерация» золотом по черному циферблату. Наверняка и военным такие же часики выдавали, вот Прапор и въехал с первого взгляда.

– Ты б еще наколку сделал «Смерть бандитам», – сказал Лютый.

Паша высвободил запястье, опустил рукав. Помолчав, извинился. Это у него, как и у отца, получалось с трудом.

– Ну, извини, лопухнулся.

– Понимаешь, Паша, если бы на его месте, – Лютый кивнул в сторону Прапора, – оказался зэчара какой-нибудь, ты бы уже давно был на том свете. Врубаешься?

– Не дави, понял.

– Ну раз понял – иди ищи понятых. Надо здесь побыстрее заканчивать, самое интересное впереди.

Они знали друг друга с курсантских времен, а значит – целую жизнь.

Пять лет они спали на соседних койках в казарме, ходили в увольнения и бегали в самоволки, передирали друг у друга конспекты. После выпуска, получив назначения в разные округа, пообещали часто писать и обязательно встретиться. С письмами как-то не получилось, на письма времени не хватало, а вот встречаться доводилось им регулярно. В Сирии и Ливане. В Мозамбике. В Афганистане. В Чечне. Последнее время – все чаще в невоюющем мирном Питере.

Училище они закончили одинаково и до начала девяностых годов шли по карьерной лестнице вровень, даже очередные звания получали чуть ли не в один день. Но потом все изменилось. Один так и продолжал неспешное движение вверх, потом и кровью добиваясь очередной высоты, второй же будто заскочил в скоростной лифт. Первый, двадцать три года отслужив в армии, стал полковником, командиром в/ч специального назначения. Второй был тоже полковником, но в отставке, однако имел отношение к таким полутеневым-полулегальным структурам, для которых командир части спецназа даже не пешка в их играх, а в лучшем случае кусочек войлочной тряпочки, приклеенной снизу к пешке, чтобы она легче двигалась по доске и не царапала блестящую полировку.

Они всегда обращались друг к другу по имени. Когда вместе учились. Когда воевали. Когда, изредка, удавалось встретиться семьями. И для полковника было неприятным потрясением осознать, что, оказывается, в последнее время он все чаще и чаще называет старого друга не иначе как Координатором. Причем называет не в общении с подчиненными, допущенными к решению особых задач, поставленных перед частью – в этих случаях такая секретность являлась, конечно, оправданной, – а называет его Координатором мысленно, про себя. И вздрагивает, когда жена спрашивает, как у старого друга дела, просит передать привет его супруге или безнадежно вздыхает: «Может, он тебя к себе работать возьмет? Сколько можно в этой армии?.. Выслуга с пенсией есть, льготы

последние вот-вот отнимут, так, может, хватит романтики? Увольняйся, и хоть на старости лет проживем, как нормальные люди».

Полковник давно перестал быть романтиком. Много лет назад, при выборе профессии, это качество, возвращенное на военных книжках и фильмах, сыграло важную роль. Потом оно благополучно перенесло курсантские годы и службу в Туркестанском ВО. Пошатнулось, однако выдержало испытание в Сирии. Но разрушилось в Мозамбике, куда полковника – тогда он был старшим лейтенантом – послали в восемьдесят пятом году.

Нищее государство, за десять лет до этого получившее независимость, было охвачено гражданской войной. Правящая партия ФРЕЛИМО, во главе с большим другом СССР товарищем Саморой Машелом, пыталась удержать власть. Для оказания помощи национальной армии, пресекающей вылазки базирующихся на территории соседней ЮАР отрядов «Мозамбикского национального сопротивления» (МНС), Советский Союз направил военных специалистов. Часть из них – в том числе и будущий Координатор, – прибыла и действовала вполне легально. Другим, призванным выполнить задания особой важности, приходилось маскироваться под европейцев, некогда в избытке населявших страну и до объявления в 1975 году независимости занимавших ключевые посты в экономике. Большинство из них, не согласившись с социалистической ориентацией новой власти, поспешило уехать, но некоторые решились остаться.

Полковник был искренне горд своим особым заданием. Партия и командование оказали ему такое доверие! Больше всего он боялся, что может это доверие не оправдать. О себе и об оставленной в Союзе невесте не думал. Как можно думать о личном, когда на карту поставлены государственные интересы?

Он впрягся в работу с первого дня, как прибыл в страну. Не давал покоя ни себе, ни помощникам. Дело пошло. Случались, конечно, мелкие неудачи, но... Дело пошло!

Пролетело полгода. Ситуация в Мозамбике оставалась тяжелой. Да что там оставалась тяжелой – она ухудшалась с каждой неделей, и полковнику все чаще приходилось отгонять тревожные мысли: неужели их усилия будут напрасны?

Пролетело полгода, в Союзе разворачивалась Перестройка, в Мозамбике гражданская война полыхала уже во всех провинциях, и дело шло к вторжению регулярных частей армии Южно-Африканской Республики. И тут полковник получил информацию, что один из крупных полевых командиров «Национального сопротивления», бригадный генерал Джамба Гонейро, готов перейти на сторону законной власти. Начались долгие и нервные переговоры. Установить связь напрямую не удавалось, приходилось действовать через посредников. Но в конце концов, вроде бы договорились о личной встрече. Полковнику вручили письмо от какого-то дальнего родственника Гонейры – активиста партии ФРЕЛИМО – и благословили на встречу. В последний момент вместе с письмом дали и еще какой-то конверт. Содержимого этого конверта полковник не знал, а в случае малейшей опасности должен был его уничтожить.

На месте встречи полковника ждала засада из «мэнээсовцев». Раненый, он все-таки успел сжечь оба конверта. А потом попал в руки врага и три дня провел в земляной яме. На поверхность его поднимали лишь для того, чтобы подвергнуть очередной серии пыток. Африканцы оказались очень изощренны в этом виде искусства, и он, не помня себя от боли, что-то им рассказал. Но рассказал, видно, не много, раз его не прикончили – держали живым, надеясь выпытать и остальное.

Рано или поздно так бы и произошло, но на исходе третьих суток плена охрана допустила ошибку. Полковник убил двух африканцев, угнал «Виллис» и добрался до городка Шокве, где дислоцировались бригада армии Мозамбика, в составе которой были и военные советники из СССР. Последнее, что запомнил он, прежде чем потерять сознание и вывалиться из-за руля «Виллиса», было лицо Координатора и его слова:

– Степа, живой?! Мы уж думали...

Полковника без заминки переправили в СССР. Подлечили, наградили, дали длительный отпуск. В отпуске он сыграл свадьбу. После медового месяца получил новое назначение – в Белоруссию, где ничто не напоминало об африканском кошмаре. Втянулся в службу, проводил свободное время с женой, обсуждал с товарищами новую политику партии и посмеивался над объявленной Горбачевым борьбой с алкоголизмом. Земляная яма и чернокожие палачи снились все реже и реже.

Спустя год он случайно узнал, что вскоре после него установить контакт с Джамбой Гонеиро пытался еще один офицер. Он погиб, секретное письмо попало в руки врагов, в стане «Сопротивления» случился раскол. С Гонеиро расправились, но перед этим он сам успел прикончить кого-то из лидеров «Сопротивления».

Потом полковник узнал еще кое-что. И еще. Так, по мелочи. Но этих мелочей оказалось достаточно, чтобы раскрылись глаза.

Две недели он ходил сам не свой, потом подал рапорт в Афган. Логика в таком поступке было немного. Хотя – как посмотреть... Жена узнала об этом последней. Рыдала. Грозилась уйти. Он уехал.

Спустя год там и встретился с Координатором. После Африки они не виделись и даже не переписывались. Полковник слышал, что старый друг теперь служит в Москве, даже телефон его кто-то давал, да все руки не дошли позвонить. А тут Координатор как-то вечером сам пришел в его комнату в «бочке» – так называли временный жилой модуль.

Выпили разведенного спирта. После четвертого тоста Координатор спросил:

– Ты зачем все время лезешь под пули? О твоём геройстве здесь только мертвый не знает. Объясни мне, что происходит. Мозамбик?..

– Меня тогда специально подставили. Правильно? Было нужно, чтобы этот чертов конверт оказался у негров. И оказался так, чтобы они поверили в то, что там написано. Правильно? Чтобы они поверили и перегрызлись между собой. А этот долбаный вождь, на встречу с которым меня отправили, про меня ни ухом ни рылом не знал и вовсе не собирался вступать в коммунисты. Правильно?

Координатор долго не отвечал. И не поднимал глаз. Потом ответил. Вроде бы убедительно:

– Правильно. Только мне тогда ничего об этом известно не было.

– Ничего?

– Степа, не сходи с ума. Кто я тогда был, чтобы со мной такие операции обсуждали? Такой же старлей, как и ты. Тем более мы вместе учились. Я уже потом сам догадался, когда Генка Ерасов погиб. Он на два курса младше нас учился, ты его, может быть, помнишь... Считается, что благодаря этой операции было отсрочено наступление регулярных сил ЮАР и серьезно ослаблены позиции МНС. Мы офицеры, Степа. У нас работа такая – Родину защищать. Войны без

потерь не бывает. Ценой одной жизни были спасены тысячи. Согласись, что для боевых действий это очень хорошее соотношение.

Будущий полковник молчал.

Будущий Координатор, наполнив стаканы, спросил:

– Если бы ты был генералом, и от тебя зависело принятие такого решения, ты бы его принял?

В последний момент старый друг изменил интонацию, и вопрос прозвучал как утверждение.

Будущий полковник молча выпил.

– И еще... Решение уже принято, и не позднее февраля мы отсюда уйдем. Осталось немного, так что постарайся... без глупостей. Оставь прошлое в прошлом и начинай жить. Мне бы очень не хотелось сопровождать твой цинковый гроб и рассказывать Лене, как ты геройски исполнил интернациональный долг перед братским афганским народом.

– Тебе его сопровождать не придется. – Будущий полковник высказался в том смысле, что, мол, и без тебя найдется, кому доставить тело на родину, но Координатор предпочел сделать вид, что истолковал фразу по-своему.

– Вот и отлично! – Улыбнувшись, он чокнулся своим стаканом со стоящим на столе стаканом товарища.

– Кстати, откуда ты про февраль знаешь?

– Это уже все знают.

– Да? Я пока что не слышал. Похоже, что как раз ты точно станешь генералом.

– Не уверен, – Координатор посмотрел на полковника очень трезвым взглядом. – Дома начинается такая интересная жизнь, что красные лампасы меня в последнее время привлекают не слишком...

К стоящему на отшибе поселковому магазину подкатил армейский микроавтобус «УАЗ», за округлые формы кузова прозванный «батон» или «таблеткой». Кроме полковника в машине был только сержант-водитель. Полковник сидел в пассажирском салоне за столиком, на котором была разложена карта с обозначенными районами поиска дезертиров и схемой движений розыскных групп.

– Леша, сходи, купи чего-нибудь, – распорядился полковник, кутаясь в накинутый на плечи камуфляжный бушлат: несмотря на то

что в «УАЗе» было жарко натоплено, его сильно знобило: бессонная ночь наложилась на простуду и старые раны.

Водитель выпрыгнул из автобуса, ушел в магазин. Только после этого из черной «Волги», стоявшей у противоположного угла здания, вышел Координатор. От военного в нем остались только выправка да офицерский голос. Меся дорогими ботинками грязь, он дошел до «таблетки». С легкой брезгливостью дернул тугую ручку и открыл заскрипевшую дверь пассажирского отсека автобуса. Залез и сел на скамейку, подобрав длинные полы черного плаща и поддернув брюки с острыми стрелками.

Они поздоровались, и Координатор нетерпеливо спросил:

– Что у тебя?

– Точной информацией не обладаю. Могу только предполагать, что их подтолкнула на побег Калининградская операция.

– Фактор случайности, – поморщился Координатор, глядя в окно.

– Кто мог знать, что автобус перекроет цель?

– В автобусе дети были...

– Не дави на мозоль, Степа. Они не салобоны, знали, где служат.

Кто инициатор побега?

– Думаю, Ремезов. Последние дни он выглядел хмурым...

– А ты куда смотрел?

– Валя! Знал бы прикуп...

– А должен был знать, Степа. Если они куда-нибудь придут...

Если они что-нибудь расскажут... Тебя привлекут к самой суровой ответственности. Ты понимаешь, о чем я?

– Ладно, не первый год замужем.

– Как бы не в последний. Найди их, Степа, иначе я ничего не смогу для тебя сделать. Какая помощь нужна?

– Горючка для вертушек.

– Я дам команду. Пока все? Держи меня в курсе. Удачи!

Выйдя из автобуса, Координатор придержал дверь:

– Да, как там Лена?

– Все нормально.

– Генка поступил? Ну, бывай!

Как ни поторапливал Лютый, а все равно на месте задержания оружейников провозились до темноты. В том числе из-за Паши, который слишком долго писал свой первый в жизни протокол осмотра. Помогавший ему Лютый оглянулся, отыскивая водилу «пятерки». Тормознул проходившего мимо Топоркова:

– Слушай, а где хозяин машины?

– Так увезли уже.

– Нормально! А кто мне в протоколе крестик поставит?

– Он тебе в отделе распишется. – Топорков продемонстрировал опечатанный бумажными лентами брезентовый сверток с гранатометами: – Во, упаковал, как заказную бандероль.

– Да не трясина ты, бисова душа, они же шмальнут.

– Гранатометы просто так не стреляют, их взводить надо.

– Ну тебе виднее. Я на флоте конюхом служил. – Лютый протянул Топоркову ключи от «пятерки». – Ладно, ты гони их тачку, а я с Пашкой поеду. Молчун, кстати, где, уже смылся?

– Да, погнал джип отдавать. И баксы.

– Моргнуть не успеешь, как вы все разбегаетесь. Ну шо за народ?

Услышав шум останавливающейся машины, Лютый и Топорков обернулись. Оказалось, приехал Арнаутов-старший.

– Все, я поскакал, – Топорков удобнее перехватил сверток. – Дровосека ведь Громов вызывал, наверняка пистон вставил. А он теперь нам... Не хочу в этом участвовать. Все, давай, в отделе увидимся.

– Давай...

Ловко разминувшись с Арнаутовым, Топорков смылся.

– Здоровеньки булы, Николай Иванович! – приветствовал Арнаутова Лютый.

Вместо ответа начальник отдела объявил:

– Проверка из Москвы едет. Воскресенье, блин... Что тут у вас?

– Да вот, закруглились. На базу собираемся.

– А это что? – Арнаут указал на разбитый багажник служебной «шестерки».

– Это? Да они что-то почувствовали, Николай Иванович, и смыться решили. У нас другого выхода не было...

– Что почувствовали?

– Да понимаете...

– Я засветился, – Паша выступил из темноты за спиной Лютого. – Часы забыл снять наградные.

Железный Дровосек скривился, как от зубной боли:

– А чего фуражку не надел? Или, лучше, всю форму?

– Ну ошибся я, виноват! Что мне теперь, застрелиться?

– Ты голос мне не показывай. Быстро обратно в отряд пойдешь, двери лбом вышибать.

– Да и пойду!

– Хватит, Паша. – Лютый встал между отцом и сыном. – Иваныч, проехали. С кем не бывает? Это я недоглядел.

– Он головой думать должен, а не только есть.

– Да научим его, все будет путем!

Через плечо Лютого Железный Дровосек посмотрел в лицо Паше, еще раз дернул щекой и отвернулся, массируя область сердца:

– Ладно, дорабатывайте, а я домой. Нехорошо мне что-то...

Направившись к своей «Волге», Арнаут на полдороге остановился и достал сотовый телефон. Долго смотрел на него, потом вздохнул и набрал домашний номер Кожуриной.

– Да, я слушаю, – ответила она после первого же гудка. Кроме ее голоса был слышен звук включенного телевизора: шел какой-то концерт, Верка Сердючка пела: «А я не знаю почему, но ты мне нравишься...»

– Привет, это я.

Звук телевизора плавно угас. Было слышно, как Татьяна положила «лентяйку». Только после этого сухо ответила:

– Здравствуй.

– Не хочешь в гости позвать?

– Зачем?

– Давно не виделись.

– И что?

– Я соскучился...

– Прикажешь мне теперь от радости зайчиком прыгать? Извини, мне завтра рано вставать. – Татьяна положила трубку.

Арнаутов посмотрел на погасший дисплей мобильного. Звонить больше некому. Домой ехать не хочется. В отдел, что ли, отправиться? Там он опять полается с Пашкой, а ребятам, которые честно отработали в выходной день и теперь надеются немного расслабиться, распив пару бутылок под нехитрую закуску и разговоры на рабочие темы, будет только мешать.

Сильно хлопнув дверью, Железный Дровосек сел в машину и сказал в ответ на вопросительный взгляд водителя:

— Домой. Только тормозни у магазина какого-нибудь...

– И последняя приятная новость, – сказал Шилов, заканчивая утреннее совещание. – К нам едет ревизор.

– Сколько можно? – Джексон стукнул кулаком по столу. – Только в прошлом месяце проверяли. И тоже из Министерства.

– В позапрошлом, Женя, в позапрошлом. А что ты хочешь? Мы ведь криминальная столица. И хватит дискуссий по этому поводу. Лучше лишний раз посмотрите, чтобы с бумагами было нормально. К тебе, Женя, это относится в первую очередь.

– Чего я-то? Как что, так сразу я!

– Все, хватит болтовни, мы не в парламенте. Начинаем работать.

Все вышли из кабинета. Остался только Стас, сидевший за своим столом. После вчерашнего пикника вид у него был немного помятый. Потирая щетинистый подбородок, он спросил:

– Кто возглавляет проверку, известно?

– Известно. Некто генерал Бажанов.

– Что это за хрен с горы?

– Новый зам управления. Перевелся из Минобороны.

– Слава богу, что не из Минздрава.

– Неизвестно, что хуже. По слухам, основное внимание Бажанов уделяет тому, чтобы дела были правильно сшиты и чтобы даже по столетней давности «глухарям» имелись свежие справки о мероприятиях.

Скрябин презрительно фыркнул и, продолжая тереть подбородок, посмотрел на чайник, стоявший на маленьком приставном столике у стены рядом с Шиловым. Усмехнувшись, Роман дотянулся до чайника и нажал кнопку. Почти сразу зашумела вода.

– На две чашки не хватит... Помнишь, о чем мы вчера говорили?

– Помню. А что?

– Про Нижний Тагил не забыл?

– Про Петруху? Нет, конечно. – Скрябин посмотрел на фотографию Соловьева, висящую в траурной рамке на стене около двери. – Я уже даже в справочную позвонил, есть вечерний рейс через Екатеринбург. Если успею командировку оформить, сегодня и улечу.

– Я видел Громова перед «сходкой», сказал ему. Бери у Кожуриной поручение, а он с канцелярией и с бухгалтерией договорится, чтобы они тебе все приготовили еще до обеда.

Стас покачал головой:

– Где мы живем? Начальник управления розыска нижайше просит канцелярию и кассиршу, чтобы они...

Щелкнул, выключившись, чайник. Шилов перебил Скрябина:

– Пей кофе и дуй в прокуратуру. И не забудь вечером ключ от сейфа оставить, мало ли, этот Бажанов захочет твои дела посмотреть.

Через десять минут Стас уехал. Шилов принес воды, вскипятил, заварил кофе себе. Не успел сделать глоток, как в дверь, коротко постучав, заглянул незнакомый мужчина лет сорока. Среднего роста, темноволосый, усатый, в кожаном плаще.

– Можно?

– Да, заходите, конечно.

Мужчина обвел взглядом кабинет, чуть задержавшись на фотографии Соловьева. Представился:

– Вот, зашел познакомиться. Ткачев Сергей Константинович. Новый начальник Управления собственной безопасности.

Ткачев протянул для пожатия руку. Шилов посмотрел на нее, но не пожал. Присел на край стола Скрябина, скрестил руки на груди:

– Не могу сказать, что очень рад.

Ткачев как-то очень понимающе кивнул и сел на стул у стены, справа от входа:

– Кофе угостите?

– Да, конечно. Прошу! – Шилов отдал ему свою кружку. – Пейте на здоровье!

– Зря вы так, Роман Георгиевич. Нет плохих служб, есть плохие люди.

– Вы, значит, хороший?

– Для того, кто работает, да. – Посмотрев в кружку, Ткачев поставил ее на стол Шилова, не притронувшись.

– Прямо революция какая-то!

– Наша служба потому и называется «собственной безопасностью», чтобы обеспечивать безопасность сотрудников.

– Всю жизнь мечтал об ангеле-хранителе.

– Как видите, мечты сбываются.

– Вот, значит, ты какой, Санта-Клаус.

Ткачев усмехнулся. Взял кружку, выпил, поставил. Вздыхнул:

– Санта-Клаус по сравнению со мной просто мальчишка. Появятся проблемы – обращайтесь.

– Они должны появиться?

– А что, разве у сильного опера может быть по-другому? До скорого...

Ткачев ушел.

Шилов выплеснул недопитый кофе в корзину, сел за свой стол и выругался.

Бажанов, Ткачев... Начало недели безнадежно испорчено.

Значит, и вся неделя будет такая?

– Ну и где я? – спросил Кальян, отрывая голову от подушки.

В расстегнутых брюках и голый по пояс, он лежал на огромном квадратном диване в VIP-зале восточного ресторана. Рядом дрыхла какая-то смуглая девица в полупрозрачном наряде исполнительницы танца живота. Кальян похлопал ее по задку:

– Эй, подруга, вставай. Утро уже!

Девушка что-то пробормотала и немного отодвинулась от него.

На столике рядом с диваном стояло множество разномастных бутылок. Целых не было, самое большее – полупустые. Кальян взял текилу, сделал из горла несколько глотков. Откинулся на подушки, полежал, глядя в потолок и припоминая вчерашнее. Сколько бы он ни пил, сильного похмелья у него никогда не бывало. Хотя все считали, что после загула он не меньше суток приходит в себя и страдает провалами в памяти.

Большая светлая комната, где он находился, была оформлена в стиле, соответствующем восточной ориентации заведения. Ковры, ширмы, принадлежности для курения опиума. Пахло какими-то благовониями. На полу валялись пиджак и залитая красным вином рубашка Кальяна. Он опустил руку, проверил содержимое карманов пиджака. Все на месте. Кто бы там чего ни думал, но даже в состоянии глубочайшего опьянения Кальян умел себя контролировать и алкогольной амнезии не был подвержен.

– Эй, есть кто живой? – крикнул он.

Тут же приоткрылась дверь, в комнату вошел метрдотель. Вид у него был немного напуганный. Оно и понятно: заранее неизвестно, чего ждать от такого клиента, как Федя Кальян, – то ли мордобоя, то ли царских чаевых, то ли и того и другого одновременно.

– Звали, Федор Аркадьевич?

– Если бы не звал, ты бы сюда сунуться не посмел. В Багдаде все спокойно?

– Да, Федор Аркадьевич. Мы еще не открылись, здесь только свои, первая смена.

– Шахиду позвони.

– Уже позвонили, Федор Аркадьевич. Уже едут...

– Свободен.

Метрдотель, скрывая облегченный вздох, хотел скользнуть за дверь, но замер, услышав окрик Кальяна:

– Отставить! Тело это заberi.

Метрдотель с испугом посмотрел на спящую танцовщицу.

– Да жива она, жива, – усмехнулся Кальян, беря со столика прямоугольную бутылку текилы. – Нажралась просто.

Метрдотель безуспешно попытался растолкать девушку, потом просто взвалил ее на плечо и ушел, плотно затворив резную дубовую дверь. Но в одиночестве Кальян оставался недолго. Прошло, может быть, минут пять, и появился Шахид. Он был, как всегда, подтянут и деловит. На помятого Кальяна смотрел со скрытым презрением.

Кальян подумал, что его помощник слишком часто в последнее время стал себе позволять такие взгляды. Дурак, думает, что это не видно – а на самом деле его мысли прямо на лбу прочитать можно. Ничего, пусть пока думает. Ничего...

– Шахид, братан! – широко улыбнувшись, Кальян отсалютовал ему пиалой с холодным чаем. – Чайку хочешь?

Шахид отрицательно покачал головой.

– Ну, как знаешь... Костюмчик мне не привез?

– А деревянный не боишься примерить?

Кальян поперхнулся:

– Чего?

– Федя, ты догуляешься! – Нервно вышагивая вдоль дивана, на котором лежал Кальян, Шахид скрестил руки на груди. – Или ингуши тебя тепленьким, без охраны, возьмут, или менты завалят при задержании. Ты же пьяный хрен дашься.

Кальян прокашлялся, поставил пиалу:

– Не гони, я в норме.

– В норме? А на встречу с Князем я один ездил. И по бизнес-центру вопросы решал...

– И чем ты недоволен? Тебе же лучше, основным становишься.

– Я за дела переживаю.

– Извини, брат, – Кальян покаянно опустил голову. – Понесло чего-то.

Он достал измятый конверт, полученный вчера от гаишников:

– Вот, кстати, работка новая. Займись...

Шахид присел на диван, вскрыл конверт. Нахмурился, разглядывая фотографии:

– Знакомая морда. Где-то я его уже видел.

– По ящику, Леша. Это начальник речного порта.

– Точно! И кто его заказывает?

– Люди, Леша, люди. Зверушки до такого пока еще не додумались.

– Наших задействовать?

– Нет. Подтяни кого-нибудь со стороны.

Кивнув, Шахид убрал конверт во внутренний карман кожаной куртки, встал с дивана, не прощаясь, направился к выходу.

– И пришли мне хоть тельняшку какую-то, что ли! – крикнул ему вдогонку Кальян.

– Хорошо, – не оборачиваясь, ответил Шахид.

Выждав пару минут, Кальян достал один из трех своих сотовых телефонов и набрал номер:

– Привет! Я слышал, ваше ведомство прапорщика вчера приняло. Есть одна просьба...

Скрябин приехал в прокуратуру, поднялся на этаж, где располагались кабинеты следственной части, постучал в дверь Кожуриной:

– Можно?

Место Кожуриной пустовало. Но за вторым письменным столом, который раньше был придвинут к стене и использовался для хранения коробок с вещдоками, сидела незнакомая Стасу темноволосая девушка лет двадцати трех. Когда он вошел, она задумчиво листала какое-то уголовное дело, а на экране компьютера перед ней был выведен недопечатанный текст.

Девушка подняла голову:

– Вы к Татьяне Николаевне? Она у шефа.

– Подождать можно? – Скрябин сел на стул у двери.

– Вас вызывали?

– Нет, я добровольно. А вы – новый следователь?

– Стажируюсь, – девушка поправила короткую челку и сделала вид, что возобновила чтение документов из дела.

– Самоубийца, – Скрябин театрально вздохнул.

– Почему?

– В зеркало на себя посмотрите.

– Что, тушь осыпалась? – Бросив уголовное дело, девушка схватила косметичку, лежавшую рядом с компьютерным монитором.

Стас продолжал:

– На ваше лицо уже упала тень будущего. Горы трупов, тонны бумаг и никакой личной жизни.

– Из кабинета выйдите! Кто вы такой вообще?

– Я ваш спаситель.

– Из кабинета...

Вошла Кожурина. Наверное, она слышала последнюю часть разговора, потому что прямо с порога заметила:

– Правильно, Саша. Никогда не разговаривай с незнакомцами. – И только потом кивнула Скрябину: – Здравствуйте, Станислав Александрович. Какими судьбами?

Она устроилась на своем месте. Скрябин пересел со стула у двери ближе к ней:

– У нас с Шиловым возникла идея по взрывнику. Надо бы слетать к Петрухе, пообщаться.

– Глухой номер. Я его допрашивала по полной.

– Люди склонны меняться. Особенно на зоне.

– Когда хотите лететь?

– Хоть сегодня.

– Билет уже есть?

– Сейчас поеду узнавать.

Кожурина кивнула каким-то своим мыслям и сняла телефонную трубку. Сверившись с записью в ежедневнике, набрала номер:

– Алло, Славик? Это опять я. Сделай мне еще один билет на тот же рейс. Скрябин Станислав Александрович... Он подъедет, заберет. Спасибо!

– А кто еще летит? – Спросил Стас, дождавшись, пока Кожурина, обсудив что-то еще с неизвестным ему Славиком, положит трубку.

Кожурина усмехнулась и посмотрела на девушку:

– Привыкай, Александра, наши оперативники смекалкой не блещут.

Александра понимающе кивнула, взглянув на Стаса поверх уголовного дела, которое снова взялась читать, когда Татьяна Николаевна зашла в кабинет.

Кожурина достала из кошелька деньги, отсчитала стоимость одного билета и протянула купюры Стасу:

– Центральная касса, восьмое окно. Скажете, что от меня. Возьмете билеты на себя и на меня.

– Я и один слетаю...

– Скрябин, у меня кроме вашего взрывника в производстве еще шесть дел, и командировки по ним тоже случаются. А если мое присутствие в самолете вам поперек горла, сядем в разные салоны. Отдельное поручение по Петрухе я выпишу. В идею не верю, но если вдруг выгорит, с меня коньяк.

– Взятка должностному лицу при исполнении?..

– Это бартер, Станислав Александрович. Бартер. С вас по прилете гостиница и машина. Мне сегодня этим некогда заниматься. Договорились?

Скрябин убрал купюры в свой бумажник:

– Договорились. Красивая женщина – как водка: может вдохновить, а может опустошить. Ухожу вдохновленным!

Когда за ним закрылась дверь, Александра спросила:

– Татьяна Николаевна, это опер? Симпатичный!

– Романы с оперативником для следователя – дурной тон. Ты мне запрос напечатала?

– Сейчас допечатаю. А говорят, что вы сами...

– Что? Ты хоть раз меня с кем-нибудь за этот месяц видела? Вот и не болтай. Мало ли, кто что говорит.

– Понятно. – Отложив пухлый том дела, Александра придвинула клавиатуру компьютера. – Горы трупов, тонны бумаг и никакой личной жизни.

– В свободное от работы время – пожалуйста.

– Где оно, свободное?

– На пенсии найдется... Кстати, у тебя тушь осыпалась.

По лицу Лютого, явившегося на доклад в кабинет Арнаутова, было понятно, что он работал всю ночь и добился кое-каких результатов.

Арнаутов сидел за столом, Лютый докладывал стоя. Железный Дровосек смотрел в окно и, казалось, совсем не слушал подчиненного. Хотя на самом деле не пропускал ни слова.

Лютый говорил:

– Он на самом деле прапорщиком оказался. Правда, почти бывшим.

– Что значит – «почти»?

– Они его уволят задним числом за нарушение условий контракта. У него уже имелись взыскания... Служил на складе вооружения. Как мы и думали, на том самом, откуда «Мухи» ушли. Дома у него еще одну «Муху» изъяли и пять подствольников.

– В машине – четыре, плюс одна, всего пять. Со склада выкрали семь. Где еще два?

– Может, толкнули кому или спрятали. Не говорит.

– Как не говорит? Плохо спрашивали!

– Как могли! – развел руками Лютый.

– Плохо можете. Давай его сюда.

Лютый ушел, через несколько минут вернулся вместе с задержанным прапорщиком. Тот был в «браслетах», но Паша помогал Лютому конвоировать – мало ли что, вчера Прапор уже показал свою прыть.

Поняв, что его привели к начальнику, прапорщик немного расслабился. Ну покричит начальник немного, поочередно взывая к совести и грозя уголовной ответственностью. Ну кулаком по столу шмякнет. Самое большее – разок в торец закатает, да и то не особенно сильно, чтоб не оставить следов. Знаем, плавали. За два десятка лет службы в армии прапорщик через все это проходил много раз. Такое только в первый раз неприятно. А когда привыкнешь – плевать. От срока, конечно, не отвертеться. Но, поскольку ранее он не судим, скорее всего отмерят условно. На худой конец, влепят три года,

которые наверняка не придется сидеть до звонка. Обидно, конечно, но жизнь на этом не кончится. А вот если распустить язык, то условным наказанием отделаться не удастся. Коллеги по бизнесу – это не народные заседатели, с ними не забалуешь. Что на воле, что в зоне – одинаково могут пику в бок закатать. Не зря говорится, что молчание – золото...

Подтолкнув Прапора к столу Арнаутова, Лютый с Пашей скромно встали у стенки позади него.

Прапорщик сел на стул и закинул ногу на ногу.

Арнаутлов смотрел на него. Долго смотрел. Молча. Так смотрел, что где-то в глубине души прапорщику стало немножко нехорошо. Размышления, которые только что пронеслись в его голове, больше не казались такими бесспорными. Но Прапор все же бодрился... До тех пор, пока Арнаутлов, громыхнув по столу кулаком, не заорал со страшным лицом:

– Тебе кто сесть позволил, паскуда?!

Прапорщика просто сдуло со стула. Он и сам не понял, как так получилось, что он только что сидел, развалясь, – и вдруг стоит почти по стойке «смирно», верноподданнически вздернув ободранный вчера об асфальт подбородок... Полностью принять строевую позицию мешали «браслеты».

– Кому оставшиеся «дуры» продал?

– У меня больше не было ничего, – с трудом родил ответ прапорщик.

– Не было? Ты хорошо подумал?

– Да. – Второй ответ дался еще труднее. Нет, этот здоровяк с налитыми кровью глазами – не полковой особист, который ездил на ржавой «копейке», чтобы подчеркнуть свою честность, а на самом деле был вовсе не прочь толкнуть кое-что из складского имущества друзьям-коммерсантам. И не командир части, который вот уже десять лет приходил на дежурства с одним и тем же протекающим термосом и сиротскими бутербродами, а выявив недостачу на складе, не гнушался лично закатать в рыло ответственному за сохранность пропавшего – и справивший на майские праздники новоселье в отдельном коттедже под Гатчиной... Тем не менее прапорщик, сглотнув обильно выделившуюся слюну, подтвердил: – Да, я подумал.

– Паша, отведи его в СОБР, пусть там до вечера посидит, – командовал Арнаут, всем своим видом показывая, что утратил к задержанному интерес и намерен заняться другими делами, а вопрос с ним, прапорщиком, откладывает до лучших времен. – Только не забудь рассказать, как он чеченским боевикам гранатометы со склада толкал.

– Понял.

Паша специальным захватом взял плечо Прапора и, заставив его согнуться, поволок к выходу из кабинета.

И все это было сделано так просто, так примитивно и обыденно, что Прапора будто холодной водой окатили: он понял, что это не пустая угроза и что его действительно бросят к спецназовцам, у которых в послужном списке по несколько командировок в горячие точки и особое отношение к тем, кто снабжает террористов оружием. Не требовалось богатого воображения, чтобы представить, как с ним там обойдутся. Может, он и просидит в СОБРе до вечера, но вряд ли после этого сможет ходить. Разве что под себя...

И мгновенно друзья-подельники и партнеры по бизнесу стали как-то очень далеки задержанному. Спросят за длинный язык? Когда это еще будет? И будет ли? А собровцы – вот они, рядом. Только в подвал надо спуститься.

Прапор забился в истерике:

– Это нельзя! Это неправда!

– А мне по хрену, – равнодушно сказал Арнаут.

Прапор уронил стул. На помощь к Паше подскочил Лютый, и вдвоем они дотащили сопротивляющегося прапорщика до дверей.

Там он сдался. Обмяк в их руках и крикнул:

– Ладно! Я Шеховцову их продал, он две цены дал. Сказал, они ему срочно нужны.

– Опять врешь, небось, – Арнаут брезгливо поморщился.

– Не вру. Мне бабки на хату нужны были. Ну что меня, убивать теперь, что ли?

– Убивать не убивать, а покалечить как следует надо было бы. Да уведите вы его с глаз моих!

Интуитивно поняв, что о визите в СОБР речь больше не идет, Прапор перестал упираться и позволил Паше в одиночку вывести себя из кабинета.

Лютый поднял опрокинутый стул, протер ладонью сиденье. Поставил перед столом, сел, посмотрел на Арнаутова в ожидании указаний.

– Знаешь Шеховцова?

– Это я в Донецке всех знал, Николай Иванович. А в Питере я человек новый.

– Леша Шеховцов, шестьдесят восьмого года рождения, кличка Шахид. Бывший омоновец.

Правая рука Феди Кальяна. Хотя, говорят, отношения у них сейчас не шоколад. Короче, урод еще тот.

– Ясно...

– Что тебе ясно? Мне вот ни хрена не ясно! Что они готовят?

– Надо выставиться за ними и посмотреть.

– Вот и займись этим. Заведи дело и работай. Авось незамыленным хохляцким глазом что-то новое и увидишь.

– Я «наружку» заранее вызову. Вдруг они грохнут кого, тут мы и...

– Сплюнь!

В кабинет, довольно потирая руки, вернулся Паша:

– Батя, а Шеховцов – это не Леха из ОМОНа? Мы с ним бились на «Динамо». Он теперь вроде какую-то охранку организовал...

Арнаутов посмотрел в стол и сквозь зубы выругался. Потом поднял голову на сына:

– Убивалку организовал твой Леха.

– Да брось ты, он же нормальный пацан был. Ну там морду набить или «покрышевать», но не больше. Может, мне с ним увидеться? У меня его «труба» есть...

– У тебя мозги вообще отбило? Увидеться! Еще домой его пригласи. Водочки выпьете – он тебе явку с повинной напишет. Иди, сшивай дела, все какая-то польза!

Стиснув зубы, Паша ушел. В коридоре хлопнула дверь, отгораживающая кабинеты отдела от лестничной клетки.

– Зря вы так, Николай Иванович, – покачал головой Лютый. – Парня учить надо...

– Вот и учи! Меня никто не учил, все своим горбом постигать приходилось. Ладно, иди работай, заступник...

На лестнице Паша неумело раскуривал у кого-то взятую сигарету. Лютый выдернул ее у него изо рта:

– Не умеешь – не начинай, – и затянулся сам.

– Еще ты поучи!

– Да не волнуйся ты, все нормально.

– Нормально? Он меня постоянно, как щенка мордой в говно тыкает! Я ведь как лучше хотел...

– Это называется нормальная отцовская любовь. Кстати, насчет Шахида: мне твоя мысль очень понравилась. Действительно, выпей с ним водки, поговори, понюхай, чем он дышит. Глядишь, какой навар и получится.

– Ага, – Паша кивнул на дверь отдела. – А он?

– Вызываю огонь на себя. По рукам?

Дачный поселок на первый взгляд казался абсолютно безлюдным, оставленным жителями до начала следующего сезона. Крепко запертые двери домов, замки на калитках, скелеты полуразобранных парников, покосившийся магазин с железными ставнями на окнах. Тишина: ни человеческих голосов, ни лая собак, ни звука работающего мотора.

Витек говорил, что нечего время терять, надо идти и пытаться разжиться продуктами и гражданской одеждой – что-то ведь должны были оставить на зиму, но Ремезов настоял на своем:

– Пятнадцать минут ничего не решают. Давай сначала посмотрим.

Отдав Ремезову автомат, Витек вскарабкался метров на десять по крепкой березе, выбрал удобный сук и занял наблюдательную позицию, почти незаметный среди веток и тусклой, но еще не облетевшей листвы.

Ремезов оказался прав, в поселке были люди. Прошел к водопроводной колонке мужик в армейском ватнике, во дворе дома на центральной улице возились, снимая пленку с теплицы, мужчина и женщина, вышел покурить на крыльцо крепкий старик в «олимпийке» с надписью «СССР».

А казалось, что нет никого! Конечно, это не поисковая группа из части и не засада оповещенных о побеге ментов. Обычные мирные жители, которые не станут шуметь, увидев, как два бугая с автоматами взламывают дачи соседей.

– Может, внагряк бомбануть? – предложил Витек Ремезову, спустившись с дерева. – В пустых домах, может, и нет ничего, а у этих точно и бабки, и шмотки имеются.

– А потом что, их зачистить предложишь?

– Как следует пуганем – может, они ничего никому и не скажут.

– Может, может... Не может! И так столько наворотили, что... – Ремезов указал на одинокий дом на отшибе. – Как, по-твоему, там нас не засекут?

– Не должны вроде.

– Пошли.

В дом забрались легко. Незаметно перемахнули через покосившуюся ограду, сорвали хилый замок на двери. Ремезов сел у окна, наблюдая за улицей, Витек прошерстил первый этаж – кроме мебели, ничего, заглянул в погреб – там стояли банки с консервированными огурцами – и полез на чердак.

Ремезов смотрел в окно и вспоминал детство. Отец рано умер, мать растила его в одиночку. На лето отправляла к бабушке – у той был участок на Вуоксе. Стандартные шесть соток с крыжовником и клубникой, обшитый вагонкой дом с двускатной крышей – в советские времена строить следовало по стандарту, и председатель правления садоводства строго следил, чтобы хозяева не позволяли архитектурных излишеств. На Вуоксе много хорошего было. Рыбалка, ночное сидение у костров, походы в лес. Первая любовь, смешная и безответная. И первая женщина... Пожалуй, все лучшее, что у Ремезова было в жизни, произошло там. Потом бабушка умерла, и участок пришел в запустение. Председатель правления грозился его отобрать: государство выделило землю для огорода, а не для бесцельного отдыха, так что если не желаете возделывать грядки – будьте любезны освободить место для тех, кто этим займется. Тогда участок удалось отстоять, но много позже, когда Саша служил срочную, мать его продала – какой-то новый русский построил рядом дворец, и вид старой халупы его раздражал. Это было в конце девяносто четвертого года. Ремезов участвовал в первом штурме Грозного и ничего об этом не знал. Через год после дембеля он как-то приехал посмотреть на места, где прошло детство. Дворец бизнесмена окружала стена высотой в два человеческих роста, и только забравшись на дерево Саша увидел, что на месте бабушкиного дома теперь железобетонный гараж на четыре машины и один катер...

С чердака спустился Витек:

– Больше ничего нет. – Весь улов составили рваный ватник без пуговиц и черная вязаная шапочка. – Может, все-таки к соседям заглянем?

Ремезов отрицательно покачал головой. Натянул на голову шапку, ватник вернул товарищу.

– Тебе виднее, – Витек штык-ножом вскрыл трехлитровую банку, достал огурец, с хрустом принялся есть. – Угощайся! Куда дальше пойдем?

Вопрос уже стал риторическим. Готовясь к побегу, они перебрали множество вариантов, но все не годились. В конце концов решили: главное – сбросить со следа погоню, а там уж как-нибудь...

Как?

За сутки, прошедшие с момента оставления части, ясности не прибавилось.

Зато убавилось сил и уверенности в сделанном выборе.

– Денег нет, одежды нет, транспорта нет. – привычно перечислил Ремезов, сквозь пожелтевшую тюлевую занавеску поглядывая на улицу. – Начнем добывать – сразу подставимся. Все связи под колпаком. Родственники, друзья. Ждать будут везде.

– Не жди меня, мама, хорошего сына, – вздохнул Витек, доставая из банки очередной огурец.

Витек был сиротой, воспитывался в детдоме. Как и Ремезов, отслужил срочную, а потом несколько лет безуспешно трепыхался на гражданке, пытаясь занять свое место в новой жизни. Работал охранником, мотался челноком в Польшу и Турцию, торговал шмотками на вещевом рынке. Вершиной карьеры стал ларек у метро «Пионерская». Чтобы наладить торговлю, Витек с компаньоном одолжился у местной братвы – армейский кореш имел в группировке какой-то вес и замолвил словечко. Торговля не задалась, компаньон, прихватив все, что имело какую-то ценность, исчез. Братва потребовала возврата кредитов, отдавать было нечего. После двух напоминаний – первое было чисто словесным, во время второго пришлось перемахнуться с «напоминальщиками», Витек прикинул хрен к носу и явился в военкомат: «Хочу защищать Родину!» Думал: перекантуюсь годик-другой на всем готовом, и начну заново вписываться в капиталистические реалии.

А оно вон как получилось...

– Прокуратура? – продолжал Ремезов. – Тоже не вариант. Сразу ласты завернут, а в камере придушат. Нужен ход, которого не просчитают.

– Может, у Андрюхи с газетой получится?

– Ты в это веришь?

– У него там все-таки брат... Медведем хорошо стать. Залечь в берлогу, а по весне уйти.

– Берлога... А знаешь, это мысль! Видал я одного бомжика, так он на зиму прибивался к монастырю. Работал там, само собой, зато с зимовкой проблем не возникало.

– В монастырь я еще не уходил. Но если в женский – я согласен. Только где тут монастырь взять?

– Темнота! Тут же Ладога рядом, Валаам. С рыбаками дойдем. Постригаться не обязательно, послушниками перебьемся. А по весне свяжемся с нашим прежним комбатом. Он сейчас в Москве...

– Думаешь, он нас вытащит? А если и он с этими заодно?

– Дурак ты, Витек.

– Может, и дурак. Да только жизнь показывает, что никому верить нельзя. Но вообще-то... Это надо погонять по извилинам.

– Погоняй. А я пока покемарю. – Ремезов перебрался со стула у окна на кровать.

– Слышь, Санек!

– А?

– Почему с нами такая хрень получилась?

– Не в то время родились. И не в той стране.

Ремезов натянул на глаза шапочку и быстро заснул, прижимая к груди автомат...

...А пока он устраивался отдохнуть, третий беглец, Андрей, полчаса пролежав на обочине грунтовой дороги, дождался своего шанса. Пропустив мимо себя неспешно катящийся по колдобинам «ЗиЛ-бычок», он незаметно для водителя догнал его и запрыгнул в накрытый брезентовым тентом кузов.

На машине были питерские номера, и Андрей надеялся, что она возвращается в город. А в городе – газета, брат, друзья, которые могут спрятать.

Выкрутимся, где наша не пропадала!

На самом деле он ехал навстречу собственной гибели.

Рядом с Шахидом на крыше дома сидел неопределенного возраста мужчина в зеленой «натовской» куртке. Внешностью он походил на отставного военного, много лет отслужившего в войсках специального назначения, и на самом деле таковым и являлся. Других подробностей его биографии, равно как и настоящего имени, Шахид не знал. Он привык называть его кличкой Спец. Состыковал их один приятель Шахида, ныне покойный: год назад, не поделив с компаньонами торгово-развлекательный центр, этот приятель получил пулю в лоб из снайперской винтовки, когда утром выходил из подъезда, чтобы отправиться на работу. Шахид смутно подозревал, что ликвидация была осуществлена Спецом. Но на отношениях с профессиональным убийцей эти подозрения никак не сказались. Дважды он уже отработывал заказы Шахида, и сейчас дал согласие устранить директора речного порта.

– Вон его квартира, – Шахид передал Спецу бинокль. – Шесть окон на предпоследнем этаже, прямо от угла. Два окна – спальня, два – кабинет, и два – детская.

Спец взял бинокль, присмотрелся:

– Стекла обычные?

– Да. И прямо с боковой стены два окна – кухня.

– Других вариантов нет?

– По информации – нет. Слишком много охраны.

– Сами смотрели?

– Нет, у нас время поджигает.

Телефон Шахида проиграл модную мелодию в полифоническом исполнении. Шахид посмотрел на дисплей: звонил Пашка Арнаутов. Чего это он вдруг объявился? Когда-то они оба занимались на «Динамо» и выступали в соревнованиях по рукопашному бою. Выпивали, ходили по бабам, подхалтуривали вышибалами в кабаках или «крышей» над мелкими коммерсантами. Но все это было очень давно, и с тех пор как в девяносто девятом Шахид уволился из ОМОНа, они виделись всего пару раз. Что же ему сейчас нужно? Решил уйти из ментовки и ищет, куда пристроиться?

Шахид нажал кнопку ответа и сказал с преувеличенной радостью:

– Пашка? Здорово, брат! Рад тебя слышать... У меня? У меня, как всегда, все в порядке. Ты-то как? Ага... Ага... Во как! Слушай, я тут на переговорах, договор подписываю. Давай, вечером подползай ко мне домой, там все и обсудим. Давай, жду. Часиков в восемь.

Дождавшись окончания разговора, Спец вернул Шахиду бинокль:

– Нужна лебедка, альпинистские причиндалы, пара ведер, ну и роба какая-нибудь.

– Хорошо. К утру сделаем. – Шахид протянул Спецу заранее приготовленную пачку стодолларовых купюр – аванс за предстоящую работу.

С равнодушным видом Спец убрал деньги в нагрудный карман и встал, отряхивая куртку и джинсы:

– Пойду вниз, посмотрю.

Стас и Кожурина вылетели из «Пулково» рейсом «Уральских авиалиний» в половине первого ночи. В екатеринбургском аэропорту «Кольцово» они должны были приземлиться в начале шестого, но с учетом смены часовых поясов перелет занимал всего два с половиной часа.

В салоне «сто пятьдесят четвертого» места у них были рядом. Кожуриной досталось более удобное, у иллюминатора. Первую половину полета больше молчали. Кожурина заметила:

– Вы нервничаете, Станислав Александрович. Бойтесь летать, или это со мной связано?

– Ну что вы! Ни то ни другое.

– Тогда что?

– По поводу московской проверки переживаю.

– У вас в делах не порядок?

– Просто думаю: вдруг они захотят у меня что-то спросить, а меня нет? Еще решат, что я специально сбежал. Спрятался.

Кожурина покачала головой и отвернулась к окну, глядя на огоньки в десяти километрах под ними.

В детстве Скрябин очень любил самолеты. Несколько раз родители ездили с ним на юг отдыхать, и всегда так получалось, что туда они отправлялись на поезде, а обратно – на самолете, так что радость от предстоящего перелета скрашивала перспективу расставания с морем и «праздника» 1-го сентября. Став взрослым, он много лет не летал – зарплата оперуполномоченного и цена авиабилета в середине девяностых годов, когда он работал «на земле», были понятиями несовместимыми. Если в отпуске и удавалось куда-нибудь выбраться, то исключительно поездом. С переходом в главк появились командировки, но к этому времени Скрябин уже наслушался столько ужасов про самолеты – то там упадет, то здесь взорвется, что относился к ним не то чтобы с опаской, но несколько настороженно.

Так что Кожурина была в чем-то права. А с учетом того, что ее присутствие тоже не добавляло Стасу спокойствия, получалось, что права она была полностью.

Стюардесса предложила ужин. Скрябин взял, Кожурина отказалась.

– Что так? – спросил Стас.

– На ночь не ем.

– С фигурой у вас и так все в порядке.

– Потому и в порядке. Спасибо за комплимент. Второй за сегодняшний день. Это что, тенденция?

– Что вы, что вы? Нам, скромным операм, вредно заглядываться на звезды. Метеоритный дождь может замучить.

– Или метеоризм? – Кожурина отвернулась к окну.

Скрябин увидел отражение ее лица на стекле: она улыбалась.

– Вы знаете, я тогда тоже от ужина воздержусь, – Стас закрыл пластмассовый бокс с едой. – А то как-то неудобно одному.

– Я не хотела испортить вам аппетит.

– Дело не в этом, я просто не люблю есть один.

– А еще говорят, что вы индивидуалист.

– Это зависит от ситуации.

– Все-таки вы очень напряжены. Может, дело не в московской проверке, а в том, что вы мне того допроса простить не можете?

– К вам претензий нет. Вы просто делали свое дело.

– Как мама?

– Спасибо, лучше. Иначе бы я ее одну не оставил.

– А жена?

– Мы разошлись.

О разводе Стаса Кожуриной было известно. Зачем же спросила? Татьяна мысленно усмехнулась: все взаимосвязано, и присутствие Скрябина действует на нее не меньше, чем ее – на него. И началось все с того самого допроса. Правильно говорится, что и от любви до ненависти и наоборот – один только шаг...

Кожурина извинилась за вопрос о жене. Скрябин пожал плечами:

– Спрашивать – ваша работа. Можно, я тоже спрошу? Вы тогда вправду думали, что Шилов замазан?

– Всего лишь одна из версий. Или прикажете вашего Шилова внести в список неприкасаемых?

– Главное, чтобы он в черных списках не застрял.

– Перед законом, Станислав Александрович, все равны.

– А перед вами?

Кожурина усмехнулась и не ответила. Стас немного придвинулся к ней, сел вполоборота:

– Вот принесут вам компромат на Арнаутова – и будете работать?

– Запросто.

– Как джентльмен, вынужден поверить даме на слово.

– Кстати, вы, Скрябин, действительно джентльмен. Чего не скажешь про некоторых.

– Большое спасибо. Однако это тоже комплимент. Или я ошибаюсь?

– Это констатация факта... Вам в Нижнем Тагиле бывать приходилось?

– Тьфу-тьфу-тьфу, бог пока миловал. Да я туда особо и не стремлюсь(В Нижнем Тагиле находится единственная в стране специализированная колония для осужденных сотрудников правоохранительных органов.) А вам приходилось?

– Неоднократно. Мне ведь милицейские дела любят поручать, сами знаете.

– Ну и как там?

– Вы про колонию или про город? Старый город, чуть моложе, чем Питер. И в десять раз меньше по населению. Есть на что посмотреть, да только у меня никогда времени не было достопримечательностями любоваться. Одна сплошная работа. Только не говорите мне про горы трупов и тонны бумаг, это я и без вас знаю.

– Что, сильно напугал вашу девочку?

– Эта девочка далеко пойдет. Во всяком случае она не станет подчинять личную жизнь интересам работы. Между прочим, вы произвели на нее впечатление.

– Надеюсь, хорошее?

– Надейтесь.

Скрябин притворно вздохнул:

– Я уже слишком стар для нее.

– Для своего возраста и профессии выглядите вы очень прилично.

– Вот и второй комплимент...

В екатеринбургском аэропорту их встретили два опера из нижнетагильского УВД. Внешностью и манерой поведения они напоминали питерских братков разлива первой половины девяностых годов. В качестве средства передвижения у них был «Лэндкрузер» – не

новый, но очень приличный, с частными номерами, сиреной и мигалкой. Рассказывая местные байки, они быстро доставили Стаса с Татьяной в Нижний Тагил – от аэропорта это было около ста километров – и тормознули перед гостиницей:

– Все решено, вас тут ждут. Будут проблемы – звоните.

– Это ваши знакомые? – спросила Кожурина, когда «Лэндкрузер» уехал.

– Откуда? Просто позвонил, попросил встретить. Колоритные пацаны.

– Очень. Не боятся ведь ничего, хотя столько примеров перед глазами. Помните, анекдот такой был: «Раньше я жил напротив тюрьмы. А теперь живу напротив бывшего дома».

Им дали два соседних номера на втором этаже. Стас помог Кожуриной донести тяжелую сумку.

– Спасибо, Станислав Александрович.

– Всегда рад. Какие планы, Татьяна Николаевна? Сразу в бой?

– Нет уж, увольте. Сначала надо отдохнуть и в порядок себя привести.

Стас ушел в свой номер. Умылся, разложил вещи. Закурил и сел перед окном, глядя на темную улицу. На душе было грустно и пусто. Хотелось обозвать себя дураком. И связано это было с...

Она позвонила сама.

Тонко звякнул гостиничный телефон. Скрябин недоуменно подошел к аппарату. Администраторша, что ли? Сейчас скажет, что что-то напутала и надо переезжать.

– Да, – сказал он недовольно.

Но это была не администратор. Звонила Кожурина:

– Я забыла кипятильник. У вас есть?

– Да, сейчас принесу.

Он положил трубку и растерянно пригладил волосы.

Кипятильник? Кипятильник... Кипятильник!

Через минуту он постучал в дверь Кожуриной. Татьяна открыла, посторонилась:

– Проходите.

Стас вошел. За его спиной щелкнул замок.

Какое-то время они стояли и молча смотрели друг на друга. Потом Стас, будто опомнившись, протянул электроприбор:

– Вот...

– Ага, – Татьяна взяла его и легким движением бросила за спину.

И опять они замерли.

А потом одновременно потянулись друг к другу.

С бутылкой водки в руке Паша Арнаутов пришел в гости к Шахиду.

– Это еще зачем? – спросил Шахид, принимая литруху «Санкт-Петербурга».

– А ты что, режим держишь?

– Ты бы еще еду с собой притащил.

– Ну, извини. Зато никто не скажет, что на халяву.

– Как гордый был, так гордый и остался. За это я тебя и уважаю. Ну проходи, чего стоишь? Наталья детей укладывает, так что мы сами начнем, потихоньку.

Квартира Шахида была двухъярусной. Светлые стены, стильная мебель, обилие бытовой техники. В просторном холле был накрыт стол. Легкие закуски, фрукты, спиртное на выбор: вино, водка, коньяк, виски, текила.

– И они героически погибли, вспоминая боевую юность, – протянул Паша, обозревая бутылки. – Кто тебя заставляет пить все? Хватит, по-моему, и половины.

Шахид сел на диван. Паша – в удобное кресло из мягкой бежевой кожи. Почему-то подумалось: отец дома затеял ремонт, полторы тысячи баксов на это дело скопил и радуется, что на все хватит, а тут, наверное, один подлокотник от кресла полторы штуки стоит. Бывать в богатых квартирах Паше приходилось и раньше, но впервые хозяином такого жилища был парень, которого он в свое время неплохо знал и который тогда уступал ему по всем показателям. И спортивные успехи у Шахида были скромнее, и с бабами ему везло меньше, и деньги до получки он вечно стрелял. В девяносто девятом, увольняясь из органов, Шеховцов жил в коммуналке, страдал по поводу развода с первой женой, ушедшей от него к какому-то коммерсанту, и ездил на скромной «Ниве». Кто бы подумал, что он так поднимется? Хотя, – мысленно одернул себя Арнаутов, – не хрен завидовать. Если его собственного батю клинит на почве избыточной честности, то у Шахида другой перекося. Насчет «убивалки» батя, допустим, мог и

приврать в воспитательных целях. Но то, что одной только охранной деятельностью на такую квартиру не заработаешь, – это факт.

А жаль, хороший Леха был парень...

– Видел бы нас Семеныч, – усмехнулся Паша, глядя на стол.

– Он еще тренирует?

– Да он и помрет в спортзале. А я вот забросил... Потрепало меня тут малость. Чуть инвалидность не дали.

– Слышал...

– Из отряда пришлось уйти. Пошел в опера.

– Ну и дурак! Я бы тебя к себе взял.

– Отца бы кондрашкахватила.

– И отец дурак. Куда он денется, когда на пенсию пойдет? Охрана, служба безопасности... Все мы здесь найдем свой приют.

– Главное, чтоб не последний. – Вот давай за это и выпьем...

Грузовик ехал и ехал, не останавливаясь. Первый час сильно трясло, но потом грунтовка закончилась, под колеса лег асфальт шоссейной дороги, и Андрей смог более удобно расположиться в пустом кузове. Время от времени он отгибал край заднего тента и выглядывал из машины. Вокруг трассы тянулись леса, мелькали поселки и деревеньки. Несколько раз удалось прочитать названия на указателях: Зуево, Бабино, Трубников Бор. Без остановки проскочили Любань. Андрей успокоился: они ехали в Питер.

Стемнело.

Андрей думал, что искушать судьбу не стоит. На въезде в город есть стационарный пост ГАИ, и там грузовик наверняка тормознут для досмотра. Гаишники любят грузовики: всегда можно к чему-нибудь прицепиться. Значит, надо выскакивать раньше и обходить пост стороной. А может быть, повезет, и получится втиснуться пассажиром в легковуху или маршрутку.

Однако грузовик остановили значительно раньше.

Андрей в этот момент дремал, и проснулся, почувствовав, что кузов перестала трясти. Почему остановились? Он напряженно прислушался. Хлопнула дверь кабины, зазвучали голоса:

- Инспектор ДПС Гомонов. Попрошу документы.
- Пожалуйста.
- Что везем?
- Ничего, пустой.
- Так-таки пустой? Что, и халтурки не взял?
- Да пустой, проверяйте!
- Проверим.

Голоса приближались: ничего не подозревающие гаишник с водителем подходили к заднему борту машины. Момент, когда можно было выскочить и незаметно скрыться в лесу, был упущен. Может, в темноте его не заметят? Навряд ли. Даже если инспектор и поленится залезать в кузов, то уж не преминет осветить фонарем каждый угол.

– Я на загрузку еду, – говорил водитель, и его голос прозвучал уже совсем близко.

Гаишник недоверчиво хмыкнул и отдернул край тента.

Андрей ударил его ногой в голову и перемахнул через борт.

Схватившись за разбитое лицо, гаишник попятился и упал. Рядом растерянно замер водитель – немолодой дядька в очках. С ним все ясно, он в драку не кинется.

Неожиданно из-за угла кузова появился второй инспектор. Он ничего не подозревал и шел, помахивая жезлом. Андрей прыгнул ему навстречу, с ходу засадил коленом в живот и, не давая согнуться, припечатал головой о борт кузова. Гаишник обмяк. Не давая ему упасть, Андрей выдернул из его кобуры пистолет и только после этого разжал руки. Перепрыгнул через упавшее тело и побежал в лес...

Он бы смог скрыться, но гаишников было трое. Передергивая затвор автомата, третий инспектор бросился от патрульной машины к грузовику.

– Вон он! Туда! – закричал вышедший из ступора водитель, указывая на беглеца.

Автоматчик дал короткую очередь. Пули прошили землю рядом с ногами Андрея, но не зацепили. Андрей пригнулся и надал ходу. До спасительных деревьев оставалось не больше десяти метров, когда автоматчик, присев на колени, прицелился и несколькими одиночными выстрелами поразил цель. С ранением в бедро еще можно было бежать, но одна из пуль раздробила коленную чашечку, и Андрей, взмахнув руками и выронив пистолет, завалился на землю. Сдержав крик, попробовал проползти... И пробовал до тех пор, пока подбежавший сзади гаишник не вырубил его ударом по голове.

Полковник в одиночестве сидел в офицерской столовой своей части и доедал ужин. Когда появился майор, по его лицу полковник сразу понял, что есть новости о беглецах.

– Ну? – спросил он, когда майор подсел к столику. – Нашли их?

– Одного менты взяли. Сработал радиоперехват...

– Где?

– Пост ГАИ возле Тарасовки. Ранен он и двое ментов. Вызвали «скорую».

– Надо ехать.

– Они хотят возбудить дело по сопротивлению. Повезут его в Тосно.

– Должен быть военный следователь.

– А если он успеет что-нибудь наболтать?

– Ему не поверят.

Майор усмехнулся:

– Кого это там будет волновать?

Полковник и сам это знал. Как и знал, что выход остается только один. Но спросил:

– Что предлагаешь?

– Вызываем Румына.

– Грязно получится.

– Ничего, подметим. Не до жиру. И своих не засветим.

– Хорошо, давай. – Полковник кивнул.

Когда майор уже был у двери столовой, полковник тихо сказал сам себе:

– Это же наши солдаты...

Майор остановился, посмотрел через плечо:

– Бывшие. И я не хочу из-за них быть уволенным на тот свет.

Уложив детей, Наталья присоединилась к мужчинам.

Они уже были изрядно навеселе. Начали уже третью бутылку, после водки и виски занявшись коньяком.

Шахид рассказывал про соревнования, в которых когда-то давно они с Пашкой принимали участие:

– ...И Пашке тогда кто-то кричит: «Он назвал тебя земляным червяком!». И Пашка, без какой-либо техники, чисто по-деревенски выдает такую плюху, что таможенник просто улетает с ковра. Чистый нокаут! – Шахид посмотрел на жену, устроившуюся на широком диване позади него, и Наталья одобрительно кивнула, как будто была давним поклонником Арнаутова и радовалась всякий раз, когда удавалось услышать малоизвестный факт из его бурной спортивной молодости.

– Все равно тогда фээсбэшники выиграли, – махнул рукой Пашка, польщенный вниманием к своим бойцовским успехам.

– Да брось ты, им три очка натянули. У них свои дела с Федерацией были. Волки позорные!

Последнюю фразу Шахид произнес очень громко. Наталья шлепнула его по плечу:

– Леша, дети спят!

– Прости, маленькая, – Шахид прижал к плечу ее руку, наклонил голову и нежно поцеловал. Потом, подняв рюмку с коньяком, задумчиво посмотрел на Арнаутова:

– А ты знаешь, Паш, я до сих пор не понимаю, в чем смысл жизни?

– Хороший дом, хорошая жена. Что еще нужно человеку, чтобы встретить старость?

Шахид не узнал цитаты из «Белого солнца...» и одобрительно покачал головой с таким видом, как будто Арнаутов предложил что-то оригинальное:

– В точку! Размахивать руками – это по-молодости хорошо, а потом нужен дом.

– Дом всегда нужен, – заметил Паша с непонятной хозяевам грустью.

С верхнего яруса, где располагались спальни, донесся детский плач. Наталья легко вскочила с дивана, поспешила к винтовой лестнице:

– Вера проснулась...

Когда жена скрылась в детской, Шахид придвинулся ближе к Паше:

– Ты не представляешь, какая у нее голова! Наши аналитики – просто щенки по сравнению с ней. Я, может, и на воле до сих пор только потому, что она рядом.

– Ты ж говорил, что у тебя бизнес чистый?

– Не бывает в России чистого бизнеса, – вздохнул Шахид. – Нету его!

– Это точно. Стреляют каждый день. Даже из гранатометов.

Шахид вздрогнул. Остро и совсем не пьяно посмотрел Паше в глаза. Откинулся назад, полулег на диване, скрестил под столом ноги:

– А вот я стрелять не люблю. Я все как-то по старинке, если что – ногой в челюсть.

– Зато Кальян ваш, говорят, пострелять любит.

Шахид поморщился, а когда заговорил, стало понятно, что он давно уже относится к своему шефу более чем критично, но пока они еще работают в одной связке, он сохраняет внешнюю лояльность:

– Кальян просто стресс снимает. Он до сих пор после Афгана отойти не может. Ты ведь слышал, что он несколько лет у моджахедов в плену провел? Ислам даже принял – иначе там было не выжить. Ты бы на него в тире посмотрел: страшное зрелище...

– И не боишься рядом с ним быть? Он дров наломает, а тебе отвечать.

– Кальян сгорит скоро по дурости.

– А ты займешь его место?

Шахид снова посмотрел на Пашу:

– Я бы, Паша, такие слова вслух не говорил.

– Извини, перебрал. Надо двигать, наверное. Поближе к хате...

– Давай. Если что надумаешь, я тебя всегда возьму без проблем.

– Ага. Если что – звони, поболтаем. Без проблем.

Арнаутов ушел. Закрыв за ним дверь, Шахид вернулся в холл. Выпил коньяку, заново наполнил рюмку и устроился на диване. С верхнего яруса спустилась Наталья. Села к нему на колени, отобрала рюмку. Понюхала, поставила на стол. Сказала:

- Он мне не понравился. Ты ему ничего лишнего не наболтал?
- Болтун – находка для шпиона.
- Я серьезно. Он не просто так приходил.
- И про гранатометы не просто так говорил. Я это заметил.
- Так ты ему ничего...
- Ничего!
- А про то, что Кальян скоро сгорит?

Шахид невразумительно пожал плечами и опустил голову. Наталья погладила его по короткому ежику черных волос:

- А если его Кальян подослал?
- Да брось ты! Он...
- Не считай его глупее себя. Я тебе сколько раз говорила об этом?

Неспроста он тебя на передний план вместо себя выдвигает. Неспроста...

К посту возле Тарасовки Румын подъехал на зеленом «Запорожце». Остановился, выключил двигатель, вышел. Осмотрелся, сверяя картину с информацией, которую ему уже сообщил прибывший на место раньше него наблюдатель. Расхождений не выявилось, можно работать. Микроавтобус «скорой», две машины ГАИ, чья-то гражданская иномарка. Менты, столпившись у одной из своих машин, обсуждают случившееся. На зеленый «запор» внимания почти не обратили. Как не обращают внимание и на машины, проносящиеся мимо по трассе. Послушать бы, о чем они говорят... Хотя чего слушать, и так все понятно! Жалуются на зарплату, ругают начальство, охают и матерятся, как опасно стало работать. Проходя к «скорой», Румын смог разобрать несколько фраз из их разговора. Все почти так, как он и предполагал. Кто-то грозился уволиться и пойти на гражданку зарабатывать нормальные деньги, кто-то жарко доказывал, что «этого урода» надо было не задерживать, а валить к чертовой матери. Вот уж точно, это было бы правильно: избавили бы его сейчас от работы, не пришлось бы на ночь глядя срываться от бабы и нестись подчищать чужие огрехи. Хорошо, что оказался неподалеку. И что «инструмент» был под рукой. А если бы нет? Что тогда, прикажете всю больницу взрывать?

Румын открыл задние двери «скорой» и, полусогнувшись и держась за живот, заканючил:

– Мужики, спасите! Таблетки не найдется какой? Так скрутило, что...

Два врача оказывали помощь солдату. Тот лежал без сознания, все штаны были запачканы кровью, от укрепленной на стенах салона аппаратуры к нему тянулись какие-то провода.

Один из врачей раздраженно поднял голову и, оценив полубомжатский вид Румына, агрессивно спросил:

- Чего ты хочешь?
- Живот так прихватило...
- Иди отсюда!
- Сил нет никаких...

– Отвали! Ну, кому сказано?

Второй врач постучал по перегородке, отделяющей кабину водителя:

– Иваныч! Подойди, разберись.

Прежде чем Иваныч – здоровенный и уверенный в себе мужик с громким голосом – отогнал Румына от «скорой», тот успел закрепить в нужном месте брикет пластита с радиодетонатором.

– Давай-давай! – крикнул Иваныч вдогонку ковыляющему к «Запорожцу» Румыну. – А то я тебя сейчас сам вылечу...

Проследив, как Румын садится в машину, Иваныч отошел на обочину, закурил и, расставив ноги пошире, начал справлять малую нужду.

Румын проехал мимо «скорой». Достал из-под сиденья пульт с помигивающим зеленым свето-диодом, нащупал кнопку. Посмотрел в зеркало: нормальное расстояние, чтобы не зацепило взрывной волной.

Ловите подачу!

При нажатии кнопки зеленый светодиод погас, и вместо него вспыхнул красный.

Внешне «скорая помощь» пострадала несильно, взрывная волна ушла через стекла и широкие задние двери. Но перед тем как уйти, раздавила и разорвала все, что находилось в медицинском отсеке.

Шилов прибыл на место одним из последних. Он дежурил сутки старшим нарядом Управления уголовного розыска, и сообщение застало его в Приморском районе, куда он выезжал «на убийство» – застрелили одного предпринимателя. Василевский жил у Московской и добрался раньше него своим ходом, а теперь опрашивал уцелевшего водителя «скорой». Иваныча немного контузило, он часто сбивался с мысли и то и дело поднимал руки к повязке на голове, но все же толку от него было больше, чем можно было ожидать.

К Шилову подошел сержант-автоматчик, подстреливший Андрея:

– Сигаретки не найдется?

Шилов молча протянул ему пачку.

– Спасибо...

– Хорошо этого бойца обыскали? Гранатки у него никакой не завалилось?

– Не было у него ничего. Да и потом, с гранаты бы так не разнесло.

– Взрывчатку, что ли, они на «скорой» перевозили?..

Сержант пожал плечами.

Закончив с Иванычем, подошел Василевский:

– Значит, так: перед взрывом в машину заглядывал мужик в черных очках. Спрашивал таблетку от живота. Потом уехал на зеленом «Запорожце».

– В черных очках, ночью? Интересно... Таблетку ему дали?

– Нет.

– Может, обиделся?

– Ага, и решил всех взорвать. Слепой стреляет без промаха!

Шилов посмотрел на сержанта:

– Ты этого мужика видел?

Тот покачал головой:

– Нет. Но меня же тут долго не было. Сначала Гомона в травму возил, потом рапорт писал. Может, кто другой из наших заметил? Вы у них спросите...

– Спросим. – Шилов развернулся к Василевскому. – Тащи водилу составлять фоторобот.

– Рано еще, у экспертов нет никого.

– Значит, позже. Но до обеда.

– Зря я по ногам стрелял, – вздохнул сержант. – Надо было сразу валить. Тогда бы врачи не погибли.

– С чего ты решил, что вояку взрывали? – спросил Шилов. – Может, в машине и вправду что было?

Сержант пожал плечами: для него «солдатская» версия была очевидной.

– Или врача из ревности жена заказала, – насмешливо высказался Василевский, показывая, что он тоже не разделяет сомнений начальника и что, кроме как дезертира, в «скорой помощи» убивать было некого.

Шилов крикнул эксперту-взрывотехнику, который, стягивая с рук резиновые перчатки, отошел от останков микроавтобуса:

– Миш, ну что там, хоть предварительно?

– Примерно полкило в тротиловом эквиваленте. Эпицентр взрыва – у задних дверей.

– Мужик, который таблетку просил, как раз и заглядывал через задние двери, – торопливо добавил Василевский.

– Надо будет там «пальчики» поискать.

– Чудес не бывает, – покачал головой Василевский.

– Если ничего не делать, их не будет тем более. Бог помогает тем батальонам, которые хорошо стреляют. Ладно, Лен, доделывай здесь все и водилу не упусти, до обеда надо фоторобот составить. А я в город, дежурство сдавать. Заодно с гаишниками свяжусь, может, зеленый «запор» кто и видел на трассе...

Когда Роман отошел, сержант-гаишник спросил Василевского:

– Извини, конечно, но твой начальник не балуется наркотой?

– Ты чего, с дуба рухнул?

– Глаза у него...

– Глаза – это зеркало души. А он в последнее время очень не любит, когда машины взрываются.

До города Шилов долетел быстро. По пути через дежурного по главку выяснил: за минувшую ночь зеленый «Запорожец» для проверки не останавливался и вообще никому из гаишников на глаза не попался. Оно и понятно: ДПС обращает мало внимания на такие машины.

– Проверь еще, пожалуйста, по угонам. Не было за последние два-три дня?

Дежурный отнесся к поручению добросовестно и перезвонил только минут через двадцать:

– Я всю неделю просмотрел: ни одного «Запорожца». И с соседями связался: Псков, Новгород, Вологодская и Карелия. Тоже пусто.

– Спасибо.

До сдачи дежурства оставалось еще больше часа, и Шилов заскочил домой. Юля спала, но услышала, как он открыл дверь, и вышла из спальни, улыбаясь и затягивая пояс халата:

– Так рано? Я не ждала тебя раньше одиннадцати.

Шилов поцеловал ее, обнял за плечи:

– Мне опять надо будет уйти.

– Куда?

– На работу.

– Ты ведь и так всю ночь работал!

Роман не ответил. Они постояли молча какое-то время. Потом Юля высвободилась, отступила назад:

– Тебе не кажется, что мы живем как-то странно? Ты чем-то занимаешься, ночуешь неизвестно где, куда-то уходишь... А я сама по себе.

Шилов снял куртку, освободился от наплечной кобуры с тяжелой «береттой». Аккуратно положил пистолет на полочку перед зеркалом. Вздыхнул:

– Нет, не кажется.

– Для тебя работа на первом месте.

– Так я ведь все-таки мужчина.

– Если ты считаешь, что мужчина должен только заниматься работой, а все остальное...

– Юль, давай сейчас не будем об этом. У меня на самом деле очень много дел.

– И все, наверное, особенно важные. Все, кроме...

– Перестань! – Роман попытался снова ее обнять, она отошла. Спросила, стараясь чтобы голос звучал равнодушно. Но равнодушно не получилось, горечь обиды нет-нет, но проскальзывала:

– Сколько у тебя времени есть? Может быть, сделать ванну?

– Нет, спасибо. Побреюсь, душ, кофе, и все...

Через пятнадцать минут они сидели на кухне. Юля наготовила бутербродов, но Шилов к еде почти не притронулся. Пил крепкий кофе, курил, глядя то в стол, то куда-то поверх плеча Юли. Она чувствовала, что мысленно он уже опять на своей дурацкой работе.

– Ты знаешь, что у тебя больные глаза? – спросила она.

– Что? А-а-а... Только сегодня?

– Давно.

– Я просто не высыпаюсь.

– Я тоже не высыпаюсь.

– Да ладно, ты-то чего!

Юля стиснула тонкую чашку: вот ответ, вот ответ, лучше всего характеризующий их отношения. Их нынешние отношения.

Ты-то чего!

Ничего! Просто так жить надоело. Утром в половине девятого он уезжает и возвращается вечером, в лучшем случае в девять. За весь день ни разу ей не позвонит. Если она сама не наберет его номер, то он, видимо, вообще не вспомнит о ней до позднего вечера. Где она, с кем, чем занимается и какое у нее настроение – его не волнует. Он, вероятно, считает, что только на его работе может происходить что-то по-настоящему важное и только ради этого стоит жить. А все, что не относится к работе, должно быть подчинено одной цели: позволить ему отдохнуть от прошедшего трудного дня и помочь подготовиться к дню наступающему.

– Да ладно, ты-то чего! – сказал Шилов, и Юле захотелось ответить: «Я не могу одна жить, как ты этого не понимаешь? Или мы вместе, или...», но она лишь вздохнула:

– Я не могу одна спать.

– Не преувеличивай, я же иногда бываю дома.

– А где дом, Рома?

– Слава богу, не тюрьма, – сказал он так быстро, будто заранее приготовил ответ и только и ждал момента, чтобы его использовать.

– У тебя есть связи, у тебя есть имя в мире бильярда. Ты бы мог открыть клуб и зарабатывать хорошие деньги.

– А на эти деньги, – подхватил он, – организовать частное детективное агентство и заниматься тем же самым.

– Ты так свято уверен в том, что преумножаешь количество справедливости на земле?

– Нет. Я просто удерживаю баланс. – Он допил кофе и встал. – Тот, кто убивает людей, должен быть наказан.

– Бог накажет...

– Он и делает это, моими руками. Не могу же я подводить начальника? Все, я побежал...

Уже из прихожей, надев куртку, Шилов крикнул:

– Хочешь, сегодня сходим куда-нибудь? В кино, в театр...

– Как скажешь. – Юля пожала плечами.

– Тогда на мой вкус?

– Значит, на твой.

– Тогда начинай готовиться...

Хлопнула дверь.

Спускаясь по лестнице, Шилов думал: личная жизнь дала трещину, это факт. Но, черт побери, сейчас совершенно нет времени этим всем заниматься. Особенно после сегодняшнего взрыва «скорой», вызывающего очень большие ассоциации с обстоятельствами гибели Соловьева. Почему Юлька не может хоть как-то войти в его положение и чуть-чуть потерпеть?

С телефоном в руке Юля стояла у окна и смотрела, как Шилов выходит из дома, как садится в «Фольксваген-гольф», купленный вместо взорванной «Альфы-ромео». Мог бы обернуться, помахать рукой. Но он об этом совершенно не думает, хотя она ему не один раз говорила, что всегда смотрит, как он уходит...

Когда «Фольксваген» выехал из двора, Юля набрала номер подруги:

– Натаха, привет! Едешь на работу? Очень хочется напиться. Составишь компанию?

– Что, проблемы с твоим милицейским принцем?

– У него нет проблем. Проблемы есть у меня. Так ты как?...

– Даже не знаю, не прямо же сейчас, да? Давай ближе к вечеру я тебя сама наберу...

Издали заметив приближающегося велосипедиста, Ремезов и Витек спрыгнули в сухую канаву, протянувшуюся вдоль проселка, и переждали, пока он не проедет. На багажнике велосипеда были закреплены рюкзак и всякие рыболовные причиндалы.

– Какая сейчас рыбалка? – удивился Витек. – Дурак, что ли?

– Дурак – не дурак, но свой кайф имеет.

– Тоже верно. Сейчас бы горяченькой ухи похлебать... Слушай, может, надо было у него одолжить велик? Все приятней, чем мозоли набивать. Пока бы он до ментовки добрался, мы бы уже...

Сашка поморщился. Не то чтобы он привык слишком уж чтить закон, но по крайней мере старался не нарушать его без крайней необходимости. Витька же иногда начинал действовать, не думая о последствиях, руководствуясь минутной выгодой. Поэтому и на гражданке погряз в долгах и запутался в отношениях и с бандитами, и с товарищами. Кстати, начав служить в одном взводе, они поначалу часто ругались. Даже до махача как-то дошло. Скажи тогда кто-нибудь Ремезову, что через два года они вместе подадутся в бега, Сашка бы ни за что не поверил. Но потом они крепко сдружились и в многочисленных рискованных операциях, которыми изобилует последний год службы, прекрасно дополняли друг друга. При этом Витек безоговорочно признавал лидерство Ремезова, и если дело касалось серьезных моментов, шел за ним, не раздумывая. Так было и после Калининграда. В первую ночь после возвращения в часть, Ремезов разбудил Витьку: «Надо отсюда валить. Пока нас самих не завалили...» Правда, удобного момента для побега потом ждали неделю. И все равно, похоже, выбрали не самый удачный: слишком рано заметили их отсутствие и слишком быстро пустились за ними в погоню. Наверняка Андрюха ругает себя, считая, что это он, своей невезучестью, навлек беду на всех. Где он сейчас?..

Накручивая педали, велосипедист удалялся.

– Ты давно на багажнике ездил? – спросил Ремезов.

– А чего? – не понял Витек.

– Ничего. Километр едешь, потом два идешь враскорячку. У нас вес-то какой? Это тебе не в детстве гонять по дворам...

– Я и в детстве не очень гонял. У нас в детдоме их не было; так, иногда одалживали у кого-нибудь.

Ремезов выбрался из канавы, повесил на грудь автомат:

– Ну что, ноги в руки?

– Как про уху подумал – сразу жрать захотелось.

– Бог в дороге подаст.

– Ты что, уже в монахи записался? Репетируешь?

– «Комод»(Командир отделения.) один так говорил, в Сербии. Там, кстати, народ сплошь верующий.

– Если бы это им еще помогало...

Они перебежали проселочную дорогу и углубились в лес на другой стороне. Ремезов бежал первым. Неровности почвы, корни деревьев и коряги ему не мешали, казалось, он может до самого вечера держать взятый темп. Витек отставал, хотя старался и не подавать виду, что обессилел. В очередной раз оглянувшись на него, Сашка перешел на шаг, а отыскав подходящее место, дал команду:

– Привал!

Витек лег на спину, закрыл глаза. С одной стороны, привал – хорошо. С другой – пока ты бежишь, никаких дурацких мыслей в голове нет, думаешь только о том, чтобы ногами не зацепиться да глазом на ветку не налететь. Но как только сделаешь передышку, так сразу будто кто-то начинает нашептывать, что ничего у вас не получится и весь этот бег – пустая трата времени и сил. Не догонят сзади – встретят спереди. Это от дедовщины можно сбежать. Какие-нибудь «Солдатские матери» или газета, поднимут шум, наймут адвоката и проследят, чтобы перевели в новую часть. А тут взорвут, на фиг, и «Матерей», и газету... И комбата их бывшего, на помощь которого так рассчитывает Сашка Ремезов.

Неожиданно близко загрохотал поезд.

Ремезов встрепенулся:

– Вот туда нам и надо. Значит, не сбились с курса.

– На станции будет засада. Предлагаешь прыгать на ходу, ноги ломать?

– У тебя есть варианты получше? Зато, если повезет, почти до самой Ладоги удастся добраться. Ну что, отдышался? Тогда – бегом

марш!

Каждое утро полковник пробегал по парку пять километров, а на обратном пути покупал свежую прессу, чтобы почитать дома за завтраком. Завтракал он всегда уже в форме, оставалось только обуться и надеть фуражку с бушлатом. Завтрак всегда был единообразен: каша с мясом, два вареных яйца, черный хлеб с маслом и большая чашка крепкого кофе. В первые годы совместной жизни супруга посмеивалась:

– Ты быть хоть дома от своих военно-полевых привычек отказывался, – потом привыкла и накрывала на стол, не пытаясь изменить рацион.

Приняв душ, побрившись и одевшись, полковник сел за стол и развернул газету. Хлопотавшая у плиты жена продолжила незаконченный вечером разговор:

– Нет, я этого не понимаю: какая может быть картошка в наши дни? Просто пережиток какой-то!

– Физический труд полезен.

– Надо было мальчику заканчивать школу с золотой медалью, чтобы потом возиться в грязи и холоде? Я не знаю... Я к ректору пойду!

– Мам, перестань, – Генка зашел в кухню, сел за стол. – Все поедут, и я поеду.

– Правильно, – одобрил полковник, опуская газету.

– Он выиграл три олимпиады по математике. Зачем ему эта картошка?

– Он будет печь ее на костре и запивать портвейном. А по вечерам тискать девчонок на дискотеке. – Полковник подмигнул сыну.

– Степан! – всплеснула руками жена.

– На первом курсе выламываться из коллектива неприлично. Будет, как все!

– Кроме портвейна, – спокойно уточнил сын.

Полковник вопросительно посмотрел на него:

– Водка? Виски? Коньяк? Мартини?

– Мартини. Под печеную картошку хорошо пойдет.

Мать, раздраженно поставив на стол тарелки с гречневой кашей, вышла из кухни. Генка, опустив глаза, заерзал на стуле.

– Ничего, – успокоил отец, – отойдет. Значит, так: возьмешь мой старый бушлат и побольше шерстяных носков. Стирать-то все равно не будешь, студент.

Генка кивнул. Начал есть, шумно запивая кашу чаем и время от времени искоса поглядывая на отца. Наконец спросил:

– Пап, что-то произошло?

– С чего ты взял? – Полковник с преувеличенным вниманием уткнулся в газету.

– Я-то тебя знаю. Дезертиров не можете поймать?

– Одного сегодня ночью убили. Напал на пост ГАИ, отобрал пистолет...

– Не слабо!

Прозвонил лежавший на столе сотовый телефон. Полковник ответил. Генка делал вид, что поглощен завтраком и мыслями о предстоящей поездке «на картошку», но на самом деле внимательно слушал. Несмотря на сложности переходного возраста, отец, как и в детстве, оставался для него непререкаемым авторитетом во всем, и любые его служебные неприятности – а сын замечал, что за последний год они участились – он воспринимал очень болезненно.

– Переходите в следующий квадрат, – говорил отец. – Если надо – добавь людей. Нет... Приоритет один – поиск. Особое внимание уделять железнодорожному транспорту. Докладывать мне каждый час. Все!

– Переживаешь потому, что это твой солдат? – спросил Генка, когда полковник положил трубку.

– Да. Что бы ни произошло, в этом есть моя вина. Запомни: командир отвечает за все. И за всех.

– Пап, все будет хорошо, – сказал сын, почувствовав в последних словах отца какой-то ожесточенный надлом.

– Я постараюсь, – после паузы ответил полковник.

Уйдя от Шахида, Паша хотел поехать домой, но все частники, которых удавалось тормознуть, либо пугались его внешнего вида и отказывались, либо заламывали такую сумму, что Паша сам хлопал дверцей. Минут двадцать потоптавшись на проспекте напротив дома Шахида, в окнах квартиры которого довольно быстро погас свет, Паша отправился к Лютому – до него было всего полчаса ходу пешком. Прописанный у какого-то дальнего родственника, Гриша снимал однокомнатную квартиру и много раз приглашал Пашу в гости. Паша взял «ноль семь» водки и пиво. Пиво употребил, пока шел, водку они – правда, не всю – раскатали вдвоем. Лютый, казалось, был чуть ли не рад, что его подняли посреди ночи, и отмахивался от всех Пашиных извинений по этому поводу.

– Извиняться перед девушкой своей будешь. Ты мне лучше скажи, как встреча прошла.

Выслушав Пашу, Лютый почесал затылок:

– Да уж, не густо. Но кое над чем помозговать можно...

В семь часов Паша проснулся и засобирался домой.

– Ты чего? – протирая глаза, Гриша сел на кровати. – Поехали отсюда сразу в отдел.

– Не, хочу домой показаться. Побриться, помыться, портянки сменить. Потом с батей на машине доеду.

– Ну как знаешь. Дверь захлопни, мне влом вставать...

Когда Паша пришел домой, Арнаут-старший с мрачным видом смотрел телевизор – программу утренних новостей. В комнате царил бардак, предшествующий началу ремонта. Осторожно протиснувшись между отодвинутой от стен мебелью, Паша сказал:

– Доброе утро! – и услышал в ответ раздраженное:

– Ты где был?

– У Гриши заночевал.

– А почему не позвонил?

– Батя, я уже взрослый...

– Ты сопляк еще! – безапелляционно перебил Арнаут, не отрывая взгляда от телевизора, на экране которого дикторша

торопилась сказать о взрыве «скорой» на шоссе неподалеку от Тосно. – А я – начальник отдела по разработке преступных лидеров, и ты у меня, между прочим, работаешь.

Паша сбросил с кресла какие-то старые журналы, сел и сказал как можно спокойнее:

– И что?

– Ко мне бандиты подходы ищут. Всегда ищут, ты это можешь понять? Так что если ты пропадаешь, то я должен знать, почему.

– Может, хватит из дома казарму устраивать?

– Вот когда своим обзаведешься, тогда и будешь порядки свои устанавливать.

– Ты, может, не знаешь, – медленно начал Паша, – но есть такие дома, в которые хочется возвращаться после работы. Потому что там люди не орут друг на друга. Потому что там... другая жизнь. И я думаю, правильно, что мать тебя бросила и укатила в Америку.

– Что? – Бросив пульт управления телевизором, Арнаутов-старший поднялся.

– Ничего! – Паша тоже встал. – А теперь ты бесишься потому, что твоя дама из прокуратуры тоже тебя послала.

Арнаутов двинул Пашу справа в челюсть. Паша жестко заблокировал руку отца и схватил ее за запястье, одновременно готовясь к опережающему удару, если последует вторая атака.

Глаза Арнаутова вспыхнули: казалось, что он обязательно ударит еще раз. Но он вдруг расслабил руку и, как только Паша отпустил захват, повернулся и, ссутулившись, пошел в коридор.

Паша увидел на полу свою спортивную сумку. Схватил ее, вытряхнул тренировочный костюм, протиснулся к шкафу. Распахнул створки и, не очень задумываясь, начал хватать с полок свои вещи. Крикнул:

– Я пока у Гриши поживу!

– А ремонт? – Арнаутов, уже вышедший в коридор, остановился.

– Это твой ремонт!

Арнаутов вздрогнул и как-то беспомощно огляделся.

Впрочем, это продолжалось мгновение, и занятый сборами Паша ничего не заметил.

Арнаутов расправил плечи:

– В отделе скажешь, что я взял отгул. Молчун за старшего.

– Хорошо!

– И дверь закрыть не забудь.

Через пять минут Паша закрыл дверь с такой силой, что это услышал весь дом.

Оба жалели о том, что случилось. Но ни один не был готов попытаться что-нибудь изменить.

Сдав дежурство и отметившись у начальства, Шилов провел «сходку» в своем кабинете. Собрались все, кроме Василевского, оставшегося работать на месте взрыва. Но и он успел застать конец совещания.

– Всем доброго утра. Не ждали? – Василевский занял место рядом с Джексоном.

– Есть чего нового? Водилу привез?

– Водила на два часа домой отпросился, очень уж у него жена психовала.

– Фоторобот нужен сегодня.

– Сделаем.

Шилов оглядел ребят. Василевскому можно дать задание и посложнее, водилой пусть лучше займется Сапожников.

– Значит, так, уточняю задачу. Леня, Витя, – Роман посмотрел на Василевского и Егорова, – дуйте в часть, уточняйте все по этим беглецам. Куда бежали, зачем бежали, с кем... Почему остальные не побежали. Когда получите полные данные всех троих, отзовитесь Оле. Она их пробьет по базам, мало ли, чего интересного выплывет. Поняли?

– Спасибо тебе, добрый фей, – хмыкнул Леня, а Оля серьезно кивнула и пометила что-то в блокнотике.

Оля работала в отделе недавно. Ее взяли на должность опера, но фактически она исполняла обязанности компьютерщика и секретаря. Искала информацию в базах данных, писала справки и ответы на отдельные поручения, составляла запросы. Иногда привлекалась к опросам свидетелей, если надо было поговорить с женщинами или детьми. Она неоднократно просила, чтобы ее допустили к более серьезным вещам, но пока что все просьбы закончились только тем, что ее пару раз взяли на задержания, когда для поимки злодея нужно было рассредоточиться по улице и ждать его появления, не привлекая внимания. Оба раза Оля более чем серьезно относилась к задаче, хотя все, что от нее требовалось, – это стоять рядом с Шиловым или Джексоном и изображать беззаботно щебечущую подружку.

– Женя, – посмотрел Шилов на Джексона, – ты – то же самое – по врачам.

– Дело мы заводим или район? – спросил Джексон.

– Какой, на хрен, район? Шум уже такой стоит, что в Москве слышно. В семь надо докладывать «первому», а в восемь справка должна уйти в Министерство.

– Кто ее там ночью будет читать? – усмехнулся Егоров. – Лунатики?

– Еще вопросы имеются?

– Дурацкие можно? – уточнил Василевский. – Я по поводу ордена.

– Ты еще про отмену бесплатного проезда спроси. Если больше вопросов нет, то – вперед. Родина требует подвига.

– Как всегда, – вздохнул Джексон, первым направляясь к выходу из кабинета.

В то время как Шилов проводил совещание, за две тысячи километров от него Скрябин перешагнул порог оперчасти Учреждения УЩ-349/13 – так официально именовалась «ментовская зона». Замначальника оперчасти принял Стаса радушно, напоил кофе и сообщил, что опер, непосредственно курирующий Петрухин отряд, сейчас в отпуске, но кое-что он и сам может сказать. Среди заключенных Петруха имеет определенный авторитет, на контакт с администрацией не идет, успел за драку посидеть в штрафном изоляторе.

– «Греют» его? – спросил Стас.

– Были только две посылки от матери. И переписывается он только с ней. – Глядя в зарешеченное окно просторного, но очень мрачного и холодного кабинета, замнач немного подумал и высказался: – В принципе, может быть, тебе и удастся его разговорить. Есть в нем что-то такое... надломленное. С моим опытом это чувствуется. Прежде чем сюда лететь, могли бы и с нами связаться, мы бы сами попробовали. Или не доверяете?

– Да ну, о чем разговор! Просто когда еще удастся за казенный счет прокатиться? Да и не в нем одном дело. Со мной следачка приехала, ей тоже нужно нескольких человек допросить.

– Следачка? Молоденькая? – Замнач понимающе усмехнулся. – А чего она не пришла?

– Она сперва в «шестерку» (Женская колония рядом с Нижним Тагилом.) поехала. Завтра, наверное, к вам.

– Ну, мы всегда рады хорошим гостям. С культурной программой помочь? Сам понимаешь, с нами тут многие дружат, так что отдых организовать – не проблема. Хоть в городе, хоть за городом. Денька на три в горы, на базу отдыха – вы как?

– Спасибо. Только мы, наверное, долго у вас не задержимся. – Предложение было заманчивым ровно настолько, насколько и неприемлемым. Хотя... Да нет, никак не получится! Даже предлагать Татьяне это не стоит. Тем более что – Скрябин вспомнил, как они утром позавтракали в гостиничном буфете и разъехались в разные

стороны, – вообще непонятно, как она относится к тому, что было ночью. С ним самим все понятно, он уже и не помнит, когда чувствовал себя таким счастливым, как нынешним утром. А вот она как будто о чем-то жалела...

Отогнав эти мысли, Скрябин вернулся к работе:

– Когда с ним можно поговорить?

– Можно сейчас. Но лучше, конечно, вечером.

– Что, Петр Олегович изволят почивать?

– Петр Олегыч изволят трудиться. Танк делают. Т-90.

– Хм, это как? Для побега?

– Для армии. У нас договор с танковым заводом, уже два года.

Иностранцы шум подняли: «В России опять используют труд заключенных». А на самом деле они, – хозяин кабинет кивнул на окно, – только рады. И при деле, и кое-что зарабатывают... Ну так что, зовем сейчас?

Скрябин утвердительно кивнул, и замначальника снял рубку внутреннего телефона. Отдав распоряжение, он еще минут двадцать посидел со Скрябиным, а потом запер сейф и поднялся из-за стола:

– Беседуйте, не буду вам мешать. Если хочешь, можешь кофе его угостить. И бутербродами – я сейчас скажу, чтобы их принесли из нашей столовой...

Войдя в кабинет, Петруха хотел доложить по всей форме, что осужденный такой-то, статья такая-то, срок двадцать лет, явился... Но узнал Стаса и замер, недоверчиво глядя, как он хозяйничает у маленького стола, на котором дымились две кружки кофе и стояла тарелка с бутербродами.

– Здорово, Петруха, – Скрябин, продолжая размешивать сахар, через плечо посмотрел на бывшего коллегу; а он сильно изменился! Заметно похудел, слегка осунулся, но главное – взгляд. Глаза у него... В общем, разговор действительно может получиться толковый. – Заходи, присаживайся. Я в гостинице позавтракать как следует не успел. Составишь компанию? Колбаса свежая, так что бери, не стесняйся...

Петруха напряженно опустился на жесткий стул, снял с головы и бросил на стол кепку. Со свистящей ненавистью в голосе сказал:

– Что ж ты меня, сука, так дешево подставляешь? Пацаны запах унюхают – в «барабаны» запишут.

– Да ладно тебе! – махнул рукой Стас, ставя перед ним кружку и кладя бутерброд. – Все знают, как ты героически молчал на следствии и на суде.

Петруха посмотрел на угощение, как на яд, и плотнее прижался к спинке стула.

– А если бы я тебя подставить хотел, – продолжил Стас, – то я бы, наверное, придумал что-нибудь посущественнее. Как ты считаешь?

Петруха промолчал, отводя взгляд.

– Как сидится?

– Сядь, посиди – узнаешь.

– Говорят, ты в авторитете.

– Я всегда в авторитете! – Заявлено было громко, но словам не хватало внутренней убежденности.

– И с воли помогают?

– А ты у «кума» забыл об этом спросить?

– Спросил, конечно. Две дачки за полгода, и те – от матери. Больше она не может, пенсия не позволяет.

– Мать не трожь, сволочь!

– Ты меня не сволочи. Или забыл, как мою мать прирезать хотели?

– Это все Утюг. Он напрочь отмороженный был...

– А ты, значит, ласковый? У меня живот до сих пор болит.

– Чего, посчитаться приехал? Ну давай, мочи! – В Петрухином голосе промелькнули нотки истерики, и Скрябин поморщился:

– Дурак ты! Ты свое уже огреб...

– Еще мораль мне читать будешь!

– Мораль тебе нужно было в детстве читать, сейчас поздно. У меня к тебе деловой разговор. Ты ведь неплохим опером был когда-то. Что к чему и как делается, понимаешь. Время подумать у тебя было. Короче, мне нужен взрывник.

Петруха медленно покачал головой и отвел взгляд.

– Чибис мертв, Дядя Вася тоже, – продолжал Стас. – Не осталось твоих никого. Карташов вряд ли в бегах, скорее всего, давно закопали. Те, кто наверху, про тебя забыли. Никто твоего геройства не оценил. Что, скажешь, не так? Использовали, как туалетную бумагу, и выкинули. Можешь не верить, но ни со следствием, ни с судом никто даже не попробовал насчет тебя договориться. Ну, ты это и сам понял по приговору.

– Ладно, хорош!

– У меня друга убили, – Скрябин навалился локтями на стол. – Ты за своих мазу тянешь, я – за своих. Должен меня понимать.

– Соловьев случайно попал. Шилова убивали.

– Это понятно. Кто убивал?

Петруха как-то обреченно покачал головой:

– Я не знаю. Из Москвы шли приказы, Карташов был на связи.

– Исполнял кто?

– Допустим, я кое-что вспомню. Что мне за это будет?

– Что ты хочешь?

Петруха усмехнулся:

– Миллион долларов и вертолет с полным баком.

– А бабу не надо? Могу предложить надувную. – Стас закурил, качнулся на стуле, пустил дым в высокий пожелтевший потолок. – Правда, на твой срок их не один десяток потребуется. Знаешь, когда я сюда собрался лететь, меня все отговаривали. И я теперь начинаю думать, что они были правы... Дурак ты, Петруха. Я больше не приеду. И никто не приедет. Так что второго шанса договориться не будет. Придется сидеть свои двадцать лет до звонка. Сколько тебе будет, когда выйдешь? Если выйдешь, конечно... Пятьдесят? Здоровье ни к черту, денег нет, жилья нет, никому ты не нужен... Давай, сиди! Страдай за «благо воровское». А взрывника мы и без тебя сможем взять. Ты ж понимаешь, что он не остановится и за кордон не рванет. Рано или поздно, но мы его вычислим. С таким послужным списком и с такими приметами – сколько он еще сможет прятаться? – Про приметы Стас сказал почти наугад, вспомнив показания опера из «наружки», который видел, как к машине Романа утром в день взрыва подходил какой-то бомжара в темных очках...

Про приметы Стас сказал наугад – и почувствовал, что попал. Именно эта фраза заставила Петруху дернуть щекой и как-то очень суетливо, немотивированно перевести взгляд на окно.

– Так что можешь молчать, – отхлебнув остывшего кофе, сказал Стас. – Утешайся собственной стойкостью. Не забудь похвастаться, когда вернешься в отряд: менты, гады, кололи, но я им ничего не сказал.

– Мне нужно УДО, (Женская колония рядом с Нижним Тагилом.) – решил Петруха, придвигаясь ближе к столу.

– Ну, маханул! Года еще не прошло... Две трети всяко отсидеть придется.

– Тринадцать – это не двадцать.

– Как ты себе это представляешь? Через тринадцать лет меня уже в системе не будет. И все начальство десять раз поменяется.

– Ничего, этих не будет – другие придут. Я тут к «хозяину» присмотрелся – он нормальный мужик. Ты с ним поговори, пусть отметочку в деле поставит. Глядишь, она потом и зачтется.

– Вербовать начнут.

– Ничего, это мои проблемы.

– Хорошо, поговорю. Но это смотря что сольешь.

– Что знаю, то и солью.

– Я тебя слушаю.

– Взрывник со стороны был. Мастер! Чибис как-то по пьянке гордился, что половину «глухарей» по взрывам в городе можно смело на него вешать. Погоняло – Румын. Где искать – не знаю, но Чибис его бабе завидовал. Она работает официанткой в «Астории». Чибису не дала, а с Румыном – все что угодно. Чибис потом охреневал: и чего она в этом уроде нашла? – Упомянув про уродство, Петруха испытующе посмотрел Стасу в лицо и продолжил: – Он ведь одноглазый, ему глаз взрывом выбило.

Скрябин кивнул, словно подтверждая слова Петрухи. Одновременно лихорадочно думал: если лицо пострадало, то и рукам наверняка доставалось... Рискнуть?

– У него не только рожа, но и клешни все покарябаны. Правильно?

– Верно, – Петруха кивнул. – Так сразу в глаза не бросается, но вообще заметно, если присмотреться.

– И пальца одного нет...

– Нет, пальцы у него все вроде целы. Были, по крайней мере, при мне. Может, после меня? Или это ты так меня проверяешь?

– Неважно. Как официантку зовут?

– Мальвина.

– Шутишь?

– Нет, они ее так называли.

– Ладно. Что еще?

– Все. Честно, все.

– Ладно... Ты чего кофе не пьешь?

– Чаю завари лучше.

Стас пожал плечами, встал, подошел к маленькому столику. Включил электрический чайник, насыпал в кружку заварки.

– Письмо матери передашь? – спросил Петруха. – И на словах, что все нормально.

– Передам.

– Ее только жалко.

– А остальных?

– Да кого жалеть, за что? Жизнь вообще, знаешь, она штука волчья. Кто сильнее, тот и прав. Мне вот не повезло...

– Это Сереге Соловьеву не повезло. А ты жив.

Петруха долго не отвечал. Сидел, смотрел в пол, покусывал ногти. Потом махнул рукой:

– Да ладно, старый, не гони порожняк. Всем все ясно...

Железнодорожный состав, несколько дней назад сформированный на сортировочной станции под Душанбе, благополучно пересек территории Узбекистана и Казахстана и миновал наконец границу России.

Первая длительная остановка была под Омском. Состав загнали на запасные пути и оставили то ли до вечера, то ли утра – никто точно не знал, когда дадут разрешение продолжить движение. Поезд выбился из расписания, и диспетчерам приходилось выискивать «окна» в плотном графике.

Со скрежетом приоткрылась сдвижная дверь грузового вагона, и на землю прыгнул крепкого телосложения угрюмый таджик в джинсовом костюме. Он постоял, озираясь по сторонам, потом направился вдоль путей к административным зданиям станции.

Купив карточку, он отыскал таксофон и достал из кармана засаленную бумажку с десятизначным федеральным номером мобильного телефона. Для конспирации некоторые цифры были переставлены местами, и, забыв об этом, таджик сперва набрал не тот номер. Ответила женщина. Он выругался и дал отбой. Набрал заново. Теперь долго не отвечали. Он ждал, считая гудки и поглядывая по сторонам. Наконец в трубке прозвучал мужской голос...

Кальян спешил на важную встречу и гнал джип по трамвайным путям, когда подал голос лежащий в кармане дверцы мобильник. Мелодия была незнакомая, не такая, как на двух трубках, которыми он пользовался постоянно, так что он сперва даже не понял, что это за звуки. По радио, что ли? Или какой-то раззява забыл телефон?

Сообразив, мысленно выругался и схватил аппарат, купленный на прошлой неделе и зарегистрированный на чужой паспорт. Номер был известен только одному человеку, так что если это не ошибочное соединение, то это звонок, которого он ждет с воскресенья и о котором уже стал беспокоиться. Согласно договоренности, пока груз не достиг границы России, за него отвечали поставщики. Но как только он границу пересекал, вся ответственность ложилась на Кальяна. На него и на группу сопровождения. Но что могут четыре человека, пусть даже

вооруженные «калашами» и пулеметом? Железнодорожных воров отпугнуть. Если накатит система – неважно, государственная или криминальная, – им останется только сдаться или геройски погибнуть. И спрос за это будет с Кальяна.

Он схватил аппарат:

– Да! – и ухмыльнулся, услышав пароль. Наконец-то дождался!

Прижав телефон к уху плечом, Кальян вел разговор и продолжал гнать по трамвайным путям, объезжая длинную пробку на Пискаревском:

– Бале... Хуб асти? Хольат четоур аст?.. Хуб... Хуб... Ба худо, бародар!

Результатом короткой беседы он остался доволен.

Поисковая группа была последней, которая отрабатывала участок вдоль московской трассы. По каким-то причинам – начальству видней, по каким, – направление было признано неперспективным, и всех остальных перебросили на северо-восток, ближе к Ладогe, уделив особое внимание железнодорожным путям.

На исходе третьего часа поисков старший группы наметанным глазом углядел рядом со стволом упавшего дерева что-то странное, подошел и обнаружил труп, частично прикрытый землей. Судя по остаткам одежды, это был взрослый мужчина. Сказать что-то более определенное было сложно: почти все мягкие ткани давно сгнили.

– Сколько он, по-твоему, тут загорает? – спросил радист.

– Не меньше года. – старший группы подумал, что когда-то труп был целиком засыпан землей, но снегопад и дожди размыли почву, открыв то, что не успело сгнить, а зверье и птицы подчистили кости.

– Шофер какой-то, наверное, – радист кивнул в сторону трассы, пролежавшей в полукилометре от них. – Замочили и бросили. Может, его того?...

– Чего – того?

– Ну, типа мы ничего не видели. Прикопаем его – и вперед. На хрена он нам сдался?

Старший отрицательно покачал головой. Заманчиво, конечно, пройти мимо. Будь они вдвоем с радистом – так бы можно было и сделать. Но в группе еще пять человек, и кто-нибудь наверняка стуканет командирам. А какой будет их реакция – предсказать невозможно.

– Вызывай «Иртыша», – сказал старший. – И не топчитесь здесь, чего, «двухсотых», что ли, не видели?

Через полчаса на место прибыл «Иртыш» – руководивший розыскной операцией майор. Оценив ситуацию, он связался с милицией, и к вечеру подтянулась оперативно-следственная группа в составе опера, двух экспертов и прокурорского следака.

Поначалу работали спустя рукава. Труп старый, лежит, наверное, с прошлой осени, «привозной». Ни следов, ни свидетелей. Похоже на

огнестрел, но не факт; возможно, что и в морге не сумеют точно определить причину смерти. Придется слать кучу запросов, проверять по картотекам пропавших без вести. А когда получится установить личность – если это вообще когда-то получится, – то к раскрытию это вряд ли приблизит...

Так что с осмотром не переламявались, старались побыстрее закончить, но все изменилось, когда эксперт обнаружил под трупом часы.

Отчистив от грязи, он прочитал на корпусе наградную надпись: «Полковнику Карташову А. И. от министра внутренних дел».

Символически стукнув по двери, Паша Арнаутков вошел в кабинет Кожуриной.

И удивился.

Появился второй письменный стол, которого он раньше не замечал, и за столом сидела очень красивая девушка. Самой Татьяны Николаевны не было, а по каким-то неуловимым приметам на ее рабочем месте можно было понять, что она сегодня на работу не приходила.

– Здравсьте! А где Татьяна Николаевна? – спросил Паша, закрывая за собой дверь.

– Она в командировке, – ответила Александра, делая строгое лицо и перекладывая какие-то бумаги. – Вас вызывали?

– Нет, я по личному...

– Ничем не могу помочь. – Александра подровняла пачку бумаг и сложила их в папку. Одновременно посмотрела на свое отражение на компьютерном мониторе, проверяя макияж и косметику. Все было в полном порядке.

– Почему же? Как раз вы можете. Пришел устраивать чужое счастье, а придется заняться своим. – Паша взял стул, развернул его спинкой вперед и сел верхом перед столом Александры.

– Что вы себе все позволяете? – деланно строго спросила она.

– Все? Скажите, кто – я разберусь. Красивая женщина – редкость в этих стенах, так что неудивительно, что пристают.

– Вы, собственно, кто?

Вместо ответа Паша продемонстрировал удостоверение.

– Понятно. Ничем вам помочь не могу, Павел Николаевич. Романы с оперативниками – дурной тон.

– Кто вам такое сказал?

Александра посмотрела на пустой стол и ответила таким голосом, что было неясно, разделяет она мнение своей наставницы или посмеивается над ним:

– Татьяна Николаевна.

– Это она так говорит? – Паша недоверчиво покрутил головой. – А вы знаете, что ее гражданский муж – оперативник?

Александре это было известно. Как было известно и то, кем именно этот гражданский муж является. А о его родственных отношениях с Пашей она догадалась сама, когда увидела удостоверение и сопоставила указанные в нем отчество и фамилию с фразой про то, что он шел устраивать чужую личную жизнь. Все-таки Александра была девушкой сообразительной, хотя иногда и любила сыграть простушку, приехавшую из глубокой провинции во вторую столицу за счастьем.

– Я вам не верю.

– Я никогда не вру. – Паша приложил руку к сердцу.

Девушка усмехнулась.

– Просто на свете множество больших и малых тайн. Вы новый следователь?

– Стажируюсь.

– Тогда вам нужно поскорее вникнуть в суть здешних дел. – Произнося эту фразу, Паша как-то очень естественно переместился со стула на жесткий канцелярский диван у стены и оказался совсем близко от Александры.

– И лучшего проводника мне не найти?

– Проводника, друга, защитника. – Перечисляя, Паша загибал пальцы.

– Если скажете: спонсора, я стукну вас папкой.

– Не, на спонсора я не потяну, – Паша навалился локтями на подлокотник диванчика, – зарплата не та.

– Понятно... – Александра, взяв чашку с остывшим чаем и покинув рабочее место, присела на край стола Кожуриной. Прочитывала: – «Девочка, хочешь большой и чистой любви?»

– А что в этом плохого?

– Ничего. Только я приду с кузнецом.

– Ладно. Прошу у него вашей руки!

– Прямо так сразу? – Держа кружку двумя руками, словно отогревая озябшие пальцы, Александра встала у окна, задумчиво глядя на улицу.

Оценив ее фигуру, Паша восхищенно покачал головой и сделал соответствующее лицо.

Александра не могла этого видеть, но, конечно, почувствовала.

Когда она перестала изучать улицу и обернулась, Паша спросил, вставая с дивана:

– Вы в шесть заканчиваете?

– Возможно.

– Тогда я за вами заеду, и мы сходим поужинать. Заодно и обсудим, чем я могу вам помочь в этой жизни. Годится?

– Я подумаю, – Александра поставила чашку на пустой стол Кожуриной.

– Тогда до вечера. – Паша двинулся к двери. – А мне пора бандитов ловить.

– Всех? – Девушка усмехнулась. – Между прочим, вы даже не спросили, как меня зовут.

– Видите, какой я деликатный? Полюбил вас, как прекрасную незнакомку. Значит, до вечера?

Они одновременно посмотрели на часы.

Кальян приехал в гостиницу, где должна была состояться встреча, непосредственно связанная с телефонным звонком от таджика из Омска.

Он поднялся на пятый этаж, пошел по длинному коридору. Впереди него, толкая перед собой тележку с грязным бельем, шла молоденькая симпатичная горничная, закончившая уборку освободившихся номеров. Кажется, это была та же самая, которую он видел в прошлый раз, когда сюда приезжал. Ухмыльнувшись, Кальян догнал ее и звучно шлепнул по задку. Девушка взвизгнула и, выпустив ручку тележки, прижалась к стене. Точно, та самая!

Подмигнув, Кальян прошел мимо, к номеру с табличкой «5101».

В номере его ждал подполковник ФСБ Антон Сергеевич Саблин – мужчина лет сорока, с невыразительным лицом, одетый в строгий костюм и укороченный черный плащ. Он приехал на встречу на полчаса раньше с ноутбуком, чтобы не терять попусту время, ожидая своего не отличающегося пунктуальностью информатора. Когда Кальян вошел, подполковник одним нажатием кнопки убрал с экрана текст документа, над которым работал. Не то, чтобы он боялся, что Кальян что-то прочтет, просто нужно было отвлечь внимание и замаскировать момент включения спрятанного под одеждой цифрового записывающего устройства с чувствительным выносным микрофоном.

Вытянувшись по стойке смирно и дурашливо улыбаясь, Кальян доложил:

- Юстас – Алексу. Прибыл без происшествий.
- Не юродствуй, – поморщился Саблин. – Ты зачем горничную опять по задку шлепал?
- Виноват, ваше высокобродие. Болван-с!
- Ну хватит уже! Ты же офицер, должен понимание иметь.
- Офицер? Это было давно и неправда. – Достав из кармана пиджака четки, Кальян пересек номер и сел на кровать у противоположной от Саблина стены. Махнул рукой: – Да не дуйся ты, я шучу. Настроение просто хорошее.

– Умираю от смеха, – сухо заметил Антон Сергеевич. – Что нового?

– Да ничего особого. Бегемот четыре «черные» фуры через Выборг тащит. Ему «окно» на таможне обещали. Замначальника, этот, как его... Лядов! Карась с Мерином...

– По главному что?

– По главному? – Кальян прищурился. – А-а-а, по главному! Все по плану идет. Сбоев нет, только задержка маленькая образовалась. Что, запал на тему, Сергеич?

– Ты уверен, что это будет тонна?

– Нет. – Озабоченно вздохнув, Кальян покачал головой. – Не уверен. Может, девятьсот девяносто. Может, тонна сто...

– Может, хватит? Меру знай! Говоришь – говори, не хочешь – пока.

– Не надо мне приказывать. Я просто так воздух не колыхаю. – Кальян встал, и могло показаться, что он сейчас, хлопнув дверью, уйдет.

Не ушел.

Накручивая четки, продолжал говорить, так давя подполковника взглядом, что стороннему наблюдателю было бы трудно понять, кто из них перед кем отчитывается и кто кого может использовать в своих интересах.

– Если я сказал тонна – значит, тонна. Мы, мусульмане, не обманываем друг друга. И все, что я обещал вашей конторе, я сделаю.

– А твой какой интерес?

– Шкурный. Какой еще может быть? Не люблю конкурентов.

– Обманешь – смотри.

Кальян пренебрежительно скривился:

– Ты бы лучше позаботился о том, чтобы менты этот груз не нахлобучили. А то уплывет твоя «медалька за город Будапешт» какому-нибудь простому милиционерскому оперку с железной дороги...

– За это можешь не волноваться. До Питера у них будет зеленая улица.

– Приятно с вами дело иметь, товарищ чекист. А может, ну их на фиг, эти награды? Наладим канал – и вперед. Колумбийцы повесятся!

Несмотря на ухмылку, которой сопровождалось слова, предложение Кальяна прозвучало как-то очень серьезно.

Саблин натянуто рассмеялся:

– Я скромный. Мне достаточно ордена.

Он убрал ноутбук в специальный портфель. Встал, оправил плащ, одновременно выключая цифровой диктофон. Сказал:

– Как только будут новости, звони, – и первым вышел из номера.

Едва закрылась дверь, Кальян сплюнул и пробормотал:

– Будет тебе орден, подполковник, обязательно будет. С закруткой на спине...

Спустя час, добравшись до Управления, Саблин докладывал генералу Крюкову:

– Сегодня на внеочередной встрече Душман подтвердил полученную ранее информацию о партии героина, следующей по железной дороге из Таджикистана в морской порт Санкт-Петербурга.

В просторном, отделанном дубовыми панелями кабинете генерал и подполковник были вдвоем.

С портрета на стене, прищурясь, за ними наблюдал Феликс Дзержинский.

– Согласно прежним данным, груз транзитный. Место назначения – Роттердам. Поставка оплачена голландским представителем ультраисламистской организации «Копья Аллаха» Насером. Отправитель груза – бывший заместитель министра безопасности Таджикистана Зароб Хаджоев.

– Размер партии?

Саблин поправил выглядывающие из рукавов пиджака манжеты белоснежной рубашки и ответил, не сумев скрыть легкого торжества в голосе:

– Одна тонна.

Генерал с пониманием покачал головой и оценил:

– Вкусно. Кто принимает груз у нас в городе?

– Душману это пока неизвестно. Информация получена через его связи в Таджикистане и Афганистане. На сегодняшний день нам известны номер состава и платформы.

– Платформы?

– Да. Груз находится в бочках на насыпной платформе, загруженной бокситной рудой. Его сопровождают несколько боевиков Хаджоева. Точное число сопровождающих не установлено.

– Совсем обнаглели... Есть возможность проверить информацию через другие источники?

– Только косвенно, товарищ генерал. Я подготовил план мероприятий...

– А что за фрукт твой Душман?

– Завьялов Федор Аркадьевич, шестьдесят второго года рождения, уроженец Воронежа. Бывший офицер-десантник. В восемьдесят шестом в Афганистане попал в плен. Принял ислам. Жил в Пакистане и в Иране. В боевых действиях против нас участия не принимал, во всяком случае, такой информации не получено. В девяносто втором вернулся в Россию, сколотил группировку из бывших «афганцев». Потом от них отошел. Сейчас у него новый коллектив. Является самостоятельным криминальным авторитетом, кличка «Кальян». К уголовной ответственности не привлекался. В РУОПе были на него материалы, но до серьезной реализации не дошло. Завербован мною в прошлом году через агента «Инесса».

Генерал сухо улыбнулся:

– Помню... Жива?

– Так точно, жива.

– Угу... Да, непростой источник. Не-про-стой... Серьезная информация от него поступала?

– Трижды, товарищ генерал. Общеуголовной направленности. Вся подтвердилась и передана в милицию.

– Да-а-а, что и говорить, вкусно... Кто в курсе?

– Только вы.

– Значит, так: разработку докладывать мне лично. В центральный аппарат сообщать пока не будем. По маршруту следования груза милицию и криминальные группировки – под контроль.

– Есть!

– Душмана твоего – тоже. Когда прибытие?

– В течение двух недель. При необходимости мы можем подкорректировать дату в ту или другую сторону. Я включил это в план мероприятий.

– Очень хорошо. Ну, что-то еще? – Генерал проницательно посмотрел на Антона Сергеевича.

– Разрешите личный вопрос?

– Давай.

– Говорят, вы в Москву уходите.

– Возможно, возможно...

– А на ваше место кто?

Генерал усмехнулся, встал из-за стола, прошелся вдоль стены, на которой висел портрет основателя ВЧК:

– Тонна героина, Антон Сергеевич, это масштаб. Ты работай, работай... И все будет, как надо.

– Спасибо.

Когда Саблин ушел, генерал Крюков усмехнулся Дзержинскому:

– Понял? Это тебе не матросов в Кронштадте мочить!

В воинской части Василевскому и Егорову дали от ворот поворот.

Стоило два с лишним часа тащиться из города, чтобы ограничиться беседой на КПП с офицером, который вежливо, но очень твердо запретил проход на территорию, напомнив, что армейские подразделения находятся вне юрисдикции органов внутренних дел и без санкции военной прокуратуры уголовному розыску здесь делать нечего. Удалось только получить домашние адреса троих беглецов.

– Вот уроды, – сказал Василевский, когда они вышли из контрольно-пропускного пункта на улицу. – Раньше с вояками всегда удавалось договориться без всякой санкции. Мы же не обыск приехали делать, просто поговорить. Фактически мы им предложили помочь. А они морды корчат!

– Значит, им есть что скрывать. Звони Шилову. Пусть он простимулирует Громова, чтобы тот с военными через генералов договорился.

– Звоню...

Телефон Шилова был занят – он как раз говорил со Стасом, докладывавшим о встрече с Петрухой. Наконец удалось соединиться. Пока Василевский докладывал, Егоров поглядывал по сторонам и прикидывал, какую информацию можно выудить у местного населения.

Воинская часть располагалась на окраине рабочего поселка, пришедшего в полное запустение, после того как развалился местный завод. Молодежь двинула в Питер, чтобы пополнить ряды криминальных структур, оставшиеся кое-как выживали, кормясь вокруг воинской части или заканчивая растаскивать то, что еще сохранилось от некогда процветавшего предприятия. Через дорогу напротив КПП теснились несколько убогих ларьков с одинаковым ассортиментом и грязный шалман с многообещающей вывеской «Пиво. Водка. Закуска». Перед шалманом, чуть не въехав бампером в двери, стояла «девяносто девятая» модного лет пятнадцать назад цвета «мокрый асфальт» – вероятно, боевая машина местной братвы. А под козырьком автобусной остановки скучали две ярко покрашенные

девицы. Лохматые выбеленные волосы, колготки сеточкой, мини-юбки... Добавить к картинке музыку группы «Мираж» – и получилась бы полная «дискотека 80-х».

Василевский убрал телефон.

– Какие поступили распоряжения? – спросил Егоров.

– Покрутиться и понюхать вокруг. Громову сейчас не до нас, у них с Ромкой через час заслушивание по «глухарям». Представляешь, даже дело Чибиса вспомнили.

– Кто заслушивает?

– Да Бажанов этот, из Москвы.

– Хорошо, что мы здесь, а не там. Чего будем делать?

Василевский посмотрел на девчонок на остановке и ухмыльнулся:

– Внедряться. Готовь тюремные байки, Петрович. Ты – бывший зэк, я – твой несиженный кореш. Провернули дельце и гуляем.

– Какое дельце мы могли здесь проверить? Грибов, что ли, насобирали?

– Фигня, по ходу пьесы придумаем. У тебя деньги есть?

– Ну, есть кое-что.

– К вечеру не останется.

Шилов рассматривал фоторобот, составленный со слов водителя «скорой».

Ничего себе рожа! В фильмах ужасов можно без грима играть. Как он только умудряется по улицам незаметно ходить? Еще и бабы на него западают...

Рома посмотрел на Сапожникова:

– Водила еще здесь?

– Ждет в коридоре.

– Попытай его, не мог ли этот мужик быть одноглазым. И насчет рук пусть вспомнит внимательно: может, заметил там шрамы какие-то, или ожоги. Понял?

– Понял. А почему одноглазый? Из-за темных очков?

– Стас в Нижнем Тагиле узнал кое-что.

На выходе из кабинета Сапожников разминулся с Ольгой. Она принесла документы, которые заказывал Шилов:

– Вот, Роман Георгиевич, я распечатала справки по убийствам Черемисиной и директора «Устькутнефти» и по группе Чибисова.

– Спасибо, – жестом предложив девушке сесть, Шилов быстро проглядел бумаги. Скользя глазами по тексту, подумал: почему для заслушивания выбрали именно эти дела? Почему только три? Их нельзя назвать ни наиболее резонансными, ни наиболее перспективными, ни, наоборот, сильно запущенными. Странный подбор... генератор случайных чисел они, что ли, использовали? Ну, начальству виднее. – А про командировку Стаса чего не дополнила?

– Там дальше есть, на отдельном листе.

– А-а-а, вижу, спасибо... А в базах данных что-нибудь нашла?

– По солдатам – только адреса прописок, и родственники. У одного никого нет, круглый сирота. Двое машинами пользовались по доверенности, но это давно было.

– То есть ничего интересного?

– Я могу обобщить в одну справку.

– Не надо, я тебе и так верю. А по остальным?

– Пусто. Взрывника по кличке Румын в базах нет, официантки с именем или кличкой Мальвина – тоже. Есть две проститутки, но одна пятьдесят третьего года рождения – я думаю, старовата, а вторая уехала на ПМЖ в Швецию.

– Как уехала, так могла и вернуться.

– Я проверила.

– Ты молодец, Оля. И... тебе очень идет это платье.

– Спасибо, Роман Георгиевич. Только я его не в первый раз уже надеваю.

– Это не делает тебя хуже.

Звякнул местный телефон: Громов торопил на заслушивание.

– Да, Юрий Сергеевич. – Сложив документы в папку, Шилов встал и грустно подмигнул Ольге: – Пошел расслабляться и получать удовольствие...

Даже если бы Сергей Борисович Бажанов был одет в гражданский костюм, ошибиться насчет его звания было бы невозможно. Присутствовало в его облике и в манере держаться что-то такое, что-то по-настоящему генеральское...

В кабинете Громова он занял хозяйское место, Громов с Шиловым расположились за приставным столиком.

С директором «Устькутнефти» разобрались быстро. На убийстве Черемисиной, работавшей в администрации одного из районов, задержались подробнее. Вопреки ожиданиям, бумаги генерал не смотрел, предпочтя устную форму доклада. И довольно часто перебивал Шилова уточняющими вопросами. Вопросы были довольно толковыми, чему Роман удивился. А еще говорили, что Бажанова сослали из армии за какую-то генеральскую шалость и что он в милицеских делах ни ухом ни рылом. Конечно, большим профессионалом в ОРД^{[note 1](#)}

(Оперативно-розыскная деятельность. он не являлся, но делал вполне логичные выводы из услышанного и подмечал важные мелочи.)

– Значит, бытовую версию полностью отработали?

– Так точно, товарищ генерал. Убийство Черемисиной связано исключительно с ее отказом в разрешении на строительство казино. Надо продолжать работу по группе Пехтина.

– Может, ты и прав... А как насчет версии с Вильнюсским банком?

– Версия Саулюса мало вероятна. Он ничего не выиграл от ее смерти, так что...

Шилова прервал звонок телефона. Громов потянулся к аппарату:

– Разрешите, товарищ генерал? Это дежурная часть. – Выслушав доклад, Громов сообщил генералу и Шилову: – Предположительно, обнаружен труп полковника Карташова. Найден военными при прочесывании лесного массива в полукилометре от федеральной трассы...

– Что значит, «предположительно»?

– Труп в сильной стадии гнилостных изменений. На нем наградные часы Карташова. Окончательно можно будет сказать только завтра утром, в морге.

– А почему сегодня не провести опознание? Время теряем!

– Труп привезут в город к ночи, а санитары и эксперты погон не носят.

– Так отвезите его в Тосно. Это ведь ближе! А пока везут – родственников подтяните для опознания. Дело ведь на контроле! Нужно срочно доложить первому замминистра.

Услышав про Тосно, Шилов вздрогнул.

И, поколебавшись несколько секунд, незаметно убрал со стола дополнение к справке про Чибиса, в котором упоминалось о результатах поездки Стаса в Нижний Тагил.

– Пожалуй, я вместе с вами поеду на место, – решил генерал и перевел взгляд с Громова на Романа: – Справка по Карташову у тебя?

– Так точно, товарищ генерал, – Шилов отдал бумаги.

Бажанов прочитал их мгновенно:

– Давненько ничего по делу не делалось.

– Расслабились, товарищ генерал, – покаянно склонил голову Шилов.

– Сейчас напряжетесь. Поехали, Юрий Сергеич. Я пошел собираться, распорядись, чтоб подали машину.

Стоило Бажанову выйти, как снова звякнул аппарат прямой связи с дежурным. Хмурясь, Громов выслушал новое сообщение, и чертыхнулся, положив трубку:

– На железнодорожном переезде Лихачево убит второй дезертир.

– Теперь поезд взорвался?

– Да нет... Военные настигли его, и он оказал вооруженное сопротивление.

– «Настигли»! Прямо Аргун какой-то.

– Давай-ка съезди туда. А я с карташовским трупом попробую разобраться.

– Юрий Сергеевич, а где его нашли?

– Пятьдесят третий километр московской трассы.

– Почему Бажанов сказал про Тосно? Ведь вы не успели этого сообщить.

– Да? А по-моему, я назвал трассу.

– Нет, Юрий Сергеевич, не успели. Он это без вас знал.

Шахид тренировался в спортзале – проводил спарринг со своим постоянным партнером, когда позвонил Кальян.

– Шахид! Тебя босс! – крикнул ответивший на звонок Юрка, спеша к рингу с телефоном в руке.

На ходу снимая перчатки и шлем, Шахид пролез под канатами и взял трубку. Держа ее так, чтобы Кальян ничего не услышал, сказал Юрке:

– Сколько раз повторять можно: во-первых, меня зовут Алексей. А во-вторых, какой, на хрен, босс? Ты бы еще сказал царь!

Юрка пожал плечами и отошел.

– Алло.

– Как с подписанием нашего контракта?

– Юристы изучают дело.

– Сегодня надо обязательно подписать. Инвесторы волнуются.

– Хорошо, подпишем.

Шахид выключил телефон, ненадолго задумался. Потом махнул Юрке:

– Подгоняй машину. Я помоюсь, и поедem к портовику, проверим нашего верхолаза.

– Угу...

Сын директора порта зашел на кухню взять из корзинки на столе новое яблоко и увидел висящего за окном человека. Незнакомый мужчина с неприятным лицом был одет в какую-то грязную робу и держал в руке малярную кисть. Не обращая внимания на появление мальчика, мужчина обмакнул кисть в ведро с краской и продолжил работу.

– Что ты здесь делаешь?

– Дом крашу, – ответил Спец.

– Но ведь его недавно красили!

Маляр напугал мальчика. Парнишка не смог бы объяснить, почему, но ему очень захотелось, чтобы этот дядька побыстрее убрался. Может, он хочет их обворовать через форточку? Нет, форточка маленькая, и маляр в нее не пролезет. И квартиры не обворовывают,

когда хозяева дома, а не ушли на работу и не отправились за город. Но все равно страшно...

В кухню вошла мама:

– Дима, отойди: от окна дует.

– Но ведь дом уже красили, – мальчик указал на Спеца.

Женщина вздрогнула: если б не сын, она бы не заметила присутствия этого мужика.

– Здравсьте, – растерянно поздоровалась она с ним и подошла, чтобы закрыть форточку. Подумала: странно, что маляр один. Перед летом, когда ремонтировали весь фасад, их целая бригада работала. Тогда управились за три дня. А этот, в одиночку, сколько будет возиться? И действительно, что он там делает? Какие-то трещины образовались? Вроде с улицы она ничего такого не замечала. Надо будет узнать в жилконторе, в чем дело. А то, может, весь дом скоро развалится...

– Пошли, – она вручила сыну красивое яблоко и за руку увела в комнату.

А Спец положил кисть в ведро и закурил. Посмотрев вниз, он увидел, как неподалеку от дома остановилась темно-синяя «Тойота-раннер» Шахида. Спец усмехнулся: приехали проверять? Ну, проверяйте!

– Вроде, все нормально, – сказал Юрка, глядя на Спеца.

Юрка сидел за рулем, Шахид рядом. Приглядываясь, Юрка сильно наклонился к лобовому стеклу, и Шахид дернул его за рукав:

– Бошку убери!

– А чо? – Юрка удивленно откинулся на спинку кресла. – Кто нас тут видит?

– Да ничо! Ты еще покричи ему. Все, давай поехали на соседнюю улицу. Проверим еще раз, где его будем принимать вечером...

В радиозфире пронеслись переговоры групп наружного наблюдения, с утра выставившихся за Шахидом по заданию Лютого:

– Седьмой – пятому. Объект тронулся.

– Трогаются умом. А объект двинулся. Я его вижу. Работаем дальше.

Держа под мышкой бутылку шампанского, Скрябин вошел в номер Кожуриной:

– Привет!

Татьяна сидела на кровати и, кутаясь в платок – в номере было довольно прохладно, – просматривала протоколы допросов, проведенных ею в женской колонии.

– Расколол я Петруху. Есть наводки по взрывнику, можно работать.

– Поздравляю. Как и обещала, с меня коньяк. По возвращении. Он на бумагу что-нибудь дал, или только поговорили?

Сухость тона Кожуриной удивила Стаса. Что это с ней? Неудачно скаталась в «шестерку» и теперь завидует его успеху? Ерунда, профессиональная зависть не в ее духе.

Он присел рядом с ней на кровать. Отложив документы, она чуть отстранилась и сильнее стянула платок на груди.

– Что-то случилось? – спросил Стас.

– Нет, с чего ты решил? Сегодня летишь?

Скрябин покачал головой:

– Тебя подожду. Завтра полетим вместе. Или послезавтра. Нам тут, кстати, такой отдых предлагали устроить... Я сперва отказался, а теперь думаю, не грех и отметить удачу. – Сказал и потянулся к ней, чтобы поцеловать.

Она встала с кровати:

– Я думаю, будет лучше, Станислав Александрович, если вы улетите сегодня.

– Не понял...

– Что тут непонятного? Дама просит вас уехать. Или продолжения хочется?

– Продолжения? – Скрябин посмотрел на бутылку, которую сжимал в руке. Поставил шампанское на пол. – Продолжения хочется.

– Продолжения, Скрябин, не будет. Командировочный эксцесс. Вы джентльмен, трепаться не будете. Так?

– Глупая ты, Татьяна. Умная баба, а... Глупая!

Кожурина молча подождала, когда он выйдет из номера, а потом села и обхватила голову руками.

А Стас шел к себе и думал: этим и должно было закончиться. Ему всегда не везло в личной жизни. Всегда! Думал, сейчас будет иначе? Размечтался, дурак!

Может, попробовать еще раз?

Зачем? Чтобы снова убедиться в своем невезении?

Стас достал «трубку»:

– Рома, привет, опять я. Я решил сегодня лететь. Встретишь? Не знаю еще, во сколько. Перезвоню.

Джексон сидел в кресле Шилова, взгромоздив ноги на стол, и курил, пуская дым в потолок. На появление хозяина кабинета он не обращал внимания до тех пор, пока Шилов не поинтересовался:

– Тебе уютно?

– Только не надо сарказма! – Джексон опустил ноги, крутнулся в кресле и, потушив сигарету, поднялся. – Я уже два часа сторожу кабинет, который ты забыл запереть.

– Кабинет куда бы не унесли. А дверь захлопывается.

– Правда? – Джексон почесал затылок. – Не знал. Вот, блин, что значит технический кретинизм. Как «заслушка»?

– Ничего, нормально. Убит второй дезертир. Якобы застрелили при задержании. Он сопротивлялся.

– Черт, это уже похоже на вестерн!

– Съезди на место, узнай, что к чему.

– Слушай, а может, пусть ими военная прокуратура занимается?

– Не пусть. Эти вояки как-то связаны с нашим взрывником. Так что давай, сгоняй туда, поводи жалом. А я Стаса в аэропорту встречу.

– Понял. Куда гнать?

– Уточни в дежурке. Железнодорожный переезд Лихачево...

– Это в направлении Ладоги, что ли? Ни хрена себе, туда же пилить только в одну сторону три часа!

– Вот и начинай пилить, не задерживаясь.

– Два отгула шеф! – Джексон растопырил два пальца.

– Договорились. Отзвонись сразу, как только информация будет. И смотри, не нажрись там с вояками. А то еще потом придется нам за тобой по лесу бегать.

– Ну это уж как получится, – пробормотал Джексон, выходя в коридор. Ровно в шесть Паша явился в прокуратуру.

Александра, видимо, уже собралась уходить. На ней было пальто, в руке она держала сумку и стояла посреди кабинета с таким видом, как будто проверяла перед уходом, все ли электроприборы выключены, а замки сейфов заперты.

При появлении Паши она улыбнулась. Паша протянул ей пышный, но аляповатый букет:

– Ну и где наш кузнец?

– Цветы для него?

– Для тебя, Сашенька, для тебя.

– Надо же, не поленился узнать мое имя. А говорил, что пошел бандитов ловить...

– Ну должен же я хоть что-то знать о своей будущей жене.

– Не торопишься?

– Жизнь покажет. Давай пока цветы оставим здесь, – мягко взяв у Александры букет, Паша пристроил его в какую-то банку с водой на подоконнике. – А то пока мы гуляем, они завянут.

– Интересно, кто тебе сказал, что я с тобой сегодня гуляю?

– Твои глаза.

– А если они врут?

– Такие глаза врать не могут, – Паша попытался обнять Александру за талию, но она ловко вывернулась и, присев на край письменного стола, сказала тоном, не оставляющим сомнений в том, что ультиматум будет исполнен:

– Станешь распускать руки – точно никуда не пойдем.

– Как скажешь, королева, – Паша убрал руки за спину. – Кино, филармония, кофейку?

– Да, богатый выбор! Вообще-то я голодна, – Александра с любопытством посмотрела на ухажера.

– Все шашлыки мира будут брошены к твоим ногам, – горячо пообещал Паша.

Александра посмотрела на часы, что-то посчитала в уме и сняла телефонную трубку:

– Ну ладно, иди, а мне позвонить надо.

Паша схватил трубку параллельного аппарата:

– Я уже ревную!

– Маме, предупредить. Давай! – Александра подтолкнула Пашу в широкую спину, и он покорно вышел из кабинета, пояснив:

– Что ж, ссориться с будущей тещей в мои планы не входит.

Оглядываясь на дверь, Александра встала у окна и, дозвонившись кому-то с мобильного, заговорила приглушенным голосом:

– Привет, это я. Ты сегодня не придешь? Занят, работаешь? Ну тогда я с девчонками в клуб схожу. Все, пока. Целую!

Начальника порта привезли домой немного позже обычного. Водитель оставался в машине, охранник проводил шефа до двери квартиры. На висящего у окна «маляра» они не обратили внимания.

Спец бросил кисть в ведро с краской, а из другого ведра, пустого, достал двадцатизарядный «Стечкин» с глушителем. Снял с предохранителя, пристроил в специальном креплении на груди. Теперь открыть огонь Спец мог меньше, чем за секунду.

Оставалось дожидаться появления цели.

Как он и надеялся, семья собралась поужинать в полном составе. Отец с сыном сели за стол, женщина у плиты наливала борщ из кастрюли в тарелки. Отлично: можно будет не только основную мишень поразить, но и от свидетелей сразу избавиться.

Спец мог разобрать некоторые слова из их разговора. Жена спросила, как дела на работе, а начальник порта с довольным видом ответил, что конфликт с акционерами, кажется, разрешен и обращаться в Арбитраж не придется.

Вот уж точно, подумал Спец, беря в руку «Стечкин». Нет человека – нет конфликта. Акционеры будут довольны.

Одно плохо: портовик неудачно сидит. Ему бы чуть-чуть вперед передвинуться – и оказался бы в зоне уверенного поражения. Иначе придется стрелять под слишком острым углом, через двойное стекло. И сын, которому не сидится на месте, может внезапно перекрыть траекторию.

Спец постучал в стекло.

– Господи, что это? – вздрогнул начальник порта.

Сын обернулся, увидел давешнего маляра и замер, втянув голову в плечи.

– Стену красят целый день, – пояснила жена.

– А-а-а, видно, аврал. Чего ему надо? На ужин, что ли, просится? Совсем очумели уже! – Начальник порта привстал, чтобы лучше разглядеть, кто там за окном, и в этот момент Спец выстрелил.

Пуля попала начальнику порта в лоб, и он сначала рухнул на стул и только потом упал на пол, сопровождаемый грохотом опрокинутого

стола и звоном разбитой посуды.

Чистая работа – контрольного можно не делать.

С женщиной так не вышло. Она дернулась, и пуля только чиркнула по голове, содрав с виска лоскут кожи. Мгновенно скорректировав прицел, Спец добил жертву.

А вот мальчишку прикончить не смог. За те две секунды, которые Спец потратил на его мать, он успел спрятаться за упавшим столом. Спец видел его ногу и хотел выстрелить в щиколотку, рассчитывая, что от боли пацан или вскочит, или выпадет из-за стола. Но мальчик, будто почувствовав взгляд, убрал ногу.

Спец выругался. Столешница толстая, пули ее не пробьют. Заскочить в кухню? Не так то просто это сделать с подвешенного на веревках сиденья. Черт с ним, с мальчишкой! Пацан так испугался, что не сможет описать ментам его внешность. Пусть живет, счастливчик...

С крыши противоположного дома Шахид в бинокль наблюдал за работой Спеца. Как только все началось, он по телефону скомандовал Юрке:

– Пошел!

Ликвидация заняла секунд десять, но Шахиду казалось, что Спец возится очень долго. Наконец, закрепив пистолет на груди, убийца вскарабкался по веревке (Шахиду опять показалось, что он еле двигается) и, оказавшись на крыше, пропал из поля зрения. Согласно плану, он должен был спуститься с другой стороны дома во двор, у арки которого со стороны улицы его будет ждать Юрка.

Смахнув со лба пот, Шахид посмотрел вниз. Шли пешеходы, проехали две машины. Кажется, никто ничего не заметил. Что ж, план был рискован, но, кажется, удался.

Через пять минут в условленном месте Шахида подобрала «Тойота». Спец полулежал на заднем сиденье. Бледный и непривычно молчаливый Юрка рулил. Как только Шахид сел в машину, он рванул так, что завизжали покрышки.

– Спокойнее, Юра, спокойнее. Не хватало нам сейчас на «гиббонов» нарваться. – Дождавшись, когда Юрок сбавит скорость, Шахид обернулся к Спецу: – Ну как?

– Как всегда.

– Ствол сбросил?

– Нет.

– Рискнешь...

– Мне так спокойнее.

Шахид мысленно усмехнулся: Спец опасается, что его самого теперь могут зачистить. Напрасно. Оно бы было, может, и правильно, да только где потом такого второго мастера отыскать? Вот появится кто на замену – тогда и можно будет подумать о ликвидации ликвидатора. А пока...

– «Лежка» готова. Ночь перекантуешься, а утром я привезу деньги.

Спец молча кивнул.

Двумя часами позже Лютому позвонили: – Гриша? Это Панкратов из «наружки». С тебя ящик водки! Твои клиенты грохнули начальника порта, но мы их проследили. Есть адрес киллера...

Шилов и Скрябин сидели в одном из многочисленных и одинаково дорогих кафе в здании аэропорта. Перед каждым стояло по две пустые чашки, в пепельнице висилась горка окурков.

– Да, насыщенный выдался день, – вздохнул Стас. – Событий больше, чем за неделю.

– Эт-то точно.

– Значит, Бажанов – это тот человек, на которого замыкался Чибис?

– Нет. Это человек, на которого замыкался Карташов.

– И Бажанов убрал Карташова... Вторая серия?

– Еще б сценарий прочитать. Извини! – Шилов достал зазвеневший телефон. – Да... Ну и где ты был столько времени? Долго ехал? А-а-а, понимаю. Ладно, давай по делу. Так. Так. Так... Хорошо. Что? Хорошо, говорю. Только не пей много. Все, до связи.

– Джексон? – догадался Стас.

– Ага. Наш специальный корреспондент передает с места событий. В общем, получается, что эти Ремезов и Долгополов вскочили на грузовой поезд и ехали в сторону Ладоги. Их заметил какой-то стрелочник. И позвонил, куда надо. То есть военным.

– Он чего, продвинутый очень? Почему не в милицию?

– Потому что военные к нему утром уже приходили и предупреждали, что ищут двух дезертиров. Вот он и отреагировал.

– Я всегда знал, что стрелочник виноват.

– На переезде Лихачево дезертиров попытались взять. Они стали отстреливаться. Долгополов погиб, Ремезову удалось скрыться.

– А из группы захвата кто-нибудь пострадал?

– Никого. – Роман усмехнулся. – Тебя это удивляет? Меня лично – нет.

– Погоди, а поезд на переезде стоял, или вояки его, как басмачи, на abordаж брали?

– Насколько я понимаю, они просто встали где-то по ходу движения поезда и открыли стрельбу, не пытаясь никого задержать.

Чем дальше, тем больше мне начинает казаться, что эти дезертиры командованию части живыми не нужны.

– Почему? Узнали про командиров что-то такое, за что тех могут всерьез припечатать?

– Что они могли такого узнать? Что со складов НЗ все распродано, а комбат гоняет новобранцев рыть картошку на своей даче? Сейчас этим никого не удивишь.

– Может, там торговля оружием?

– Угу. Прапорщик со склада торговал, а эти трое свечку держали.

– Предложи что-нибудь более конструктивное. А то критиковать все мастера.

– Не знаю, – Шилов покачал головой. – Посмотрим, что нароют Леня с Петровичем. Они там вроде зацепились за что-то. Если, конечно, смогут утром вспомнить, о чем и с кем сегодня разговаривали. Отдел тихо спивается.

– Работа такая.

– Да, работа. Джексон, по-моему, тоже уже крепко вдетый.

– Ну, ему цистерну выпить надо, чтобы окосеть!

– Когда это его останавливало?

– Да ладно, проспится и будет как новенький. Поехали? Спать хочу – умираю. Оказывается, я смену часовых поясов плохо переношу. Отдохну, а завтра займусь Мальвиной.

– Имя хорошее, ты ее быстро найдешь.

– Это погоняло, а не имя.

– Тогда найдешь чуть медленнее. Пошли! – Роман первым поднялся из-за стола.

В машине по дороге в город Скрябин спросил:

– Ты ведь не только о работе думаешь, что-то еще... С Юлей поссорился?

Шилов долго не отвечал. Вообще хотел сначала не отвечать – он не любил, когда кто-нибудь, пусть и близкий друг, лезет в личную жизнь. Но потом почему-то ответил:

– Мы не ссорились. Просто мы разные. Она хочет нормальную семью. А мне это, наверное, не нужно.

– Это всем нужно.

– Может быть. Сегодня, например, я обещал с ней куда-нибудь сходить. А потом так замотался, что даже не позвонил.

– Она должна понимать.

– Должна. Но не понимает. – Шилов помолчал. – Я не оставляю работу, она не привыкнет. Тупик. Знаешь, я всегда считал, что женщин надо искать вне системы, в которой работаешь. А теперь думаю: может, я был не прав?

– Я тоже так считал. – Скрябин непонятно усмехнулся и тоже надолго замолк. А потом подвел итог разговора: – Помнишь О’Генри? Дело не в системе. А в том, что внутри нас заставляет выбирать эту систему.

Проводив Александру – дальше разговоров под шашлыки и вино дело не зашло, Паша приехал ночевать к Лютому. Возбужденный Лютый в коридоре надевал куртку:

- Вовремя ты! Разворачивайся, поехали.
- Случилось чего?
- Случилось! Давай, по дороге все объясню.

Они приехали к Арнаутову. Открыв дверь, Железный Дровосек удивленно и настороженно, как будто ждал только плохих новостей, посмотрел на Лютого:

- Ну?
- Пашу он игнорировал, словно его вообще не было.
- Мои клиенты под «наружкой» забомбили мокруху.
- Шахид?
- Ага.
- Проходи.

Арнаутов посторонился. Лютый протиснулся мимо него и пошел сразу в комнату. Пашу отец тормознул в коридоре:

- Здесь подожди, – и, пройдя вслед за Лютым, закрыл дверь.

В коридоре был такой же бардак, как и утром. Ремонт, естественно, не начинался. Выпуская злость, Паша врезал по какой-то коробке, и сложенная у стены гора хлама обрушилась.

– Куда киллера отвезли? – спросил Арнаутов, выключая телевизор.

– Он на Торжковской залег. «Наружка» адрес пробила. Квартира однокомнатная, похоже, съемная. Шахид уехал.

– Значит, на Торжковской у них отстойник. Киллер отлежится, получит бабки и сдернет.

– Оружия не нашли, – вздохнул Лютый. – Может, он со стволом на хате сидит?

– Может. Интересно, что у них с доказухой?

– Сынишка живым остался. Он стрелка видел. Пока в шоке, но, я думаю, сможет как-нибудь опознать. Я позвоню в «убойный»...

– Обойдутся. Они у Громова в любимчиках, а дело уже на особом контроле. Проявимся – нас отодвинут, все им отдадут.

– Ну а как тогда?

– Дождемся, когда появится Шахид с бабками, и возьмем их всех тепленькими. Если будет мокрый ствол – на хрена нам убойщики?

– А если ствола нет?

– Расколем по-горячему. Никуда они не денутся. Собирай народ, заказывайте СОБР. Пока Шахид не появится, в квартиру не входить. «Наружка» за адресом наблюдает?

– Бьет копытом и мечтает об орденах...

Они обсудили еще некоторые детали предстоящего задержания, и Лютый, посчитав все вопросы исчерпанными, собрался идти, когда Арнаутков неожиданно спросил:

– Пашка у тебя поселился?

– У меня. Поговорить с ним?

Арнаутков помолчал, потом открыл перед Лютым дверь в коридор:

– Если что – я на связи.

После Арнаутова заскочили в Управление, договорились насчет поддержки СОБРа – чтобы подъехал на Торжковскую ближе к утру, – обзвонили ребят и отправились к адресу. Там и встретили утро. Паша безвылазно оставался в машине, Лютый же время от времени выходил, чтобы встречать и распределять по позициям прибывающих. Собралось почти полотдела. Плюс еще «наружка» где-то сидела. Так что все подходы обложили прочно, мышь не проскочит.

Высотный дом, в квартире на двенадцатом этаже которого спал ничего не подозревающий киллер, стоял на углу Торжковской и набережной Черной речки, по диагонали от метро. Подъезд был только один и выходил во двор. Но во двор можно было попасть сразу с нескольких сторон: и через арку с набережной, и через въезд с Торжковской, и со стороны гостиницы «Выборгская».

Паша задремал и проснулся от искаженного голоса Топоркова, донесшегося из лежавшей на торпедке радиостанции:

– Гриша, охранник забрал Шахида из дома. Двигаются к вам.

– Добре!

Паша протер глаза, посмотрел на Лютого:

– Ты хоть спал?

– Паша, пока москали спят, хохлы едят. – Лютый продемонстрировал и выбросил в окно огрызок яблока.

Часы показывали без пяти восемь.

– Через десять минут Шахид будет здесь, – Лютый вытер пальцы салфеткой, которую тоже бросил в окно. – Так что давай подтягивайся поближе.

– Куда еще ближе-то?

– А прямо во двор.

– Там же «наружка» смотрит.

– Самим-то надежней!

Паша в сомнении покачал головой, но спорить не стал. Включил двигатель, погрел немного, потом неторопливо вкатился во двор, тормознул:

– Куда? Тут не спрячешься.

– Вон, видишь, где машины стоят? Давай к ним.

Паша сдал задом и припарковался между двух легковушек, прямо напротив подъезда.

– Вот и славненько, – Лютый удовлетворенно кивнул и взял рацию: – Молчун! Окна секи.

Молчун стоял на Торжковской, рядом с гражданским микроавтобусом, в котором прятались бойцы СОБРа. Посмотрев на окна квартиры, он усмехнулся и ответил:

– Он тебе что, Бэтмэн, что ли? Двенадцатый этаж!

– Отставили разговорчики.

Несколько минут прошли в напряженном молчании.

На связь опять вышел Молчун:

– Встречайте гостей. Шахид и водила.

– Поняли, спасибо.

Положив рацию на торпеду, Лютый подмигнул Паше:

– Ну, началось!

«Тойота-раннер» въехала во двор и остановилась в нескольких метрах от подъезда. Сквозь лобовое стекло были видны Шахид и Юрка.

– Чего они ждут? – спросил сам себя Лютый.

– Может, стрелок к ним выйти должен?

– Тогда бы они ближе подъехали...

...В салоне «Тойоты» тоже шел разговор:

– Подожди, машина какая-то мутная.

– Где? – Юрка огляделся, но ничего такого, что бы вызвало подозрения, не заметил.

– Вон та «девятка».

Юрка пожал плечами. Тачка как тачка. Вроде, внутри кто-то сидит. Но точно не разобрать, стекла отсвечивают. А даже если сидит кто-то – и что? Менты не могли вычислить адрес. Раз не прихватили вчера, сразу после убийства, то откуда им сегодня нарисоваться? Если только Спеца не замучила совесть, и он не написал явку с повинной.

– Слышь, Алексей, – Юрка впервые назвал Шахида по имени, – ты это, того... Гонишь!

– Поэтому мы с тобой до сих пор и живые. Давай-ка назад. Подъедем через полчаса еще раз.

Юрка включил заднюю передачу...

– Нас срубили! – Лютый схватился за рацию: – Всем захват!

«Тойота» пятилась к выезду со двора. Бросив рацию, Лютый выскочил из машины и бросился к джипу, на ходу выдергивая из кобуры пистолет. «Тойота» прибавила скорость и уже готовилась задом выскочить на Торжковскую, когда проезд перекрыл микроавтобус СОБРа. Присев на задние колеса, джип замер. Боковая дверь микроавтобуса открылась, из салона начали выпрыгивать спецназовцы в масках и с автоматами. «Тойота» рванула вперед. Лютый встал перед ней, поднял в двух руках пистолет. Джип вильнул, объезжая его, и проскочил мимо. Матерясь, Лютый кинулся следом. Паша, наконец, завел двигатель и стал выезжать из узкой щели между машинами, но был вынужден тормознуть, чтобы пропустить бегущего Лютого. Следом за Лютым летели спецназовцы. «Тойота» дернулась к арке, чтобы выскочить на набережную Черной речки, но там, перед светофором, выстроился плотный хвост машин, и Юрка вывернул влево, уходя вдоль стены дома.

Лютый остановился и выстрелил. Заднее стекло джипа осыпалось. Снижая скорость, машина начала плавно заворачивать вправо, ткнулась передним колесом в поребрик газона и остановилась. Водительская дверь открылась, с поднятыми руками из кабины вывалился Юрка. Лицо у него было испачкано кровью, и его заметно трясло.

– На колени! – заорал Лютый, подбегая. – Шахид, выходи!

Юрка послушно встал на колени, а вот Шахид продолжал оставаться в машине.

Он был мертв.

Единственный выстрел Лютого оказался смертельным. Пуля попала в затылок. Шахид лежал головой на торпеде, остановившиеся глаза были открыты.

– Звиздец, – сказал Паша, заглядывая в машину. – Добегались...

– ...Твою мать! – Лютый растерянно посмотрел на свой пистолет.

– Я же по колесам стрелял! Как же так?..

А в салоне их «девятки» надрывалась забытая рация:

– Лютый! Паша! Паша, мать твою, где вы?

Молчун, в одиночестве оставленный на Торжковской, пытался докричаться до своих и смотрел, как Спец, успевший добежать из

квартиры до крыши, закрепил там трос и теперь быстро спускается, отталкиваясь ногами от глухой стены высотного дома.

Вот и дошутился про Бэтмэна...

– Паша! – в последний раз крикнул Молчун.

Спец заметил его. Не прекращая спуска, вырвал из крепления на груди «Стечкин» с глушителем, выстрелил. Молчун бросился в сторону, вдогонку ему несколько пуль цокнули по асфальту. Вскочив из зоны обстрела, он и сам потерял противника из вида. Пока доставал пистолет и убирал в карман куртки рацию, пока соображал, что и как сделать, пока...

Спец ушел.

– Ну что, вопросы есть? Вопросов нет. Свободны! – закончил Шилов утреннее совещание. – Стас, на сходки можешь не ходить, занимайся Румыном.

– Пока только его дамочкой из «Астории».

– Позвони Зубареву из спецтуры, он поможет.

Все ушли, остались только Василевский с Егоровым. Вид у них был изрядно потрепанный. Но они хоть пришли, а вот Джексон до сих пор где-то отлеживается.

– Нельзя ли слегка уменьшить свет? – приложившись к бутылке «боржоми», болезненным голосом попросил Леня.

– Это солнце, алкаш.

Леня тяжело вздохнул:

– Оскорбить всегда легко.

– Да ладно, оскорбленный. Лучше расскажи, что вы вчера накопили. Или вы бездарно пропьянствовали, забыв о работе?

– В общем, так: часть спецназовская. Дисциплина жесткая, но бойцы по бабам все равно шастают. Все контрактники, все воевавшие. Многие были ранены. Разговоры по пьянке обычные: о собственном героизме да о жизни на гражданке. Один сержант как-то трепался, что их подразделение – самое секретное в стране и подчиняется чуть ли не министру обороны лично.

– В любой части найдется сержант, который так говорит. Тем более когда выпьет. Не густо!

– Нет, ну бойцы там действительно хорошие, – вступил Егоров, отхлебнув остатки минералки из бутылки Василевского. – Как-то один солдат в пивной троих блатных отправил в реанимацию. Без всяких, кстати, последствий. Дело замяли, не успев начать.

– Может, это и правильно, – кивнул Шилов.

– И еще, – продолжил Василевский. – В прошлом месяце потерпел аварию «ПАЗик» с шестью бойцами. Все погибли, причем у каждого из бойцов заканчивался контракт. И никто из них не собирался его продлевать.

– Похоже на какой-то перестроечный боевик про школу киллеров,
– усмехнулся Роман. – Это вам тоже девки местные рассказали?

– Нет, это от хозяина кафе. Сестра у него в части служит, прапорщиком.

– Замужняя? – Шилов посмотрел на холостого Леню.

Егоров тоже на него посмотрел, усмехаясь.

– А разве это имеет какое-то отношение к делу? – Леня с деланным недоумением пожал плечами, но тут же продолжил: – У меня с ней свидание сегодня вечером. Покопаю еще. Она при штабе работает, должна много интересного знать.

– Сильно только не закопайся...

В кабинет вошел Громов.

– Товарищи офицеры! – скомандовал Шилов, поднимаясь из-за стола.

– Да сидите, сидите! – махнул рукой Громов. – Два часа назад арнаутские ребята пытались киллеров взять. Тех, которые вчера портовика завалили.

– Только пытались или все-таки взяли?

– Один ушел, второго вальнули при задержании. Поезжай, надо подключаться.

– А я-то тут при чем? Как раскрывать, так они втихаря. А как дерьмо разгребать, так сразу я нужен?

– Роман, не заводись. Там один задержанный есть. Хочешь, не хочешь – будете работать вместе. Так что давай, не засиживайся тут. Бери кого-нибудь с собой, и вперед. – Громов ушел.

– Спасибо тебе, добрый шеф... Значит, так. – Шилов посмотрел на Егорова с Василевским. – Возвращаетесь в часть, что делать – знаете сами.

– Ты его, – Леня кивнул на дверь, в которую только что вышел Громов, – по военной прокуратуре напряги.

– Обязательно. Хотя, сами видели, он и так уже достаточно напряженный. Да, прежде чем ехать, постарайтесь Джексона разыскать. Он вам, кажется, оставлял какие-то секретные телефоны? А то у него «труба» выключена.

– Домой не пробовали звонить?

– Попробуй, Леня, тебе с ним будет легче договориться. Ну, двинулись?

Прежде, чем отправиться на Торжковскую, Шилов позвонил новому начальнику Управления собственной безопасности Ткачеву и договорился о встрече. Сказал: «У вас найдется десять минут? Хочу написать явку с повинной...»

Встретились у метро «Чернышевская». Шилову было все равно, куда ехать, а Ткачеву это место по каким-то причинам оказалось удобным. Шилов приехал раньше и ждал, покуривая в своем «Фольксвагене». Ткачев подошел, сел на соседнее место. Они обменялись рукопожатиями, и это получилось как-то очень естественно, как будто позавчера Роман вовсе и не отказался от такого приветствия.

– Хорошая машина, – заметил Ткачев.

– Была лучше.

Без всякого перехода Ткачев спросил:

– Ну что, привезли явку?

– Признаюсь в преступном сборе информации о генералитете МВД. Вы по Москве можете что-нибудь подсказать?

– Кто именно вас интересуется?

– Бажанов Сергей Борисович.

– Хм, для второго дня знакомства смелый вопрос.

– Отнюдь. Даже если сольете – начальник отдела интересуется проверяющим. Что в этом такого? Обычное дело!

– И это, конечно, реальная причина интереса?

– Конечно!

– Ну тогда я спокоен. А обо мне вы тоже навели справки, прежде чем обратиться?

– На вашу должность оборотня не назначат, – сказал Роман совершенно серьезно. – Поэтому решил довериться без всякой предварительной подготовки.

Ткачев усмехнулся и покачал головой, то ли осуждая напористый тон Романа, то ли наоборот, относясь к нему с симпатией и пониманием. Ответил:

– Бажанов Сергей Борисович, в МВД служит недавно. До этого являлся полковником военной разведки.

– ГРУ?

Ткачев кивнул и продолжил:

– Правда, большую часть службы провел на героической должности замполита. Опыта оперативной работы не имеет. Во всяком случае, так считается. Не чужд обычных замполитовских слабостей, особенно по части девочек. Два года назад из-за одной такой истории был направлен укреплять наше многострадальное МВД. Криминальных связей не имеет, но имеет большие связи в своей системе. Что, впрочем, естественно.

– А вы в Москве Министерство курировали?

– Роман Георгиевич, вы свой контингент, авторитетов Петербурга, хорошо знаете?

– Неплохо.

– А я знаю свой контингент.

– Бажанов, значит, авторитет?

Ткачев вздохнул:

– В нашей системе пути Господни неисповедимы втройне, Роман Георгиевич. Ну, у вас еще есть вопросы?

– Пока нет.

– Тогда я пошел. Удачи!

Когда Шилов приехал, работа на месте происшествия была уже почти завершена. Описали труп Шахида в «Тойоте», заканчивали осмотр квартиры, в которой ночевал киллер. Никаких улик, за исключением гильз от «Стечкина» и альпинистского снаряжения, при помощи которого он спустился с крыши, не отыскивали.

Народу было много. Опера и участковые из местного отделения, постовые, начальство, арнаутовские ребята. С мрачным видом отдельно от всех прохаживался генерал Бажанов.

– Прискакал, ястреб, – прокомментировал появление Шилова Арнаутов.

Железный Дровосек и начальник УУРа стояли в стороне и были заняты тем, чем всегда в таких случаях безотлагательно занимается руководство: определяли виновного.

Громов поморщился:

– Ты, Иваныч, на себя лучше злился. Почему вовремя не приехал? Почему пустил операцию на самотек?

Выйдя из «Фольксвагена», Шилов подошел к арнаутовским, поздоровался, что-то спросил.

Перестав наблюдать за ним, Железный Дровосек скользнул взглядом по Громову и отвернулся. Пробурчал:

– Плохо себя чувствовал.

Он не соврал, с утра действительно подскочило давление. Кроме того, не ожидал, что Шахид так рано появится. Когда получил сообщение, что водитель забрал Шахида из дома и они едут к киллеру, полетел на Торжковскую. Но все бездарно закончилось до его появления. Когда Николай Иваныч приехал на место, собровцы и Молчун метались по улице, безуспешно пытаясь отыскать растворившегося Спеца, а Паша и Лютый кололи водителя Юру. Тот был бы рад сказать все, о чем спрашивали – да не знал почти ничего. Ни имени киллера, ни того, где его можно теперь отловить. Правда, про вчерашнее убийство рассказал со всеми подробностями. И то хорошо...

– Плохо чувствовал? – Громов прищурился. – Мне бы мог позвонить, я бы приехал. Молчишь? Чего тихарился?

– Хотел проверить сначала.

– Боялся, что я Шилова подтяну? Правильно боялся! Может быть, без трупа бы обошлось.

Арнаутов вздрогнул и невольно посмотрел на газон, где лежал вынесенный из машины мертвый Шахид.

– Как вы меня достали своими разборками, – Громов вздохнул. – Может, тебе на отдых пора, Николай Иванович?

Арнаутов только дернул плечами и ничего не сказал.

– Шилов, иди сюда! – позвал Громов.

Роман подошел, протянул Арнаутову руку. Стиснув зубы, Николай Иванович пожал ее.

– Материалы и задержанного передайте Шилову, – объявил Железному Дровосеку свое решение Громов. – Вам вот после такого не до этого будет. Ясно?

– Ясно...

– Если ясно – выполняйте. И не откладывая.

– Юрий Сергеевич, – вмешался Роман, – я думаю, это не совсем правильно.

– Что еще? – Громов поморщился, как от зубной боли.

– Сотрудники УБОПа лучше владеют информацией по группировке Шахида, они задержали охранника, а у нас – объективка по убийству директора порта. Я думаю, надо создавать совместную группу.

– Дипломат, да?

– Да нет, я просто сторонник здравого смысла.

Неожиданно легко Громов сдался. Махнув рукой, сказал:

– Делайте, как хотите, – и пошел к генералу Бажанову, который, встав метрах в трех, прислушивался к разговору, но ближе почему-то не подходил.

Арнаутов неприязненно посмотрел на Романа:

– Мне твои подачки не нужны.

– Иванович, я о деле думаю.

– А я о своей заднице. – С непонятым выражением лица смерив Шилова взглядом, Арнаутов ушел.

– Я тебя тоже очень люблю, – вздохнул Роман, глядя в его широкую спину.

Громов с Бажановым сели в служебный «БМВ» и уехали.

И почти сразу же появился Джексон.

Под арку со стороны набережной вкатилось такси, из окна которого, размахивая бутылкой пива, высовывался Джексон. Постовой сержант кинулся наперерез, остановил желтую «Волгу», указал водителю на необозначенную линию оцепления, пересекать которую нельзя. Таксист кивнул, Джексон же, косо нахлобучив на голову кепку, выбрался из машины и со словами: «Все нормально, братан!» – попытался обнять сержанта. Сообразив, что перед ним не хулиган, а сотрудник главка, сержант как-то ловко, но не обидно для Джексона ускользнул из объятий и отошел. Забыв про него, Джексон огласил окрестности криком: «Здорово, братва!» и неровной походкой направился к арнаутовским, тесной кучкой стоявшим отдельно от всех.

Шилов выругался. Выпивая, Джексон умел себя контролировать. Но только, когда хотел. А если ему этого не хотелось, он спускал тормоза и улетал с катушек с малой дозы, становясь навязчивым и буйным.

– Как охота? Где злодеи? – Джексон пожал всем руки, а с Пашей Арнаутовым почему-то облобызался и долго хлопал его по спине свободной от пива рукой.

Заметив Шилова, Джексон издевательски (хотя ему самому, наверное, казалось, что это очень прикольно) отдал честь, приложился к бутылке и дурашливой раскачивающейся походкой зашагал к нему. Кепка козырьком набок, расстегнутая куртка, из-под которой торчит пистолет в плечевой кобуре, бутылка в руке... Анархист, блин! Роман пошел навстречу:

– Ты на хрена такой сюда приперся?

– А ч-чо?

– Не видишь, сколько тут руководства?

– Р-рома, я как стекло! Подумаешь, ночью с вояками пару пузырей опрокинули... И сейчас немного поправился.

– Давай, вали отсюда!

– Вот, значит, как? Начальник большой, да? Как ночью на выезды – так нормально. А как что – так вали? Да пошел ты!

Джексон хотел оттолкнуть Шилова. Роман перехватил его руки, и они сцепились. Еще чуть – и получилась бы настоящая драка. Растащили ребята. Джексон вырывался, но его крепко держали Паша, Лютый и Топорков. Успокоившись так же внезапно, как начал буяннить, Джексон позволил отвести себя подальше от Шилова.

Его отпустили. Он выпил пива, бросил пустую бутылку. Прищурившись, оглядел всех:

– Вот, значит, как? Ну и ладно! Ну и хрен с вами! Тоже мне... Где мое такси? Такси! Шеф, два счетчика до дома!

Паша и Топорков, с двух сторон, проводили Джексона до машины. Бывалый водитель смотрел на все это равнодушно. Джексон плюхнулся на заднее сиденье, хлопнул дверью:

– Трогай!

«Волга» уехала. Стоявшие рядом с Романом Молчун и Лютый переглянулись.

– Да, страдает дисциплинка в лучшем отделе главка, – прокомментировал Молчун.

– За собой лучше смотри. – посоветовал Шилов. – Такую тему просрали. Это надо уметь!

Молчун поджал губы, Лютый сказал примирительно:

– Да ладно, чего с пьяного-то взять? С кем не бывает...

Полковник Саблин снова сидел в гостиничном номере и, ожидая Кальяна, работал на ноутбуке.

Кальян вошел, не постучавшись. С порога спросил:

– А горничная где?

– Переведена на другое место службы. Садись, рассказывай.

Саблин сидел у стены, боком к двери. А прямо перед ним, посреди номера, стоял пустой стул. Вряд ли он случайно там оказался. Видать, полковник, готовясь к серьезному разговору, выстроил мизансцену. Не хватает только лампы в лицо.

Усмехнувшись, Кальян переставил стул спинкой вперед, сел верхом и облокотился на спинку:

– О чем желаете узнать?

– О начальнике порта. И о безвременной кончине твоего друга Алексея Шеховцова.

– Портовик не моя работа. У меня там и интересов-то никаких нет. – Кальян сопроводил ответ очень убедительной мимикой. – Шахид своим умом жил. Это его Буба Мурманский подписал, по танкерной теме. Не верите? Проверяйте. Мне по барабану.

– Тебе, может, и по барабану. А УБОПу – нет. Они сейчас на тебя серьезно выставятся.

– Ну вы же не дадите меня несправедливо обидеть?

Теперь пришла очередь Саблина многозначительно усмехаться. А выдержав паузу, он вкрадчиво спросил:

– Транспорт где?

– Едет. – Кальян церемонно поднял руки ладонями вверх. – Под неусыпным контролем Аллаха.

После Саблина Кальян отправился в ресторан в центре города, где у него была назначена встреча с двумя криминальными авторитетами значительно более высокого, чем его собственный, уровня. Они были уголовниками старой закалки и к своему нынешнему положению шли долгие годы, набирая опыт и силу в тюрьмах и зонах. Добившись желаемого, они держались в тени, посмеиваясь над молодежью, которая в открытую плевала на закон и шиковала, а через пару лет

такой вольной жизни сгорала, не оставив после себя ни имени, ни дел, о которых можно было бы вспомнить.

К слову сказать, в свое время, когда пресловутые «сферы влияния» перекраивались кроваво и часто, они сами помогли сгореть многим таким молодым. И ничего плохого в этом не видели. Нарушение воровских законов или бандитских понятий называется нарушением только тогда, когда явно всплывает наружу и за это предъявлено. А коль ничего конкретного не всплыло и предъявы не выставлено, то где оно, нарушение? Кто-то что-то подозревает? Так его самого можно подозревать в чем угодно. Пусть менты мучаются подозрениями, а у серьезных людей есть другие заботы...

Встреча была назначена на четыре, он приехал двадцатью минутами раньше и, выбрав столик, сделал заказ. Когда Василий и Реваз вошли в зал, на столе уже все стояло. Охрана расселась около входа, Кальян встал и поздоровался с гостями, многократно и преувеличенно сердечно обнявшись.

Сели за стол. Кальян налил водку. Поминая Шахида, тихо сказал:
– Да пребудет с ним Всевышний!

Авторитеты согласно кивнули и, подождав, когда Кальян выпьет, выпили тоже.

Василий заговорил первым:

– Мы слышали про обстоятельства Лешиной смерти. Уехать бы тебе надо, Федя.

– Мне бояться нечего. Не моя тема. О покойниках плохо не говорят, но Шахидушка у меня совета не спрашивал, когда в блудняк влез.

– Понимаем, но для всех он твой человек был, – Реваз говорил с ярко выраженным кавказским акцентом.

– Друг он мой был. Просто друг! Уже полгода, как на собственные хлеба попросился. Знал бы – не отпустил. Это его «мурманские» в тему подписали. И сдали, я думаю, тоже они.

– Да, у «мурманских» были проблемы по порту, – подтвердил Василий. – Хочешь спросить с них?

– Если есть за что – спрошу. А вот мента, который ему мозги вышиб, я точно достану. Он теперь кровник мой.

Авторитеты многозначительно переглянулись. Реваз медленно заговорил:

– У тебя, Федя, характер кипит. С милицией воевать – дело глупое.

– За друга отомстить дело глупое? – Кальян врезал кулаком по столу так, что подскочили тарелки. – Да они нас так всех перестреляют! Нет, я научу их бояться. Джихад! Только джихад!

Авторитеты снова посмотрели друг на друга.

Кальян налил водки всем, но выпил, не дожидаясь поддержки, один. Тяжело покачав головой, встал:

– Простите, друзья. Тяжело мне. Вы кушайте, за все уплачено. А я пойду похоронами заниматься.

Попрощались так же картинно, как и здоровались.

Когда Кальян ушел, авторитеты, быстро обсудив ситуацию, пришли к выводу, что об объявленном Кальяном джихаде нужно уведомить заинтересованных лиц. То есть арнаутровский отдел. Во-первых, начав свою войну, Кальян может подставить под ответный удар ментов их собственные коммерческие проекты. Во-вторых, своей безбашенностью он подает очень нехороший пример молодняку, желающему получить все и сразу и ставящему «оружейное право» выше всяких понятий. В-третьих, если вслед за Шахидом Кальян тоже сойдет с дистанции, их наследство можно будет очень выгодно поделить.

Реваз и Василий считали Кальяна человеком отчаянным, везучим и по-своему надежным, но прямолинейным и недалеким.

Василий, посмеиваясь, так и выразился:

– Про «мурманских» он нам какую-то лажу задвинул. Думает, никто не догадывается, что это он на портовика заказ принял и сам же Шахида выполнить подписал. Сапог тупой!

И оба авторитета очень сильно бы удивились, случись им видеть, как, выходя из ресторана, Кальян ухмыляется и говорит про них:

– Вперед, мои друзья-стукачки! Родина ждет...

Когда Шилов заглянул в кабинет к Громову, тот разговаривал по телефону. Голос у него звучал устало:

– Маша, я не знаю, смогу ли я на этой неделе. Да, я помню... Помню, что обещал. Да, мы пять лет уже никуда не ездили. Но я не знаю, получится, или нет...

Роман хотел уйти, но Громов жестом предложил остаться, и Шилов присел к столу для совещаний.

– Ко мне пришли. Все, пока. – Громов положил трубку, потер виски.

– Жена? – спросил Шилов.

– Да, все то же самое. Что у тебя?

– Я Сапожникова определил в группу. Завтра еще кого-нибудь подберу.

– Что с задержанным?

– Допрашивают в прокуратуре.

– Киллера он так и не сдал?

– Похоже, на самом деле не знает, что это за альпинист и как на него выйти. Клянется, что связь с ним поддерживал лично Шахид. Кликуха у этого киллера – Спец.

– Спец?

– Ага.

– Обыск дома у Шахида закончили?

– Закончили. Пусто, как и следовало ожидать.

– Тема все равно перспективная. Надо ее дальше раскручивать.

– Лишь бы не мешали работать. Где, кстати, этот Бажанов?

– У начальника главка. Как с Торжковской приехали, так он с ним и заперся.

– Культурную программу не требует?

– Второй день про баню и девочек намекает, – Громов брезгливо поморщился. – Ты же знаешь, как я к этому отношусь. Устал уже морду кирпичом делать... У тебя все?

– Надо бы с военной прокуратурой вопрос решить. Ребят в часть не пускают.

– Хорошо, я решу, – Громов сделал пометку на перекидном календаре.

Шилов встал, направился к двери. На полдороге остановился, как будто только что вспомнил:

– Вы бы позвонили Коровину. Помните, был такой зам «полиции нравов»? Он бы вам такую баню устроил – дня на три бы вас разгрузил.

– Коровин? А кем он сейчас?

– Директор массажного центра «Аэлита». Не видели рекламу по телевизору?

– Я телевизор-то забыл, когда последний раз видел. А уж рекламу тем более не смотрю.

– Он как-то заезжал, целую пачку визиток оставил. – Шилов порылся в бумажнике, нашел нужную карточку, отдал Громову.

Громов, рассматривая ее, усмехнулся: – Да, растут люди! Может, правда, стоит позвонить...

Центр «Аэлита» занимал двухэтажный, обнесенный кирпичной стеной особняк на Крестовском острове, с видом на Среднюю Невку и ЦПКиО. Место стоило бешеных денег. В строительство вложились люди серьезные, и строили они в первую очередь для себя. Для оздоровительного отдыха здесь было предусмотрено все возможное, а клиентов с улицы впускали крайне осторожно. Пару раз, после крупных выигрышей на бильярде, Шилов здесь отдыхал, и только по личному распоряжению Коровина для него оказывалось зарезервировано место, иначе бы охрана не пропустила. Однажды они были здесь вместе с Сергеем Соловьевым...

Генералу Бажанову должно понравиться. Тем более что платить ни за что не придется, а все услуги ему предоставят по высшему классу.

Шлагбаум был поднят, и Шилов проехал на территорию. Перед крыльцом была размеченная парковка, на которой стояло несколько дорогих иномарок, но Шилов подъехал к служебному входу в боковой части здания. Охранник был предупрежден и, распахнув тяжелую дверь, без вопросов пропустил внутрь.

Бывший заместитель начальника Отдела по борьбе с правонарушениями в сфере общественной нравственности и оказания услуг населению – так официально именовалась «полиция нравов» –

Коровин телосложением напоминал большого колобка. Под статьюловищу была и голова – такая же большая, круглая, с многочисленными складками на лице. Из общей картины выбивались лишь уши: многократно изломанные на борцовском ковре, они подсказывали наблюдательному человеку, что Коровин когда-то был молодым и спортивным.

Когда Шилов пришел, директор «Аэлиты» плавал в бассейне. Завидев Романа, он заулыбался и погреб к бортику. На хромированной лесенке висел его халат, и когда Коровин, отфыркиваясь и поправляя безразмерные плавки, выбрался из воды, Шилов заботливо накинул халат ему на плечи.

– Вот ты, Володя, купаешься в рабочее время, а я ищу клиентов для твоего заведения.

– Так это, значит, твои происки? Хороша забота! За бесплатно отдаю люкс на всю ночь.

– Зато какой уровень: может, будущего министра ублажаешь.

– Чего? Правда, что ли?

– Ну, во всяком случае, так говорят.

– Тогда с меня поляна.

– Заметано. Хотя я и так с просьбой.

Коровин слегка насторожился:

– Бензин? Бумага для ксерокса?

– Нет, Вова, все проще. Вику выпишешь?

– Тигренка, что ли? Без вопросов, а зачем?

– Хорошая девушка, нравится она мне. Вдруг генералу приглянется – на постоянку перейдет?

Коровин ухмыльнулся:

– Филантроп! Я думал, ты сам ее пашешь.

– Да нет, что ты! Вова, я давно скис на руководящей работе. Только и остается, что ловить кайф от добрых дел.

– Ладно, договорились... Не желаешь окунуться или в баньке попариться?

– Времени нет.

– У тебя его никогда нет. Все бежишь куда-то, ловишь кого-то. Я уже и забыл, когда ты ко мне последний раз отдохнуть заезжал, а не по работе. Посидели бы по-человечески, поболтали. Здоровье нельзя запускать!

– Спасибо, Вов, за заботу. В другой раз – обязательно. А сейчас ты уж меня прости...

Из «Аэлиты» Роман проехал к салону сотовой связи и у крутившегося возле него молодого человека с неприятным лицом купил мобильник с бэушной СИМ-картой. Когда садился в машину, позвонил Скрябин:

– Мальвина – это не имя, это фамилия. Мальвина, ударение на первый слог. Татьяна Викторовна Мальвина, адрес есть. Еду пробивать тему.

– Не лезь на рожон, вдруг он там.

– Одна она сейчас, они давно расстались. Я с ее подругой перетер. И о встрече уже договорился.

– Женская душа – потемки. Мало ли, что давно разбежались. Может, она до сих пор к нему неровно дышит. Непонятно ж, почему она этого урода выбрала...

– Он сказал, что пиротехником на «Ленфильме» работает. Там глаз и потерял.

Татьяна Мальвина была красивой темноволосой женщиной в возрасте к сорока. Многолетняя работа в сфере обслуживания наложила свой отпечаток на внешность и манеру держаться, однако в целом это не портило общего благоприятного впечатления. В квартире у нее было как будто уютно, но аура одиноких вечеров и безнадежных случайных знакомств, которую Стас почувствовал сразу, как только вошел, навевала тоску.

Разговаривали на кухне. Мальвина усадила Стаса за стол, предложила чаю с печеньем и бутербродами. Сама чай не пила и не садилась. Так весь разговор и простояла, прислонившись к стене напротив стола и скрестив на груди руки.

Говорила она, на взгляд Скрябина, искренне. Вот только не знала почти ничего.

– Все-таки вы ошибаетесь. Ну какой из него брачный аферист? Те, наверное, ласковые, охмуряют. А в Толе один огонь был.

– Что же вас в нем привлекло?

– Это и привлекло. Вроде неказистый, без глаза, руки все покоцанные. А вот исходит от него что-то такое!

– Вы знаете, Таня, я думаю, что вы ему тоже чисто человечески приглянулись, поэтому он у вас и не украл ничего.

Мальвина улыбнулась, вспомнив, очевидно, какие-то моменты из давно отошедших в историю отношений:

– Да, я ему нравилась.

– А почему вы расстались? Если не секрет, конечно.

– Время пришло. Он тогда на съемки уезжал куда-то и честно сказал, что самое время расстаться.

– Ага...

– Он на одном месте ржавеет.

– А вы?

– Что я? Поплакала. Но такого не удержать, характер...

– А что-нибудь, кроме характера? Ну, зовут Толя, глаза одного нет, руки покоцанные. И все? Может, он телефончик какой-нибудь оставлял? Или рассказывал что о себе?

– Он не большой любитель болтать. А меня жизнь приучила не лезть с расспросами, когда не хотят.

– Может, вы с ним ходили куда-нибудь?

– Куда? Ресторан мне на работе осточертел, а театры не по его части. Да, он играть любил.

– Играть?

– В автоматы. Ну, там «джек-пот» и все такое. Он так расслаблялся.

– Где именно он играл?

– Да мало ли этих «одноруких бандитов». На Гороховой, например. Он меня как-то встретил после работы. Мне прогуляться хотелось. Пошли пешком по Гороховой, Толя и говорит: «Хочешь сыграть? У меня здесь одноклассник работает администратором».

– А что это за автоматы? Вы запомнили дом?

– Да что вы! Больше года прошло, а я и тогда не особо приглядывалась, мне такие развлечения не интересны.

– Что же, и на том спасибо. Я вам оставлю свой телефончик, мало ли, вдруг он проявится. Так вы, пожалуйста, позвоните. Не хочу пугать, но ваш Толя – действительно опасный человек.

– Мне он ничего плохого не сделал. Но, раз надо, я позвоню. Только он не проявится, зря не ждите...

Мальвина проводила Скрябина до двери.

Стас чувствовал, что если он захочет остаться, она будет только рада. Даже если он сейчас останется, а потом никогда больше не придет. Грустно все это...

– Будьте осторожны, – сказал он на пороге. – Вы человек хороший, но слишком доверчивый.

– Одинокой женщине нужно во что-то верить. Уж вы-то должны понимать. Сами один...

– Ну, почему один? – пожал плечами Стас.

– А то не видно...

Скрябин пробормотал что-то невразумительное, и начал спускаться по лестнице.

В то время как Стас завершил свой визит, Шилов только зашел в квартиру Тигренка.

Она провела его в комнату:

– Выпить хочешь?

– Налей чего-нибудь.

Работал видеоманитофон, крутя «Секреты Лос-Анджелеса». Шел самый финал: Ким Бэйсинджер уезжала с израненным Расселом Кроу. Тигренок, вздохнув, убавила звук.

Комната поражала огромной кроватью с белоснежным шелковым балдахином и обилием мягких игрушек, размещавшихся везде, где только можно пристроить: на самой кровати, на крышке комода, на подоконнике, на столе.

Как и Мальвина, Вика-Тигренок жила одна. Она была вдвое моложе, и в ее жизни было больше ярких красок и ощущений. Но в будущее она тоже смотрела без особого оптимизма, хотя все еще и надеялась, что встретит своего принца: приобретенный цинизм так и не сумел окончательно победить врожденного романтизма.

Вице-мисс Бурятии две тысячи первого года, она приехала в Питер заключать контракт с крупным модельным агентством. Там, в Забайкалье, ей говорили, что все согласовано и что в большом городе ждут не дождутся юной красавицы, в которой так очаровательно смешались европейская и восточная кровь.

С контрактом не получилось, – как выяснилось, разных «мисс», желающих пробиться на подиум, много больше, чем этот подиум может вместить. Зато получилось с бандитами. Не успела Виктория прийти в себя после отказа в агентстве, как оказалась в подвале загородного особняка, из которого, после соответствующей психологической и физической обработки, должна была отправиться в далекую мусульманскую страну, чтобы пополнить местный бордель для отдыхающих иностранцев.

Шилов вмешался в эту тему случайно. Занимался убийством одного коммерсанта, давно перебравшегося в Эмираты и расстрелянного по окончании деловых переговоров, ради которых на

два дня приехал на родину, и вышел на поставщиков живого товара. Большую помощь оказал Володя Коровин, тогда еще служивший в полиции нравов. Если б не его информаторы, то просчитать адрес дома, в котором готовили к заграничному вояжу сразу нескольких несостоявшихся супермоделей, Шилов бы вряд ли сумел.

Пленниц освободили, бандитов упрятали за решетку. Расстрел коммерсанта так и повис «глухарем», хотя всем было ясно, кто и за что его заказал. Коровин уволился и возглавил центр «Аэлита», Вика же стала высокооплачиваемой жрицей любви. Родителям она писала, что работает в шоу-бизнесе, и дважды в год, накупив богатых подарков, ездила их навестить. Они гордились, что старшая дочка выбилась в люди, и планировали направить к ней в Питер младшую, когда та подрастет. Младшая обещала стать такой же красавицей. Ждать оставалось лет пять, и в глубине души Вика надеялась, что за пять лет сумеет изменить свою жизнь настолько, чтобы действительно помочь любимой сестренке добиться успеха.

...Вика подала Роману бутылку кальвадоса и стаканчик, села на кровать, взяла большого мягкого тигра – подарок Шилова ко Дню рождения.

– Как дела?

– Нормально, – Вика улыбнулась одновременно застенчиво и порочно. – Работы много.

– Прости, не принес ничего для твоей коллекции.

– Ничего, ты мне уже подарил лучшего друга, – Вика погладила тигра по спинке. – Поболтать пришел?

– Нет, по делу. Помощь твоя нужна. Поможешь?

– Для тебя все что угодно.

– Сегодня вечером Коровин вызовет тебя в сауну. Там будет несколько ментов, один из них – генерал. Его зовут Сергей Борисович. Козел еще тот, но я хочу, чтобы ты ему очень понравилась. Нужно незаметно подобраться к его одежде. Там у него будет несколько мобильных. Один – официальный. – Шилов описал, как выглядит аппарат, который он видел у генерала Бажанова. – Он меня не интересуется. А вот номера остальных надо попытаться узнать. Ты ведь в основных моделях «мобил» разбираешься? Не думаю, что у генерала будет что-то очень редкое или чересчур навороченное. Попробуй включить определитель и позвонить вот на этот телефон, – Шилов

отдал Вике бумажку с номером трубки, которую недавно купил. – А в некоторых моделях можно собственный номер на дисплей вывести. Если сумеешь, то не звони.

– Я умею, – Вика улыбнулась. – Ты не представляешь, сколько клиентов мне читали лекции про свои мобильные телефоны.

– Отлично. Если все-таки придется звонить, то долго не держи, два гудка и отбой. И звончек сотри, чтобы следов не осталось.

– А если телефоны у него будут выключены?

– Значит, нам не повезло. Такое запросто может случиться. И вообще, не рискуй понапрасну. Не будет нормальной возможности посмотреть – даже не пробуй. Потом придумаем еще что-нибудь. Было бы идеально, если бы он захотел продолжить знакомство.

– Захочет, обещаю.

Шилов отвел глаза, кивнул:

– Верю.

– Сам проверить не хочешь?

Роман выпил кальвадоса, встал, прошел к журнальному столику и поставил на него стаканчик с бутылкой. Посмотрел на экран телевизора: «Секреты» закончились, шли финальные титры. Не оборачиваясь, спросил:

– Ты домой уехать не хочешь?

– Родители только расстроятся, если приеду. Они так в меня верят. И что я там буду делать? То же самое, что и здесь, только за копейки? Или в китайском ларьке барахлом торговать, и чтобы хозяин меня... бесплатно? Сейчас у меня хоть получается на будущее что-то скопить.

– Ну как знаешь. Позвони, когда с генералом расстанешься. Пока!

Уже вечером, то есть почти через сутки после гибели Витька, Ремезов вышел на берег Ладоги.

Шумел ветер, холодные волны накатывались на берег. Где-то впереди, невидимый Ремезову, был Валаам. И как до него добраться? Даже если получится угнать лодку, он не сумеет взять правильный курс. Это не по Вуоксе вдоль берега плавать, как они делали в детстве.

Ремезов увидел среди деревьев палатку. Понаблюдав, убедился, что она пуста. Хозяин рыбачил: в километре от берега можно было различить качающуюся на волнах лодку с фигурой мужчины. Фанат рыбалки или на жизнь зарабатывает? Похоже, второе: в палатке не оказалось ничего, кроме канистры с питьевой водой, старого одеяла и рваного дождевика. Закутавшись в дождевик, Сашка пошел вдоль берега.

Костер увидел издалека. Несколько минут наблюдал. У костра сидели три немолодых мужика, варили уху в большом котле. Разговаривали про погоду, про улов, про расчеты с оптовиками, которым отдают рыбу. Пришибленное ветром пламя вскидывалось, когда ветер стихал, и высвечивало несколько вытащенных на берег лодок и какие-то приземистые строения. В одном из них поблескивали стекла: значит, не ангар, а что-то жилое.

В кармане дождевика очень кстати оказался большой полиэтиленовый мешок. Сашка запаковал в него автомат, нашел сухое место под деревом, положил, замаскировал мхом. И не таясь пошел к мужикам.

Издалека заметив его, они замолчали.

– Запах-то какой! – Сказал Сашка с миролюбивой улыбкой.

– Купить хочешь? – Спросил бородач, который занимался непосредственно варкой ухи.

– Рад бы, да не на что. Отстал от своих, заблудился.

– Больше на бомжа похож, – прищурился второй рыбак, выглядевший в их компании главным.

– Прапорщик я. Взял неделю отпуска порыбачить, и вот попал. Если честно, то жрать хочется так, что кишки сводит.

– Ухи не жалко... – Главный посмотрел на повара: – Семеныч, как там дела?

– Да почти готово.

Главный поднялся, тронул Ремезова за плечо:

– Пойдем, поможешь катер поднять. А то после еды лениво будет.

Помогая затапливать катер на берег, Сашка спросил главного:

– Чего весла сушите? Шторм, что ли, будет?

– Движок барахлит. С утра попробуем починить.

– Повезло вам. Я ж любой мотор могу с закрытыми глазами...

– Главное, чтобы потом собрал. Уху отработать хочешь?

– Да я так помогу. Вот если вы меня потом в сторону Валаама подкинете... Мои туда ушли.

– Поживем – увидим. – Главный пристально посмотрел Сашке в глаза.

От костра долетел крик Семеныча:

– Але, гараж! Водка стынет, уха испаряется!

В точке встречи на лесной опушке майор с очень подходящей для него фамилией Гасилов докладывал Полковнику о результатах:

– Мы сделали все, что могли.

– Вечное оправдание неудачников.

– Ребята очень устали.

– Их кормили три раза в день. И спать давали. А Ремезов один, без еды и помощи.

– Он разведчик, у него два боевых ордена, – напомнил Гасилов с какой-то неприятной Полковнику гордостью.

Полковник поморщился:

– А у тебя кто? Девочки с Невского?

– Я уверен, что он не ушел из района. Он залег и пережидает.

– Так, что отработано? – Полковник развернул на планшетке крупномасштабную карту.

Майор включил фонарик, чтобы осветить ее:

– Вот этот район полностью. И вот этот... Засады на дорогах вот здесь, здесь и здесь. Засады на станциях...

– Значит, так: войсковую операцию прекратить, пусть шум утихнет.

– Есть!

– Засады оставить. Завтра отобрать бойцов посвежее, переодеть в гражданское, сформировать поисковые группы по три человека. Маскироваться под грибников, рыбаков, туристов. Работать по поселкам и деревням. Он должен искать помощи у штатских. Утром жду от вас предложений по маршрутам.

– Я бы расширил район поисков. Если он выйдет к Ладоге и угонит катер – обойдет он все наши засады.

– Значит, пускайте патрули вдоль побережья. И активнее задействуйте вертолеты.

Юля проснулась раньше Романа. Очень рано проснулась. Еще было темно и не ходили трамваи.

Роман лежал на спине, отодвинувшись от нее к краю кровати. В лунном свете выделялся его четкий остроносый профиль и слышалось размеренное дыхание. Юля горько усмехнулась: он не спит и не отдыхает, он готовится к новому рабочему дню. Ведь для него этого главное...

Юля вспомнила позавчерашнюю встречу с Наташей. Подруга, которой Шилов всегда не очень-то нравился, была настроена очень решительно:

– Ты уже с ним год живешь. И что, счастлива?

– С Вадимом я прожила дольше, – с неясной логикой ответила Юля.

– Он, между прочим, до сих пор один.

– Сочувствую. Но ничем помочь не могу.

– Он теперь в банке работает.

– В консервной?

– Не остри. Начальник какого-то там отдела. За границу часто мотается в командировки, «Кэмри» (Легковой автомобиль бизнес-класса производимый фирмой «Тойота»). новенькую купил. Темно-синюю.

– Как ты о нем, оказывается, много знаешь. Он тебе присылает декларацию о доходах?

– Он мне иногда звонит.

– Так не теряйся, пользуйся моментом. Такой завидный жених пропадает.

– Прекрати, – Наташка недовольно поморщилась. – Ты же знаешь, я подругам дорогу не перехожу.

Юля знала обратное: с Натальей случалось, что она уводила чужих кавалеров. Правда, ничем серьезным это ни разу не завершилось, отношения заканчивались так же быстро, как и начинались, и Наталья, оставшаяся в одиночестве, но с дорогими подарками, начинала новую охоту. Что удивительно, никто из

подружек ни разу не попытался ей за это выцарапать глаза. Более того, они хоть и держали теперь своих ухажеров от Наташки подальше, но сами могли с ней встречаться и даже секретничали, строя планы на будущее.

Юля подумала, что скорее всего Наталья с Вадимом переспала. Они всегда друг другу симпатизировали. Правда, когда Вадим прогорел в своем бизнесе и начал сильно закладывать (Наталья была единственной из подруг Юли, которая узнала об этом задолго до, а не после развода), она к нему охладела. Но если он действительно взялся за ум и нашел хорошее место, она могла проявить к нему благосклонность. На длительную перспективу он не годился – Наталья считала, что человек, однажды сорвавшийся, непременно оступится снова, но чтобы развеяться и извлечь малую выгоду, Вадим вполне подходил.

А может, ничего между ними и не было. Может, все это кажется.

Главное-то не в этом. Главное, что Юля чувствовала какую-то неуместную ревность. Ревновать человека, от которого сама ушла год назад, хлопнув дверью, и о котором еще не так давно не хотела и думать...

– Между прочим, помнишь, как твой Шилов забирал твои вещи?

– Ну и что?

– Он ведь тогда Вадима ударил. Так вот, к нему приходили, требовали написать заявление.

– Кто приходил? К кому?

– Милиция приходила. К Вадиму.

– Милиция приходила? Ей что, больше нечем было заняться?

– Это уж ты у своего Шилова поинтересуйся, чем они там занимаются. А я говорю то, что знаю. Вечером Шилов увез чемоданы, а наутро к Вадиму приехали какие-то двое и начали говорить, что раз его ударили и вынесли вещи, то он должен написать заявление. У них, мол, идет борьба с оборотнями в погонах, и любой проступок сотрудника должен быть сурово наказан. А тут не проступок, а целое уголовное преступление. Грабеж, кажется, называется.

– Глупость какая-то. Роман ведь мои вещи забрал, не чужие. Ну, подрались два мужика – и чего?

– Не знаю. Спроси у Романа. Но я так понимаю: за ним ведь следили тогда, ты сама говорила, правильно? Наверное, видели, как он

чемоданы выносит. И хотели на него дело повесить.

– Что ж тогда не повесили?

– Вадим отказался писать.

– Испугался, наверное.

– Чего ему было бояться, если они к нему сами приехали и даже бумагу с собой привезли?

– Может, подумал, что это Роман его проверяет? – высказала Юля предположение и, сама того не зная, правильно угадала: уэсбэшников, которые приехали по наущению Арнаутова, Вадим действительно принял за людей Шилова и испугался их визита едва ли не больше, чем случившейся накануне стычки с Романом.

– Ничего он такого не думал, – защитила Вадима Наталья. – Просто он значительно лучше, чем ты привыкла про него думать.

– Ну да, мне ли не знать...

Они разговаривали в людном кафе. Многие мужчины пытались оказать им знаки внимания, и Наталья мимоходом флиртowała, чем поначалу сильно раздражала Юлю. Но когда стало окончательно ясно, что Роман опять застрял на своей дебильной работе (а может быть, и не там?), и что ни в какие «... кино, театр... значит, на мой вкус...» они не пойдут, и что он даже не удосужился позвонить, чтобы предупредить об изменении планов... Да еще плюс вино, которого они с Натальей незаметно выпили по целой бутылке... Да плюс эта дурацкая ревность... В общем, к концу вечера Юля тоже стала отвечать на знаки внимания.

За свой стол они никого не пустили, и сами не стали пересаживаться к кавалерам, но танцевать ходили регулярно. Кавалеров звали Антон и Андрей, и были они бизнесменами, что-то по части торговли металлом. Пьяный Антоша жаловался, что бизнес у них очень опасный, и что жить приходится одним днем, потому как в любой момент можно ждать выстрела киллера. Наташа цинично подначивала его, но Антон от этого только млел и лез целовать ручки. В конце концов Наташа уехала с ним – и, как потом выяснилось, оставалась у него до утра.

У Андрея оказалась «Кэмри» – правда, не синяя, как у бывшего мужа, а серебристая. Прямо свет клином сошелся на этих «тойотах». Машина была с водителем, который сосредоточенно крутил руль, пока хозяин на заднем сиденье пытался залезть к Юле под плащ. Они

довезли Юлю до дома. Андрей не отпускал, пока она не продиктовала ему номер «трубки», а потом потащился проводить до двери, и в лифте начал приставать так активно, что пришлось всерьез дать ему по рукам. С замирающим сердцем Юля думала: сейчас Шилов как выйдет, как даст им всем.

Шилов не вышел. Он в это время был в квартире убитого портовика, а потом отправился в аэропорт встречать Скрябина.

Спровадив пристающего бизнесмена, Юля упала на кровать и разревелась. Когда Шилов пришел – было что-то около четырех утра, – притворилась, что спит. Утром он, спеша на работу, сказал:

– Я вчера задержался. Ты ходила куда-то?

– С Наташкой посидели в кафе.

– Ну и как она? Передавай привет.

Юле хотелось, чтобы Шилов начал расспрашивать, как прошел вечер, о чем они разговаривали... Чтобы он, в конце концов, докопался до истории с этим дурацким торговцем металлом Андреем и устроил ей хорошую выволочку за легкомысленное поведение. Но он дежурно поцеловал в щеку и убежал.

Днем проявился Андрей. Сперва позвонил – Юля, изменив голос, ответила: «Ошиблись номером». Потом притащился с букетом роз – она не открыла, затаившись в квартире, как мышка. В окно видела, что когда он вышел из подъезда, цветов уже не было. В мусоропровод бросил, наверное. Вышел и укатил на своем «Кэмри» с водителем. Юля надеялась, что больше он не объявится.

Потом позвонила Наташка. Сонным голосом сообщила, что Антон оказался так себе во всех отношениях и она с ним больше не будет встречаться. Юля облегченно вздохнула: это дурацкое приключение можно считать благополучно закончившимся, забыть и впредь быть осмотрительнее.

Хотя – за что себя грызть? По большому счету, ничего предосудительного она не совершила.

– Я чего еще хочу-то, – продолжала Наташка. – Мне тут Вадим звонил только что. Спрашивал, как твои дела.

– Очень приятно.

– У него «трубка» новая, запиши номер.

– Зачем он мне нужен? Понадобится – найду по-домашнему. Он ведь не переехал?

– Не переехал, но собирается. Ему в банке ссуду дают на большую квартиру. А эту он хочет сдавать.

– Рада за него. А телефон мне не нужен.

– Ладно, если что, у меня спросишь...

...Шилов лежал на спине, далеко отодвинувшись к краю кровати. Готовится к новому рабочему дню!

Юля мысленно выругалась. А хотелось заплакать.

До восьми провалявшись без сна, она встала и пошла принять душ. Когда закончила, Роман уже поднялся. Выглядел он бодрым и... Нет, не отдохнувшим – подготовленным.

– Смена караула! – жизнерадостно объявил он, закрываясь в ванной.

Юля отправилась готовить завтрак. За этим занятием ее и застал звонок шиловского телефона. Она подошла, посмотрела: номер не определился. Роман говорил, чтобы она не отвечала на вызовы по мобильному. Дескать, на трубу звонят только по делу и отвечать должен он сам.

Он так говорил. Он много чего говорил!

Она взяла и ответила.

Сказала:

– Слушаю!

И услышала приятный женский голос:

– Извините, пожалуйста, а Роман Георгиевич...

Держа трубку так, как будто она была испачкана нечистотами,

Юля зашла в ванную:

– Это твоя секретарша. Хочет напомнить о совещании.

– Что?

Юля бросила трубку на полочку и хлопнула дверью.

Пожав плечами, Роман взял телефон:

– Да.

Звонила Тигренок:

– Он меня только что отпустил. Ничего не получилось, второй мобильник у него выключен.

– Жаль, но ничего страшного.

– Но я ему сумела понравиться. Он отпустил меня отоспаться и обещал вечером позвонить.

– Это результат вашего либерализма! – гремел басом Арнаутов. – Бандитов давить надо, а не цацкаться с ними. Джихад! Я ему самому такой устрою джихад!.. Я ему офис в щепки разнесу...

– ...А потом его адвокаты разнесут нас, – спокойно закончил Громов. – А вам, Николай Иванович, добавит начальство. И если с вашим сотрудником что-то случится, виноваты все равно будете вы.

Разговор происходил в кабинете начальника УУР. Позвав Шилова и Арнаутова, Громов озвучил информацию об объявленном Кальяном джихаде, поступившую от одного из информаторов УБЭП.

– Что теперь? Утереться?

– Думать. Прежде всего думать.

– Надо поднять все, что есть на Кальяна, – вставил Шилов.

– До хрена чего есть, – махнул рукой Арнаутов. – Только для прокуратуры это, видите ли, не доказательство. А как на опера дело заводить – это пожалуйста.

– Помнится, в прошлом году дело было по похищению этого, как его... грузина?

– Кочешвили, – мрачно подсказал Шилову Арнаутов. – Свидетели исчезли, и Кожурина приостановила. Даже на двое суток Кальяна не тормознула. Вот и все дело.

– Кстати, у Кожуриной сегодня день рождения. Насколько я в курсе, она утром прилетела и собирается отмечать. Вы не хотите к ней заехать?

– Зачем это? – с подозрением посмотрел на Шилова Арнаутов.

– Поздравите с праздником. А заодно спросите, возьмется ли она за Кальяна, если мы свидетелей найдем.

– Все это долго. Свидетели, дело... А реагировать нужно немедленно!

Прозвонил городской телефон. Громов ответил:

– Да, здравствуйте... Да, конечно. Будет. Во сколько? – Положив трубку, посмотрел на Арнаутова: – Лютого твоего на допрос вызывают. Сегодня к пятнадцати. Дело дали как раз Кожуриной.

– Твою мать!.. – Арнаутов стукнул кулаком по столу.

Стоявшая перед Громовым масштабная модель танка подпрыгнула. Громов поправил ее.

– Что тебе не нравится? Твой сотрудник человека убил. Причем в затылок. Скажи спасибо, что его на подписке оставили и без повестки пока приглашают.

– Спасибо большое! Разрешите идти?

– Иди, Николай Иванович, иди. Продумай там с ним все грамотно.

– Есть...

Когда остались вдвоем, Громов покачал головой и чуть ли не впервые назвал Арнаутова по прозвищу:

– Как бы этот Дровосек дров не наломал.

– На то он и Железный, – вздохнул Шилов.

– Слушай, может, ты вечером заскочишь в прокуратуру?

– Я и так собирался. Хотя там уже с полдня будет дым коромыслом. Странно, что она Лютого вызвала.

– Профессионализм не пропьешь.

– Это точно. Как банька для генерала? Подействовала?

Громов усмехнулся:

– Еще как! Утром позвонил, сказал, что будет к обеду. А пока работает с документами.

Шилов тоже понимающе усмехнулся:

– Хорошо...

Идя по коридору, Шилов издали увидел Стаса, который открывал дверь их кабинета. Утром на сходке Стас не появился, только позвонил предупредить, что прямо из дома отправится на Гороховую, искать одноклассника взрывника в игровых автоматах.

В кабинет зашли вместе. Стас сразу включил электрический чайник, выложил на стол купленную по дороге пачку печенья и, сняв куртку, сел за свой стол.

– Оля заново искала в базах данных Толю-Румына, – сказал Шилов. – Никого подходящего.

– Слушай, я вот подумал, может у него кличка от фамилии произошла? Румынов, Руманович, Румановский...

– Я тоже догадался.

– И что?

– Я же говорю, никого подходящего.

– Жаль...

– Это было бы слишком легко. А у тебя что?

– На Гороховой семь точек с игровыми автоматами. Тыкать пальцем бессмысленно, нужен ход. Пока не родил.

– Ватсон, это элементарно. В каждой точке по четыре администратора. Четырежды семь – двадцать восемь. В классе примерно тридцать человек. Тридцать на двадцать восемь – приблизительно, девятьсот. Половина девочек, делим надвое. Остается четыреста пятьдесят. Кто-то умер, кто-то выехал за границу. Получается не так много. Каких-то два года, и ты всех проверишь.

– Смешно. Разрешите смеяться, товарищ майор?

– Разрешаю. Администраторы, кстати, все мужики?

– Все. И все – подходящего возраста, ни одного сопляка или пенсионера.

– Ну что ж, рожай ход.

– Сейчас кофейку тяпну и буду пробовать... Я еще на «Ленфильм» заскочил, с пиротехниками пообщался. Травмы у них были, но глаз никому не вышибало. По крайней мере в обозримый исторический период.

– Может, история с одноклассником в игровых автоматах тоже фуфло?

– А может, и нет. Пиротехник – легенда для обожженных рук. А врать мимоходом – какой смысл?

– Тоже верно. Что ж, пей и рожай. У Кожуриной, кстати, сегодня день рождения. Надо подарок купить и вечером заскочить, поздравить.

Стас отвел взгляд и равнодушно пожал плечами:

– Да, надо заскочить...

Поломка оказалась пустяковой, и Ремезов быстро починил двигатель катера.

- Стакан мотористу! – радостно крикнул Семеныч.
- Стакан – это хорошо. А когда к Валааму пойдем?
- Сегодня поздно уже, завтра утром. Отдыхай пока.
- Ну, отдыхать, так отдыхать.
- Иди в дом, тебе Пална нальет.

На берегу стояли не пара разваливающихся построек, как Сашке показалось ночью, а с десятков домов и в два раза больше всевозможных сараев и ангаров для лодок. Правда, почти все дома были заколочены до следующего лета. Постоянно тут жил только Семеныч с женой Анастасией Павловной.

К ней и пришел Саша. От выпивки отказался, попросил лист бумаги и ручку.

– Конечно, – сказала Анастасия Павловна, и дала ему тетрадку с детскими рисунками. – Внук оставил. Ты посмотри, там чистые листы должны быть. А ручку в стакане возьми на подоконнике.

Ремезов пристроился за столом, разгладил вырванный листок и задумался. Анастасия Павловна, занимавшаяся мытьем посуды, спросила:

- Письмо собрался писать?
- Ага.
- Зазнобе?
- Матери.

– Это хорошо. А мой не пишет. Только внуков на каникулы присылает.

Пока Саша писал, два «грибника», издали видевшие, как он шел от катера в дом, совещались:

- Поближе бы посмотреть.
- Чего смотреть? Точно он, отвечаю.
- Куда он автомат дел? Спрятал?
- Нет, блин, в задницу себе запихал.
- Повезло нам...

– Повезло – не повезло, а доложить надо. Доставай рацию.
Письмо давалось тяжело.

Саша старался писать подробно. Про службу в части, про то, как поначалу был всем доволен и как потом начались секретные поручения. Поначалу он, как и все, думал, что действительно выполняет правительственные задания, и был горд этим. Потом стал прозревать. Это случилось еще до Калининграда. Но именно калининградская операция, когда так получилось, что школьный автобус случайно перекрыл директрису [note 2](#)

(Линия стрельбы. и под огонь вместо криминального авторитета попали дети, переполнила чашу терпения.)

Слетевший с трассы автобус снился Ремезову по ночам. Он не знал, есть ли жертвы или все обошлось царапинами и испугом. Наверное, есть. Хотя в программе новостей, которую удалось посмотреть, об этом происшествии не сообщили ни слова. Интересно, как заставили молчать родителей пострадавших? Тоже ссылкой на государственные интересы?

Майор Гасилов, руководивший ими в Калининграде, назвал это «накладкой».

Витек и Андрей согласились бежать потому, что были уверены: после случившегося их не оставят в живых. Не сегодня, не завтра – чтобы не пугать остальной личный состав, – но через месяц или полгода с ними что-нибудь обязательно произойдет. Несчастный случай в карауле. Приступ аппендицита. Дорожно-транспортное происшествие.

Сашка принял решение не из-за боязни за свою жизнь.

Он просто не хотел больше участвовать в таких «накладках».

Всю жизнь его использовали и подставляли. Ничего хорошего он не видел, за исключением детства на холодной Вуоксе. Пойдя в армию (А как иначе? Настоящий мужик не должен косить!), попал в чеченскую мясорубку. Его мнения никто не спрашивал, погрузили в самолет – и вперед, чтобы за три часа, как обещал великий полководец Грачев, занять Грозный. Ему повезло больше, чем многим, – демобилизовался живым. Но жизнь на гражданке не задалась. Все, чем бы ни занимался, казалось ненужным и мелким. Устроиться на работу, обзавестись тачкой, крутиться, добывая квартиру? Он честно пробовал перестроиться. Где-то работал, взял по доверенности старые

«Жигули», начал откладывать на квартиру. Но такие проблемы, как повышение оклада на пятьдесят баксов, покупка летней резины для «Жигулей» и рост инфляции блекли на фоне воспоминаний о девятой атаке дудаевцев и последней оставшейся гранате.

Его звали в бригаду, в которой было много таких, как он, опаленных войной, – он отказался. Предлагали повоевать в Югославии – хоть за сербов, хоть за мусульман, до балды, вербовщик работал «и нашим, и вашим»; Ремезов спустил его с лестницы. Сулили море азарта и кучу золота во французском Иностранном легионе. О Франции он подумал всерьез, даже начал собирать какие-то документы, но тут началась Вторая Чеченская, и он в первый же день явился в военкомат...

Витек погиб у него на глазах. Майор Гасилов лично снял его из снайперской винтовки с крыши вагона. Андрей? Андрея, наверное, тоже уже нет в живых.

И его, похоже, не будет – заканчивая писать письмо, Саша услышал шум двигателей двух приближающихся вертолетов.

Скомкав прощание, Саша поставил точку и вышел во двор к Анастасии Павловне.

Вертолетов еще не было видно, но он точно знал, что они летят по его душу.

Не знал – чувствовал.

Он протянул женщине сложенный вчетверо лист:

– У меня к вам просьба, Анастасия Павловна. Вы же бываете на станции? Я адрес написал, только конверта нет. Вы сможете отправить?

– Конечно, Сашенька. – Женщина вытерла руки, взяла письмо, спрятала куда-то под одежду. Посмотрела на лицо Ремезова: – Что-то случилось?

С берега, со стороны лодок, доносились голоса мужиков, стук молотка, повизгивание пилы.

Саша безмятежно пожал плечами:

– С чего вы решили? Просто... – Он посмотрел в небо. Оно было злое и серое, а облака плыли низко, торопясь убежать от гиблого места. – Анастасия Павловна, тут может заварушка одна начаться. Так вы на землю просто падайте и не вставайте, пока не закончится, хорошо?

– Какая заварушка, Саша?

Не отвечая, Ремезов быстрым шагом направился в лес.

У первых деревьев остановился и посмотрел назад. По Ладоге шли невысокие сильные волны, и где-то там, за горизонтом, лежал оставшийся недоступным для него Валаам.

Вертолеты были совсем близко. Саша не смотрел вверх. Он по звуку мог определить расстояние и знал, что времени у него почти нет.

Отоспавшись и поев досыта, он сейчас мог бы снова попробовать убежать.

Он решил, что не побежит.

Хватит бегать.

Он быстро отыскал автомат с десятью оставшимися патронами, проверил его и двинулся по тропинке, подыскивая место для последнего боя.

На душе у него было как-то очень легко.

Вертолеты стали снижаться.

На день рождения Кожурина никого специально не приглашала. Все и так знают, что она его каждый год отмечает. Кто захочет поздравить – придет. Кто пришел – тот и считается приглашенным.

Как всегда, сначала почти никого не было, и казалось, что вечер получится скучным. Потом собралось столько народу, что в кабинете стало не протолкнуться. Поздравления звучали непрерывно, покрасневшая довольная Кожурина не успевала отвечать и складывать подарки. Но так же неожиданно, как собралась, толпа рассосалась. Только что было яблоку негде упасть, и вдруг пусто. Остались несколько человек из арнаутовского отдела, «убойщики», кто-то из прокуратуры.

В темном углу коридора жадно целовались Паша и Александра. Из кабинета доносилась музыка, шарканье ног – уже начались танцы, и дурашливый голос Джексона, звавшего Александру. Видимо, ему не хватило партнерши для танцев.

– Все, я пойду, – она кое-как освободилась из объятий младшего Арнаутова. – А то некрасиво.

– Что некрасиво?

– Ну, что о нас подумают?

– Что есть, то и подумают.

– Моя репутация тебя не волнует?

– Она от этого не пострадает. А если кто хоть слово скажет... – Паша сжал кулак.

– Если бы все было так просто.

Паша попытался снова обнять девушку, но она строго сказала:

– Так, руки убери. Я иду первая, ты через пять минут.

Поправляя одежду, Александра ушла. Паша стукнул кулаком по стене: ну что она с ним играет? Давно могли бы слинять втихаря, никто бы этого не заметил, и репутация бы не пострадала.

Когда он вошел в кабинет, Александра танцевала с Джексонсом. Он крепко прижимал ее к себе, то и дело сползая одной рукой ниже талии, и безостановочно говорил, наклоняясь к самому уху.

Опять, наверное, хвалится, что его до сих пор в Кандагаре боятся, подумал Паша, мрачно прислоняясь к стене.

Лютый увивался возле Кожуриной:

– Татьяна Николаевна, я ведь правда по колесам стрелял. Честное офицерское слово!

– Гриша, вам рабочего дня, что ли, мало? Лучше пригласите даму танцевать.

Лютый щелкнул каблуками и слегка поклонился:

– Пше прошем, пани!

Они вышли на середину кабинета, потеснив другие парочки. Лютый не унимался:

– Все-таки сколько в вас обаяния, Татьяна Николаевна! Нежности, доброты... Наташа Ростова на первом балу!

– Вы бы лучше узнали, сколько по моим делам было расстрельных приговоров. Когда их еще приводили в исполнение.

– Ну, вы знаете, кожанка и «маузер» вам тоже к лицу.

– Вряд ли. Я руководствуюсь законом, а не революционной сознательностью.

– У меня к вам просьба, Татьяна Николаевна. Вот если вдруг меня посадят, можно я вам буду писать?

– Пишите. Мне многие клиенты пишут.

– А если не посадят, можно я позвоню?

– С часу до двух, по рабочему телефону.

– Это значит в тот момент, когда вы уходите на обед? Понял, не дурак!

– Что ж такой умный хлопчик в наших краях делает?

– Хотелось поближе узнать, шо ж таке москали?

– Это среди питерских?

– Но ведь питерские тоже москали. Только северные...

За столом в углу сидели Скрябин и Шилов.

– Что ты все на Кожурину косишься?

– Жаль мне ее, – Стас вздохнул. – Марку держит, а внутри... Несчастливая одинокая баба.

– Она профи. Как и мы с тобой. Наверное, это наша общая участь.

– Есть идея по игровым автоматам.

– Ну?

– У нас же их любят грабить. Прошвырнись по Гороховой, типа профилактический рейд. Скажу, что наводчик – из постоянных клиентов. И они радостно сольют мне всех игровых фанатов.

– Не факт.

– Сольют, куда денутся. Они все в группе риска.

– Ну предположим. А дальше?

– Одноглазого точно заложат, если он завсегдатай. Если не заложат администраторы – заложат игроки. Фигура приметная... Бл-лин, смотри, кто пожаловал!

На пороге кабинета, набычившись, стоял Арнаут. В опущенной руке у него был букет. Растрепанный целлофан и яркие ленты свисали почти до пола.

– Уже где-то принял, – сказал Роман. – Наверное, для храбрости.

Музыка стихла – то ли песня закончилась, то ли кто-то выключил магнитофон. Под тяжелыми шагами Железного Дровосека закрипел паркет. Держа букет, как олимпийский факел, он подошел к Кожуриной:

– Вот, поздравить хотел. Похоже, опоздал.

Кожурина взяла цветы:

– Спасибо, Коля. Устраивайся, угощайся...

– Ничего, я как-нибудь так.

Лютый очень ловко подскочил к столу, налил в пластмассовый стакан водки:

– Штрафную начальнику! – И пропел, возвращаясь от стола к Дровосеку: – На дружеской беседе...

Арнаут посмотрел на него с сожалением:

– Дурак ты, Гриша!

– Так точно, ваше высокоблагородие! – Лютый опять щелкнул каблуками и поклонился, как делал это, когда приглашал на танец Кожурину.

– Она тебя сожрет с потрохами. И даже не поморщится.

– Бать, перестань! – вмешался Паша.

– А ты чего вякаешь? – Арнаут развернулся к нему.

– Да ладно, ладно. Все путем. Иваныч, пошли покурим, – Лютый хотел дружески приобнять Арнаутова, но тот с такой силой оттолкнул его, что Лютый с трудом устоял на ногах.

К Арнаутову подскочили Юра Голицын, Паша, Джексон. Арнаутков посмотрел на них таким взглядом, как будто собирался подраться. И неожиданно сник, опустил голову, что-то неразборчиво пробормотал.

– Коля, завтра стыдно будет, – сказала Кожурина.

Арнаутков дал себя увести.

Говоря:

– Пойдем на воздух, покурим, – Голицын осторожно держал его за локоть, а Джексон и Паша молча шли сзади. У двери Паша остановился. Чувствуя его состояние, Кожурина поторопилась успокоить:

– Все нормально, Паша. Дело житейское. Поставь, пожалуйста, цветы.

– Хорошо, – Паша взял букет, начал его пристраивать среди других цветов, в банках и вазах стоящих на полу в углу кабинета.

У Шилова зазвонил сотовый телефон. Он ответил. Хмурясь, выслушал сообщение дежурного по городу. Чертыхнулся и пояснил Скрябину:

– Вояки хреновы! Замочили последнего беглеца. Расстрельная команда, мать их!

– Поедешь на место?

– Поеду.

– Я с тобой прокачусь.

– Оставайся, я Егорова возьму. Там делать нечего, только что посмотреть. Пока туда, пока обратно – до самого утра прокатаемся. Занимайся лучше Румыном.

Попрощавшись с Кожуриной, Шилов ушел. Скрябин, что-то вспомнив, побежал его догонять. Куда-то рассосались и все остальные.

Кожурина налила водки в пластмассовый стакан, встала у зеркала и поздравила сама себя:

– С днем рождения, Танюша! Счастья тебе. В личной жизни.

Паша проводил Александру до дома.

Она хотела развернуть его у подъезда, но он настоял, чтобы подняться наверх.

Они долго целовались около двери квартиры. Одной рукой Александра обнимала Пашу, в другой сжимала сумочку и ключи от квартиры. Паша был уверен, что она его все-таки пригласит. Но Александра, как-то очень умело все это прекратив, сказала, чтобы он уходил.

– Слушай, я не железный, – тяжело дыша, сказал Паша.

– Я тоже, но все слишком быстро, а я так не могу. Ты меня первым уважать не будешь.

– Ты еще скажи, что только после свадьбы.

– Дурак ты! Привык, что девчонки тебе сами на шею прыгают.

Паша опустил голову:

– Ну ладно, я пошел.

– Не грусти. Все будет хорошо.

– Угу...

Александра подождала, когда Паша сядет в лифт и уедет, и только после этого открыла дверь.

В квартире ее ждал тот, кого называли Румыном.

Черная повязка пересекала его лицо, закрывая искаленную глазницу.

Он тихо вышел из темной комнаты и встал, скрестив на груди руки и прислонившись плечом к стене коридора:

– Ну, подруга, ты и гулять!

Ночной лес был залит ярким светом прожекторов. Глухо рокотали передвижные дизельные установки. Следователь военной прокуратуры не поднимая головы писал протокол, устроившись на раскладном стульчике. Рядом со следователем стоял Полковник.

Когда Шилов и Егоров приехали, эксперт-медик уже осмотрел труп, так что в каком положении был Ремезов в момент смерти, теперь можно было узнать лишь с чужих слов. Формально спросив разрешения, Шилов присел на корточки возле мертвого тела. Одно пулевое в сердце, навывлет. Стреляли с близкого расстояния – с дальнего тут и не выстрелишь, сплошные деревья. Рядом с трупом в траве были густо насыпаны автоматные гильзы. Шилов подумал, что это больше похоже не на то, что Ремезов активно отстреливался, а на то, что кто-то высадил в воздух пару рожков, чтобы имитировать ожесточенную перестрелку.

Хотя, может, это только казалось? Ведь уже отправляясь из прокуратуры, он был настроен против «вояк», и теперь любая деталь выглядела подозрительной.

Шилов отошел от трупа, закурил. Военный следователь, не поднимая головы, продолжал строчить протокол. Гудели дизельные движки, откуда-то из-за деревьев долетали голоса солдат, участвовавших в облаве на беглеца.

Подошел Полковник:

– Что скажете?

Шилов посмотрел на него:

– А вы мне что скажете? Зачем было его убивать?

– Он стрелял в моих солдат. Я что, должен был цацкаться?

– Однако он ни в кого не попал.

– Это их вина? И, собственно, на что вы намекаете?

– Ни на что. Просто размышляю.

– Рома! – донесся со стороны берега голос Егорова. – Подойди на минутку!

Шилов с трудом отыскал его в темноте:

– Ну?

– Похоже, он у рыбаков ночевал. Тут, недалеко. Они чего-то темнят. Попробуй поговорить с теткой, а я пока мужиков отвлеку, чтоб не встречали.

– Пошли.

Анастасия Павловна усадила Романа за стол, предложила чаю. Не требовалось большой наблюдательности, чтобы заметить, как сильно она переживает смерть Ремезова.

– Вы видели, что случилось? – спросил Роман.

Женщина отрицательно покачала головой:

– Только слышала, как стреляли. А потом майор приходил, сказал, что Саша был дезертиром и оказал сопротивление. Это правда?

Шилов неопределенно кивнул.

– Я вам одно скажу, – вздохнула Анастасия Павловна, – если он убежал, то значит, были причины. И он знал, что с ним будет. Он отсюда ушел, чтобы нас... За что его?

– Я и сам хотел бы знать, за что.

– Майор этот все крутился, вынюхивал. Плохой человек.

– А покойный?

– Саша-то? Хороший.

– Так просто у вас, с одного взгляда?

– Поживите с мое...

– Попробую, если получится.

Анастасия Павловна помолчала, разглядывая Романа. Потом достала откуда-то из-под одежды сложенный вчетверо лист бумаги:

– Он перед смертью письмо матери написал. Просил отправить. Может, вам пригодится?

Роман взял бумагу, с двух сторон исписанную торопливым неровным почерком, пробежал глазами по строчкам. Ничего себе! Хотя, с другой стороны, нечто подобное он уже начал предполагать. Только не ожидал, что догадки, которые ему самому казались чересчур смелыми, настолько попадут в цель.

– Спасибо, Анастасия Павловна. Вы правы, Саша был очень хорошим человеком. Я возьму это себе?

– Дала же. Отправьте только потом.

– Обязательно. А вы не говорите никому об этом письме, хорошо? Вообще никому. Вот мой телефон, если что – сразу звоните.

– Дай вам Бог удачи, молодой человек.

Шилов отвез Егорова и приехал домой. Юля спала и не проснулась ни когда он ложился, ни когда, в семь утра встал.

Быстро позавтракав, он позвонил Вике. Она ответила. Голос звучал устало:

– Еду домой.

– Я тебе вечером звонил несколько раз, у тебя был выключен телефон. Все нормально?

– Все отлично. Только спать хочу очень.

Он приехал раньше Вики и встретил ее на лестнице. Они вместе зашли в квартиру, и Вика первым делом включила воду:

– Не хочешь принять со мной ванну?

– Я дома успел.

Вика разделась. И смотреть на это, и отвернуться было одинаково неловко. Она это чувствовала и играла. Игра была красивой, что и говорить... Наконец она села в воду, а Шилов остался стоять в дверях ванной, покуривая сигарету.

– Я за тебя волновался.

– Ты же хотел, чтобы я его охмурила. Вот он меня и увез на квартиру. Извини, что с телефонами не вышло.

– Все равно молодец. Как это у тебя получается?

– Тебе в подробностях или как?

– Извини.

– Да ничего. Он предложил продолжить сегодня.

– Славно. А где ему квартиру сняли?

– На Благодатной.

– Ладно, я погнал, Мата Хари. Через два часа я тебя разбужу.

– Зачем?

– Накормить завтраком.

Шилов ушел.

– Дверь закрой, гонщик, – сказала вслед ему Вика-Тигренок, чему-то мечтательно улыбаясь.

Громова Роман встретил на парковке около здания ГУВД. Начальник УУР только приехал и, когда Шилов к нему подошел,

запирал дверь своей личной «Волги».

– Утро доброе, Юрий Сергеевич!

– Утро добрым не бывает. – Громов выглядел, как всегда, хмуро.

– Как насчет чашечки кофе? Угощаю.

Громов посмотрел на часы, потом поднял вопросительный взгляд на Романа.

– До сходим успеем. – сказал Роман. – А кофе хорошо помогает при проблемах с ушами.

Они устроились в кафетерии на соседней улице. Кроме них, в тесном зале никого не было, только буфетчица смотрела новости по телевизору. Диктор с победными нотками в голосе говорил, что проводившаяся в Ленинградской области операция по розыску трех дезертиров успешно завершена. О трупах не прозвучало ни слова.

– Это оттуда, – сказал Шилов, отдавая Громову письмо, когда они уселись за столик. – Ремезов написал перед смертью.

Громов надел очки и прочитал, морщась так, как будто каждая строчка причиняла ему физическую боль. Прочитав, вернул бумагу:

– Ну и как ты предлагаешь работать с этим осиным гнездом? Если все правда, конечно.

– Добывать доказательства и сажать. Как еще можно работать с убийцами?

– Автор мертв, а письмо ничего не доказывает. Все, что он написал, объявят домыслами дезертира, который хотел оправдать свой поступок. Или объявят его сумасшедшим, что, между нами говоря, очень похоже на правду. Не вынес парень тягот и лишений воинской службы. Ведомственная комиссия проверит часть, накажет какого-нибудь прапорщика, и на этом все кончится. Вот если бы их на горячем где-нибудь прихватить...

– Мои ребята ищут подходы. Вы, кстати, с военной прокуратурой ничего не решили?

– Не решил. – Громов снял очки и устало помассировал лоб. – Они считают, что у нас нет оснований вмешиваться. А в приватной беседе зам-прокурора, мой старый приятель, сказал, что эта часть – особого подчинения и что даже они туда не суются без согласования с Москвой.

– Круто! – Шилов допил кофе и перевернул чашку над блюдцем, как это обычно делают при гадании.

– А после моего визита в военную прокуратуру меня вызвал наш генерал и спросил, почему мы занимаемся всякой ерундой, вместо того чтобы раскрывать реальные преступления.

– Вы бы ему и сказали, что мы занимаемся, чисто конкретно, в натуре реальными преступлениями.

– Мне не смешно было, Рома.

– Юрий Сергеич, а тот ваш приятель, замвоенного прокурора, он что-нибудь может?

– Что ты имеешь в виду?

– Достать бы список командировок этих спецназовцев за последние год-два и наложить на громкие мокрухи по стране.

– Думаешь, они такие командировки в бухгалтерии оформляют?

– Чем черт не шутит? Канцелярия – везде канцелярия. Следок может остаться.

– Думаю, с такой просьбой лучше к нему не соваться. Слушай, а может, попробовать с Бажановым аккуратно поговорить? Я тут к нему присмотрелся, он мужик, конечно, своеобразный...

– Нет, Юрий Сергеевич, с Бажановым говорить мы не будем. С Бажановым мы лучше помолчим. Товарищ генерал в моем черном списке стоит под номером два. Сразу после Румына.

– Надеюсь, ты знаешь, что говоришь.

– Кое-что знаю. Кое-что буду знать скоро. – Роман поднял чашку и посмотрел на образовавшиеся в кофейной гуще узоры.

– Ну и что там?

– Одна муть. Но с просветами.

– И почему я тебя до сих пор не уволил? Жил бы себе спокойно.

– Вам без меня скучно будет.

– Думаешь? А по-моему, мне будет спокойнее. – Посмотрев на часы, Громов встал: – Пошли, а то на сходяк опоздаем. Ты-то сам себе командир, а мне перед генералом отчитываться.

– Юрий Сергеич, вместо меня сходку Стас проведет. Я его уже предупредил. А мне тут к человечку одному заскочить надо... – Когда Громов ушел, Шилов позвонил по мобильнику: – Алло, Нео? Морфиус на проводе. Готов меня видеть? Спасибо, брат. Я сейчас буду.

– Подойдите к «глазку» и представьтесь, – прозвучал из переговорного устройства механический голос.

Шилов встал перед железной дверью:

– Посланник Матрицы агент Смит.

Щелкнул замок. Потянув за ручку, Шилов открыл тяжелую дверь и спустился в подвал.

Чистое, хорошо отделанное помещение представляло собой смесь богемной студии и мастерской. На многочисленных стеллажах стояли разобранные компьютеры и какие-то неизвестные Роману приборы, по стенам были развешаны авангардистские картины и фотографии. На свободном пятачке у дальней стены сверкал хромированными трубами спортивный мотоцикл «Кавасаки».

Хозяин помещения, в своем кругу носивший полученное по имени героя любимого фильма прозвище Нео, сидел на скамейке и увлеченно отжимал из-за головы огромную гирию, считая на выдохе:

– Двадцать три... Двадцать че-е-е-тыре... Два-а-а-адцать все!

Поставив гирию, он поднялся и, улыбаясь, подошел к Шилову. Роман были ниже его на полголовы и заметно уже в плечах. И это с учетом того, что, проведя полтора года в руках докторов, Нео сильно сдал и до сих пор не восстановил прежнюю форму.

Они обнялись, после чего Нео, отступив, принял боксерскую стойку и обозначил несколько ударов.

– Все-все-все! – Шилов попятился, закрываясь. – Ты ж из меня котлету сделаешь!

– Рад тебя видеть. – Нео отошел к письменному столу, на котором, как и на стеллажах, тоже стоял компьютер, только полностью собранный и включенный. – Покажу новую игрушку. Я Тайсона с Холифилдом свел. Кто кому первый ухо откусит, тот и выиграл. Приз – новая жизнь.

– Ты же знаешь, я не фанат. – Шилов оседлал мотоцикл, взялся за руль.

– Это потому, что для тебя тему интересную не придумали. Хочешь, сбациаю для тебя новый квест? Под названием «Конец липецкой братвы».

– Не хватало, чтобы я еще в это играл.

– Ну как знаешь. – Нео, запустив на компьютере какую-то программу, взял гантели. – Извини, надо форму держать.

– Хочешь вернуться на ринг?

– После года комы? Грех Бога гневить. Так, балуюсь для себя.

Шилов пожалел, что спросил. Боксерское прошлое было для Нео большой темой. Он многого добился в любителях и рассчитывал добиться еще большего, перейдя в профессионалы. Прекрасно начатая карьера оборвалась после одного пропущенного удара.

– Я к тебе за помощью.

– Я догадался. – Закончив упражнение, Нео положил гантели и вытер лицо лежавшим на компьютерном столе полотенцем. – Будем подслушивать или подглядывать?

– Подслушивать.

– Телефон, квартиру?

– Квартиру. Есть что-нибудь бросовое и с долговременным питанием?

– Бросовое? Да у меня один эксклюзив! – Нео открыл замаскированный в стене тайничок и что-то достал. – Снять после использования нельзя будет?

– Вряд ли.

С сожалением вздохнув, Нео подошел к Шилову и продемонстрировал обычный на вид фумигатор и цифровой диктофон.

– Там, – Нео потряс фумигатором, – микрофон и радиопередатчик. Втыкаешь в розетку – идет подзарядка. Здесь, – теперь он показал диктофон, – восемь часов цифровой записи. Включается на звук голоса, работает от прикуривателя. Ставишь машину под окнами и записываешь. Контроля не требует, просто приезжай, когда удобно, и снимай информацию. Держи!

– Так уже комаров месяц как нет, все повымерзли. Да и аккумулятор в машине не резиновый. Нет ничего другого?

– Слезь с мотоцикла.

– Понял. – Шилов покаянно наклонил голову и взял шпионскую технику. – Спасибо.

Тем не менее Нео с обиженным выражением лица отошел от него и сел за стол. Щелкая на клавиатуре компьютера и глядя на монитор, сказал:

– Это они на улице повымерзли, комары. А дома я без фумигатора не сплю. Не нравится – иди на рынок, покупай дерьмо за бешеные бабки.

– Ладно, ладно, прямо не скажи тебе ничего. Все вы, гении, такие обидчивые. Спасибо. Сколько с меня?

- Не, ну сейчас точно в морду дам!
- А вот этого не надо, я еще нужен родине.

Пока Шилов убирал в карманы фумигатор, диктофон и шнур со штекером под автомобильный прикуриватель, Нео немного оттаял и предложил:

- Хочешь, немного похвастаюсь?
- Давай.

– Вот, смотри, – из коробки на столе он достал автомобильные ключи с брелоком сигнализации. – Незаменимое средство по контролю за детьми. Автосигнализацию «Навигатор» знаешь? Она в вашей дежурке на карту города выведена. Даешь такой брелок ребенку и по договору с ГУВД всегда знаешь, где он находится. Я купил несколько плат с разбитых тачек, кое-что усовершенствовал... Дарю! Нажмешь кнопку и будешь «Лексусом», номер М 333 АВ.

- Спасибо! Царский подарок.
- Да не за что. Удачи, товарищ. И берегись агентов Матрицы.

Возвращаясь с утренней пробежки, Полковник увидел во дворе своего дома Координатора. Подняв воротник пальто и сунув руки в карманы, тот сидел на скамейке, как самый простой гражданин. И никакой охраны поблизости видно не было.

– Поздравляю, Степа. Ты, как всегда, молодец, – сказал Координатор.

– Они были хорошими солдатами.

– Хорошие солдаты не бегают.

– Но могут отступать.

– Ты устал, Степа. – Координатор пристально посмотрел на Полковника. – Я похлопочу, чтобы тебя перевели в аналитику. А пока пришел новый приказ. Операция без жесткого вмешательства. Под легендой преступной группировки нужно взять груз из Средней Азии и погрузить на судно. Здесь все.

Координатор протянул Полковнику большой заклеенный конверт.

– Что за груз? – Полковник не притронулся к конверту.

– Ты и впрямь устал, Степа. – Координатор сочувственно покачал головой. – Здесь все.

Это означало, что в инструкциях содержатся детали, которые неизвестны самому Координатору. Якобы неизвестны... Полковника такие игры в тройную секретность всегда раздражали. Но приходилось следовать правилам, и он взял конверт.

– МВД не вмешается?

– Там Серега Бажанов все контролирует. Помнишь его? Бейрут восемьдесят третьего...

– Я все помню, Валя. И всех.

В Бейруте Полковник отметил мимоходом, выполнил несложное задание и улетел в Союз, а Бажанов находился там в длительной командировке по линии политуправления. Перед отлетом он навязал Полковнику японский видеоманитофон, чтобы он передал его семье. Приняв посылку, бажановская жена придирчиво осматривала упаковку и спрашивала, не повредилась ли техника при перелете и почему Сергей не отправил ковры, которые давно обещал.

– Серега теперь в МВД служит. Как бы. – Координатор многозначительно усмехнулся и встал со скамейки. – Ну, удачи! Да, по информации наших источников какая-то группировка хочет взять груз. Мы над этим работаем. Имей в виду: груз должен уйти за рубеж любой ценой.

– Можно подумать, когда-то было иначе...

Стоя у окна кухни и наблюдая, как дворник сгребает опавшие листья, Румын выпил кофе. Потом налил вторую чашку и прошел в комнату.

Александра безмятежно спала, улыбаясь во сне. Волосы рассыпались по подушке, одеяло скомкалось между ног, открывая голое бедро.

– Эй, подруга, ты не слишком разоспалась? – Румын откинул одеяло.

Александра мгновенно проснулась. Потянулась, подняла руки:

– Ой, кофе! Дай-дай-дай...

– Ты на работу не проспешь?

– Мне с утра в морг за экспертизой. Можно еще поваляться.

– В морг я и сам бы не торопился. – Румын присел рядом с девушкой. – Но про дисциплину не забывай. В целом вписалась?

– Толя, я просто паинька. Все меня любят, все меня ценят. – Александра легла спиной на колени Румына и соблазнительно выгнулась.

– Особенно опера? – Румын провел ладонью по ее лицу, подбородку, по горлу. На горле пальцы чуть сжал. Сжал ненадолго. И тут же опустил ниже, на грудь, на живот...

Александра лежала, закрыв глаза. Ей было очень хорошо. В ее жизни хватало мужчин, и некоторыми она бывала вполне довольна, но только встретившись с Толей она узнала, как бывает по-настоящему хорошо. Теперь она была готова ждать его сколько угодно, терпеть его странности и мириться с тем, что он, конечно же, не хранит ей постоянную верность.

– Ты же сам просил налаживать контакты, – сказала она, с трудом вспомнив, о чем он спросил.

– Ты баловство с делом не путай.

– Я не путана, чтобы путать. Я девушка порядочная.

– Угу...

– Толь, а где ты так долго был? Я скучала!

– Там, где был вчера, там нет сегодня. Взрывы какие в городе были?

– Нового ничего. На Московской трассе «скорая» взорвалась, но я тебе говорила об этом. Дело областная прокуратура ведет. И по старому взрыву, когда в прошлом году опер погиб, вышла ориентировка.

– Копию сняла?

– В сумочке.

Довольно резко подняв Александру со своих колен, Румын отдал ей кофе, встал и начал рыться в ее сумке. Нашел сложенный вдвое лист с фотороботом и описанием своих примет, начал читать...

Александра наблюдала за ним с легкой жалостью. Толя когда-то служил в саперных войсках и потерял глаз на войне. Вот его и клинит с тех пор на всем, что связано со взрывами. Сколько раз она ему приносила с работы разные служебные документы на эту тему. Ну и что? Глупо не пользоваться тем, что имеешь. Она ведь пошла работать в прокуратуру не ради борьбы с преступностью – пусть с ней дураки и фанатики борются, а чтобы иметь возможности. Всякие ориентировки, информационные письма и справки по взрывам – это так, мелочь. Пока это нужно Толе, она их будет носить. Но работа в горпрокуратуре открывает доступ к куда более выгодным штукам. Главное, вписаться в систему и обрести нужными связями. Тогда можно будет устраивать жизнь в свою пользу. А то до старости просидишь в одном кабинете, как эта клуша Кожурина, и будешь на своем дне рождения пить водку из пластикового стакана, радуясь дешевым подаркам и переживая: явится старый любовник, чтобы поздравить, не явится или явится и устроит пьяный скандал.

Александра допила кофе, поставила чашку на пол у кровати. Села, начала расчесывать волосы.

Толя был увлечен бумажками, которые она притащила с работы. И чего там для него интересного? Надо будет самой посмотреть, что в них написано...

– Толь! Толя! – позвала она. – А мы отдыхать в этом году поедем? Я хочу, где тепло.

– Поедем, – не оборачиваясь, ответил Румын. – Есть места, жарче не бывает.

Кальяна разбудил телефонный звонок. Перегнувшись через спящую рядом девушку (в кабаке вчера подцепил. Ничего такая, с темпераментом. Как ее звать-то?), взял с тумбочки трубку:

– Да. Кто это? Извини, не узнал. Богатым сделаю! Какое похищение? Кочешвили? Глухой номер, там свидетелей нет. Но все равно, спасибо. Напомни мне фамилию шефа своего... Арнаутов? Спасибо, брат! Будь осторожен.

Выключив телефон, толкнул ночную подругу:

– Слышь, как тебя там, давай подымайся и быстро в душ.

Когда девушка скрылась за дверью ванной и зашумела вода, Кальян набрал номер подполковника Саблина:

– Юстас, это Алекс. Забьем стрелочку на Цветочной улице? О'кей, бай!

Встреча состоялась в той же гостинице. Саблин выслушал Кальяна, не перебивая. По лицу подполковника было заметно, что услышанное ему очень не нравится. Кальян мысленно усмехнулся: «Когда им несешь подарки на блюдечке, они всегда рады. А как только попросишь помочь – морду делают кирпичом. Но сейчас им некуда деваться, придется пошустрить для меня».

– Арнаутов фигура серьезная. Что у него на тебя? – спросил Саблин, когда Кальян закончил рассказ.

– У него на меня заказ. На посадку.

– Не похоже на него. Репутация без пятен.

– Если ты чего-то не знаешь, то это не значит, что этого нет. Его сынок-собровец с Шахидом в долях ходил. Они еще по ментовке знакомы. Вместе по заказу «мурманских» портовика слили. Представляешь, какие им «лавэ» отстегнули? Арнаутовы Шахида подставили и хлопнули при задержании. Теперь у них и дело раскрыто, и бабки прикарманены.

– Смахивает на кино, – поджал губы Саблин.

– Полковник, я в Афгане такое видел – ни в каком кино не покажут.

Саблин бросил на Кальяна быстрый взгляд и отвернулся. Подумав, спросил:

– Ну а ты-то здесь при чем?

– Чуют, что Шахидушка мне кое-что слил про их семейку. Вот и слиповали какое-то похищение столетней давности.

– Что ж ты раньше молчал?

– Шахид был моим другом, Сергеич, – в голосе Кальяна прозвучал укор. – Я друзей не сдаю.

– А я слышал, что портовик – это твоя работа.

Кальян посмотрел в потолок и вздохнул с таким видом, как будто в десятый раз объяснял бестолковому ребенку важную истину:

– А я слышал, что тонна героина вот-вот прибудет в город.

– И что ты от меня хочешь?

– Своевременного реагирования на важную оперативную информацию. Ты про изъятие арнаутовским отделом гранатометов читал? Так вот, прапорщика выпустили за десять тонн зелени. Арнаутов-старший лично взял.

– Доказательства?

– Будь готов, а доказательства найдутся. И заявители тоже.

– Хорошо. Посмотрим. – Саблину хотелось под конец разговора захватить инициативу, и он, помолчав, строго спросил: – Поезд где?

– Едет, Антон Сергеевич. Едет. Все по плану.

Это был второй салон игровых автоматов, который посетил Стас.

В первом не повезло. И администратор не особо шел на контакт, и любопытных игроков в зале не было.

Администратором второго салона был бывший военный. Он сразу проникся важностью миссии Стаса и обещал всестороннюю помощь. Посетовал:

– Эти игроки – она ведь как наркоманы. Последние деньги здесь оставляют. Вещи из дома распродают, чтобы сыграть. Некоторые, когда проигрываются, или в ступор впадают, или буйствовать начинают. Бывает, такого насмотришься! Я б, честное слово, запретил всех этих «одноруких бандитов».

– Чего ж тогда здесь работаете?

– Ну, жить-то надо...

Румына администратор не знал. Выслушав описание примет, уверенно покачал головой:

– В мою смену точно не приходил. Вы в других залах поспрашивайте, может, там его знают.

– Поспрашиваем...

Пока разговаривали, появился новый игрок. Парень лет двадцати с небольшим, рыжий, с бакенбардами и куцей бородкой. Прямо от двери он направился к определенному автомату и, еще не успев сесть, запихнул в щель монетоприемника сто рублей.

– Заяц приперся, – презрительно поморщился администратор, незаметно указывая на него Стасу. – Самый заядлый... Все салоны в округе знает. Если в одном не фартит, за ночь может все обойти.

– Почему Заяц?

– Не знаю, кличка такая. И где он только деньги берет?

– С грабежей, откуда же еще. Я сейчас выйду, а вы минут через пять закройте на технологический перерыв.

– Сделаем.

На улице Стас закурил и встал в паре метров от входа в зал. Ровно через пять минут администратор выставил немногочисленных

посетителей и, конспиративно подмигнув Стасу, повесил на дверь табличку «Закррито».

Заяц шел, не оглядываясь. Явно спешил в новый зал, где не случится такого облома. Стас дышал ему в затылок и выбирал удобное место. Как только слева оказалась подворотня, Скрябин с криком:

– Заяц, как дела? – затолкал в нее растерявшегося игрока и, прижав в стенке, сунул в нос ксиву: – Тихо, уголовный розыск!

Заяц побледнел и расширил глаза. Если бы Стас не держал его за лацкан кожаной куртки, он бы, наверное, мог и упасть.

– Фамилия?

– З-зайцев.

– Что ж ты, Зайцев, с волками связался?

– С к-какими волками?

– Которые автоматы бомбят. Говорят, наводишь.

– Да вы что?!

– Тебя с одноглазым видели. – Скрябин посильнее прижал Зайцева к стенке. – Ну!

– Да не знаю я его. Играет себе мужик и играет.

– Где играет?

– На углу возле школы.

– И все?

– У него там кореш работает.

– Имя кореша?

– Да не знаю я! С усами такой, самый главный там. М-может, они на пару салоны обувают?

– А ты сам на что играешь?

– На что выигрываю. Мне иногда фартит.

– Ага, понятно. Водку украли, продали, а деньги пропили...

– Что? – Зайцев встrepенулcя. – Не крал я никакой водки, зачем она мне?

– Тихо! Ладно, на первый раз поверим тебе. А теперь слушай внимательно: чтобы в течение этого месяца я тебя на Гороховой не видел. Понял? Приспичит играть – иди в другой район. Увижу – посажу.

– Да за что?

– Был бы человек – статья найдется. Понял меня? – Скрябин слегка встряхнул Зайцева.

– Понял...

– Тогда беги.

Зайцев выскочил из подворотни и, не оглядываясь, припустил по Гороховой в сторону Загородного.

Юрку, помощника Шахида, вывезли на «уличную». Он должен был показать, как они наблюдали за квартирой начальника порта, как контролировали подготовку Спеца, в каком месте подобрали его после убийства.

Показания Юрки записывались на видеокамеру. Он подтверждал все, что сообщил на первом, сразу после убийства Шахида, допросе, и даже вспомнил новые детали, но говорил сумбурно, и Голицыну приходилось то и дело задавать уточняющие вопросы.

– Вы доставили альпинистское снаряжение. Куда отправились потом?

– Потом мы поехали к нему домой пообедать.

– Значит, у вас с ним был близкий контакт?

– Да какой контакт? – Юрка пожал плечами. – Шахид простой... был. Пальцы не гнул. И жена у него такая же.

– О чем разговаривали за обедом с Шахидом? Обсуждали операцию?

– Шахид ни с кем ничего не обсуждал. Он с женой со своей советовался. Она у него мозговым центром была.

– Паша, иди сюда, – Лютый отозвал в сторону заинтересованно слушающего Арнаутова. – Ты ведь жену Шахида знаешь?

– Ну знаю.

– Знаешь, чего я подумал? Съезди к ней, пообщайся.

– Так ее же уже допрашивали.

– Она тогда в шоке была. И потом, кто допрашивал? Топорков с Молчуном да прокурорский следак, которого она первый раз в жизни видела. А тебя она знает. Может, и разговорится дома, в неформальной обстановке. Во, скажи, что Спец виноват в гибели ее мужа. Как бы так, между делом скажи. Ну, типа, у нас появились новые данные, все такое... Короче, сообразишь на ходу, что ты, маленький, что тебя учить надо? Попытка не пытка, а вдруг она Спеца сольет.

– Сомневаюсь я, Гриша.

– Все равно ничего не теряем. Давай, лети прямо сейчас.

– А здесь как же?

– Что у нас, народу мало? Справимся как-нибудь.

На «уличную» вся группа приехала в автобусе «ПАЗ», выделенном местным райуправлением. Паша прикинул, сколько времени будет тащиться своим ходом с Петроградки на Юго-Запад, где жил Шахид. Быстрее, наверное, будет дожидаться окончания «уличной», вернуться на автобусе в отдел и взять машину.

Лютый его подтолкнул:

– Паша, не тормози. Надо было еще в первый день с Натальей тебе говорить, а не этим... Я как-то упустил, что она в курсе всех дел мужа. Надо исправляться.

– Почему ты все время смотришь этот фильм?

Когда Шилов приехал к Тигренку, она уже не спала. Одета в полупрозрачный короткий халатик леопардовой расцветки, лежала на застеленной кровати, а видеомэгнитофон крутил «Секреты Лос-Анджелеса».

– Потому что в конце проститутка уезжает с полицейским, – ответила Вика, не отрываясь от экрана.

Сказано было очень двусмысленно. Или наоборот.

Роману стало как-то неловко. Он потер подбородок, тоже внимательно посмотрел на экран.

– А мне Кевин Спейси больше всех нравится. Настоящий коп. За секунду до смерти раскрыл собственное убийство.

– Ты круче, чем Спейси.

– Я уже старый, усталый бумажный червь.

– К тому же очень скромный. – Вика взяла пульт, отключила звук. Села поближе к Роману, пристроившемуся на краю кровати. – Ты хочешь попросить меня что-то сделать, но сомневаешься. Боишься, я не справлюсь? Или жалеешь?

– Ты когда к родителям собираешься?

– На следующей неделе хотела. А что?

– Раньше можешь уехать? Завтра или послезавтра? С Коровиным я решу. С билетами помогу.

– Могу завтра.

– Надо будет уехать.

Тигренок не ошибалась, Шилов действительно сомневался, давать ей новое поручение или нет. При том, что вероятность получения информации невысока – не такой Бажанов дурак, чтобы открытым текстом обсуждать планы и перечислять свои криминальные связи, – риск засыпаться велик. Если не в момент установки подслушивающего устройства, то позже. Кто знает, может, бажановскую квартиру регулярно проверяют на предмет наличия «жучков». Но если Вика может уже завтра оказаться вне пределов досягаемости генерала, попробовать стоит.

Шилов достал фумигатор:

– Надо воткнуть это в розетку в той квартире. Сможешь?

Вика осмотрела фумигатор с таким вниманием, как будто от особенностей его конструкции зависело, получится ли исполнить задание.

– Смогу. Там действительно комары были. Скажу ему, что они меня всю искусают. А может, вообще получится незаметно. Сергей, – назвав генерала по имени, Вика невесело усмехнулась, – невнимательный, может, когда увидит, подумать, что так и было.

– Он бывший разведчик.

– Этот разведчик вчера не мог ключ от бара найти. Сломал замок, а ключ потом отыскался на полочке в ванной.

– Он тебе сегодня еще не звонил?

– Позвонит. Шилов... Ты не спишь со мной потому, что я проститутка?

– Нет. Потому что ты мой друг.

– Ну, тем лучше. – Вика погладила его по голове. – Это ведь так хорошо – иметь друзей, Шилов.

Роман промолчал.

– А мне не нравится твоя фамилия. Она какая-то холодная и острая. Тебе бы подошло что-нибудь дворянское. Например, Шереметьев. Роман Шереметьев. А лучше – Арнольд Шереметьев.

– Хорошо, что не Борис Моисеев. – Шилов убрал с плеч ее руки и встал. – Ладно, мне пора, Тигренок. Можно, я останусь тем, кто я есть?

– Можно. Мы все остаемся теми, кто мы есть.

Шилов поцеловал ее в лоб и пошел к выходу. На пороге остановился:

– Отзвонись сразу, как уйдешь от него. И прямо завтра поедешь домой.

– Заботаешься... Значит, любишь?

Шилов сделал вид, что не расслышал. На улице, открывая машину, посмотрел на окна квартиры Тигренка.

Она грустно смотрела на него из окна комнаты.

Роману захотелось все отменить. Вернуться, забрать к чертовой матери фумигатор и выслать ее из города прямо сегодня. Пусть живет у родителей и не возвращается, пока он не разрешит.

Может, он так бы и сделал. Но позвонил Сапожников:

- Жену Шахида убили.
- Что?
- Ее Пашка Арнаутов нашел. В квартире.
- Я сейчас буду.

Выключив телефон, Шилов посмотрел вверх. Тигренка у окна не было. Она только что отошла – тюлевая занавеска, которую она поднимала, когда смотрела во двор, на глазах Шилова плавно опустилась на место.

Недолго поколебавшись, он сел в машину.

Саблин доложил генералу Крюкову о об итогах внеочередной встречи с Кальяном.

Крюков долго размышлял, откинувшись в кресле и прикрыв глаза.

Саблин ждал. Всю дорогу из гостиницы в Управление он думал, как поступить. С одной стороны, ради того чтобы нахлобучить тонну таджикского героя, следовало оберегать Кальяна от проблем с МВД и обеспечить ему режим наибольшего благоприятствования в сборе информации. По крайней мере до того момента, пока операция не закончится. Потом можно будет и посмотреть, что к чему, но до тех пор Кальян должен быть жив, здоров и на воле. С другой стороны, сколько еще темных историй, вроде этого похищения Кочешвили, может всплыть в ближайшее время? И что, всякий раз бросаться и закрывать Кальяна грудью? Конечно, отношения с любым серьезным информатором строятся на взаимных уступках и обоюдовыгодном интересе. Иначе ценную информацию не получишь. Но все имеет границы. Если завтра Кальян признается, что убил и изнасиловал сто пятьдесят человек – его опять придется отмазывать?

В самом начале сотрудничества Саблин лично объяснял Кальяну условия: вот в этом мы тебе помогаем, а вот эти свои проблемы будь добр решать самостоятельно. Кальян согласился. Тогда согласился, но позже потихоньку-помаленьку стало так получаться, что это не госбезопасность его использует, а он имеет крышу госбезопасности и вертит свои дела, не слишком придерживаясь договоренностей. Пора бы его слегка приструнить, чтоб знал меру.

Но – целая тонна...

Саблин давно не обольщался насчет своих оперативных способностей и знал, что второго осведомителя такого уровня, как Кальян, он больше в жизни не завербует.

Крюкову скоро идти на повышение. В случае удачного завершения операции с героинем Саблин может претендовать на его место. В случае неудачного на дальнейшей карьере можно будет нарисовать жирный крест. Его, конечно, не сошлют в Забайкалье и не выпрут на пенсию. Нет, он сохранит свою должность. Но без каких-

либо перспектив в плане роста, так что через два года на пенсию все же придется уйти, пополнив армию бывших комитетчиков и ментов, окопавшихся в службах безопасности частных фирм. Сладкие места давно расхватали, так что если не обладаешь выдающимися способностями и не имеешь влиятельных связей, далеко не продвинешься.

Всю дорогу эти мысли вертелись у Саблина в голове, пока не оформился вывод, равно очевидный и неприятный. Вывод был прост, и обидно, что на него ушло столько времени.

Как ни прискорбно это признать, а дальнейшая судьба Саблина неразрывно связана с нынешним состоянием дел Кальяна. Если менты Кальяна сильно прижмут, ценный груз может выйти из-под контроля, и тогда... Дело не в Кальяне, дело в нем, подполковнике Саблине. На одной чаше весов его будущее, на другой – какой-то мутный грузин и известный своей дуростью убоповский Дровосек. Вот и все.

О результате встречи с Кальяном Саблин доложил генералу, слегка подкорректировав в выгодном для себя направлении. И решение генерала оказалось таким, какое Саблин и ждал:

- Что ж... Конечно, коррупция в органах МВД не является профилем нашей службы, но уровень... Москва будет довольна.

- Я думаю, пора напомнить милиции о прежних временах, – поддакнул Саблин, скрывая внутреннее торжество.

- Только аккуратно. Через их УСБ. Все-таки тема скользкая. В случае провала неумно портить отношения с УБОПом. К тому же не хочу отрывать вас от основной тематики. Как там наш «литерный» поезд? Все идет по плану?

- Так точно, товарищ генерал. Ситуация под контролем.

– Сломаны шейные позвонки, – сказал судебно-медицинский эксперт, закончив предварительный осмотр трупa Натальи Шеховцовой. – Больше никаких повреждений. Не дралась, не сопротивлялась.

Труп лежал на спине, в комнате у окна. Черная юбка, темная блузка. Могла в этой одежде и дома ходить, могла куда-то собираться. Со слов Паши Арнаутова выходило, что, когда он приехал, дверь квартиры была приоткрыта. Он вошел – и увидел. Она еще не остыла, и он не сразу понял, что перед ним труп. Порядок в квартире не был нарушен, и на первый взгляд ничего не пропало. Получается, она самапустила кого-то, кого совсем не боялась, а этот кто-то одним ударом прикончил ее и смылся незадолго до Пашиного появления.

– Роман Георгиевич... – Сапожников отозвал Шилова в сторону, где их разговор не могли бы услышать. – Интересное дело, начальник: стоило этому уроду на «уличной» сказать, что Шахид всем делился с женой, как ее убили.

– А кто был на «уличной»?

– Следак, техник с видеокамерой, арнаутовские почти все, я, ну и злодей. Ушел только Паша.

– Что медик сказал о времени смерти?

– Затрудняется. В квартире тепло, да она еще и лежит около батареи. От двух до пяти часов назад.

Роман посмотрел на Арнаутова-младшего, который сидел в кресле у дверей комнаты и, сжав кулаки, наблюдал за работой оперативно-следственной группы. Примерно два часа назад Паша как раз и приехал в квартиру.

– Сам завалил и сам вызвал? А перед этим с «уличной» смылся? Он не гоблин, чтобы так подставляться. Кто-то кому-то звонил... Кто звонил с мобильного?

– Кто угодно мог позвонить, мы там все время переходили с места на место.

– Тогда всех – в список подозреваемых.

– И следака?

– Не зарывайся, мы с Голицыным убийства раскрывали, когда ты еще в садике водку пил. Ладно, оставайся здесь до конца, а я поеду в отдел.

Шилов направился к выходу. Когда проходил мимо Паши, тот, не поднимая головы, глухо сказал:

– Это не я, Роман Георгиевич. Если вы вдруг подумали.

Шилов остановился:

– Верю. Какие мысли?

– Пока только матерные. А у вас?

– А вот мне матом думать воспитание не позволяет... – Шилов достал из кармана зазвонивший телефон. – Да. Что? В какой больнице? Жди, сейчас буду!

Егоров встретил Романа в коридоре возле палаты.

– Как он? – Шилов кивнул на закрытую дверь.

– Спит.

– Ты говорил с ним?

– Да. Трое встретили на выходе от девчонки. Вырубили с первого удара. Ни ствола, ни ксивы, ни денег...

– Под разбойников косили? – Шилов сунул в рот сигарету.

– Это вояки, Рома. Здесь не курят... – Егоров отобрал у него сигарету. – От шпаны бы Леня отбился.

– И где сейчас эта солдатка?

– Утром отправлена в командировку на Урал.

– Красиво...

– Ага. Что, будем брать часть штурмом?

– Нет. Будем искать одного гениального минера.

– И взорвем все к чертовой матери?

– Взрывать погодим. Мы через него на остальных сможем выйти.

– Жаль. Я бы взорвал.

Шилов заглянул в палату. Василевский спал, до подбородка укрытый одеялом. Голова была забинтована, на лбу повязка покраснела от крови. Когда поправится, объясняться по поводу утраты ксивы и пистолета придется очень серьезно. Большое начальство, как правило, плохо верит в истории с нападениями, всегда подозревая, что сотрудник по пьяни все потерял, а теперь неумело отмазывается. Так что на фоне московской проверки спрос с Василевского учинят строгий. Хорошо, если отделается только дисциплинарным

взысканием. А то запросто могут уволить, прецедентов хватает... Ладно, лишь бы поправился.

Роман повернулся к Егорову:

– На всякий случай организуй Леньке охрану. А к этой части пока больше не суйся.

Джексон жил в коммуналке на Васильевском острове.

Пожилая соседка, впустив Романа в квартиру, покосилась на бутылку пива в его руках и со вздохом предупредила:

– Вы поаккуратнее с ним.

– Постараюсь. Если что, милицию вызывайте.

– Пробовали уже как-то, – соседка поторопилась уйти к себе и заперла дверь.

Комната Джексона была оформлена в стиле «милитари». К потолку были подвешены модели самолетов, стены украшали репродукции на батальную тему, полки забиты книгами на военно-историческую тематику.

Шилов ожидал увидеть бардак, соответствующий двухдневному загулу: позавчера Джексон побуянил на Торжковской, где погиб Шахид, вчера на работу не вышел, но зато вечером приперся в прокуратуру и, по слухам, после отъезда Романа выжрал у Кожуриной все запасы спиртного и требовал продолжить банкет. Голицын его как-то успокоил, однако вместо дома Джексон отправился в ближайший кабак, где в пять утра затеял разборки с нарядом патрульно-постовой службы, вызванным барменом, чтобы выставить скандального клиента. Шилов ожидал увидеть бардак, однако в комнате ничего такого страшного не наблюдалось, разве что вдоль стены выстроилась батарея разнообразных бутылок.

Джексон лежал на диване лицом к двери. При появлении Шилова перевернулся на другой бок и с головой укрылся одеялом.

– Чувствуешь, как мне стыдно?

– Конечно. Аж стены от твоего стыда трясутся. Пиво будешь?

– Пиво? – Джексон высунул голову и недоверчиво посмотрел на бутылку, которую держал в руке Роман. – Пиво буду.

Джексон выудил откуда-то из-под подушки «макаров» и привычным движением сорвал мушкой пробку, после чего в два приема опорожнил бутылку, сопровождая поглощение пива громким устрашающим бульканьем.

Поставив бутылку на пол, он приложил ко лбу пистолет:

– Ты извини меня. Подвел тебя, да?

– Ладно, проехали.

– Я сегодня оклемаюсь, и завтра уже на работу.

– А вот этого не надо. Продолжать запой.

– Чего? – Джексон сел, продолжая прижимать ко лбу пистолет.

– Засиделся ты в ментах. Пора в бандиты переквалифицироваться.

– Та-а-ак, интересно. И куда конкретно?

– К Кальяну. Ты афганец, он афганец – глядишь, и споешься.

– В Афганистане, в «черном тюльпане», с водкой в стакане мы молча плывем над землей... Меня наградят? Хотя бы посмертно? Ладно, ничего не говори. Я все понял.

Вечером в дверь квартиры Арнаутова позвонила неизвестная женщина:

– Николай Иванович? Здравствуйте.

– Если вы к Павлу, то его нет.

Женщина улыбнулась:

– Не страшно. Меня зовут Нина. У меня сегодня друзья прилетели из Нью-Йорка, привезли посылку от вашей супруги.

– У меня нет супруги, – ответил Николай Иваныч с каменным лицом. – Так что ничего не надо. Всего доброго.

– Подождите! Это для Павла, лекарства, – Нина продемонстрировала аккуратный сверток, размерами и формой напоминающий большую книгу.

– Он не живет здесь.

– Ну так передайте ему. Что я буду туда-сюда бегать! Еще отец называется...

– Какой есть. – Арнаутлов взял посылку. – Спасибо.

Женщина пошла к лифту, Николай Иванович закрыл дверь.

Повертел сверток, рассматривая. На лицевой стороне были какие-то наклейки с надписями по-английски и медицинскими символами: красный крест, изогнувшаяся вокруг чаши змея. Под плотной бумагой чувствовалось что-то твердое, напоминающее коробку. Лекарства? Уехав в Америку, бывшая жена никогда и ничего не присылала. Но позванивала регулярно. Арнаутлов старался с ней не общаться, предоставив эту честь сыну. Пашка даже как-то обмолвился, что мать приглашает к себе погостить. Так что про травмы, полученные сыном в прошлом году, она, конечно же, знала. Только чего столько времени тянула с этой посылкой? Оказии не было?

Пожав плечами, Арнаутлов положил сверток в прихожей.

С утра Саблин привез Прапора и его жену Нину к начальнику милицейского УСБ Ткачеву.

Прапор все больше помалкивал, глядя в пол и нервно потирая руки. Нина играла роль так же уверенно, как это делала и накануне, когда принесла Арнаутову «посылку» от бывшей жены.

Саблин старался в разговор не вступать. Стоял посреди кабинета, заложив руки за спину, и поглядывал то на Ткачева, сидевшего за столом, то на парочку заявителей, примостившихся на стульях у стены. Ход беседы настораживал подполковника. Он ожидал большего понимания от Ткачева. Начальник УСБ недавно назначен, ему надо себя проявить, и тут такой королевский подарок, просто бери и реализуйся – это первое. И с милицейским главком все согласовано, Крюков лично звонил – это второе. Чего ж тогда цепляться к мелочам и гипнотизировать заявителей недоверчивым взглядом?

– ... Когда Мишу... то есть мужа арестовали, я совсем растерялась, – говорила Нина. – А потом он позвонил.

– Арнаутов?

– Я не знаю его фамилии. Он сказал, что его зовут Николай Иванович. И сказал, что за десять тысяч он может это дело закрыть. Ну вот, я заложила дом и повезла ему деньги.

– Когда?

– Во вторник.

– Куда?

– На квартиру. Он мне адрес сказал. А потом, когда суд Мишу отпустил на подписку, мы с Мишей поняли, что все это обман...

Саблин был уверен, что суд освободил прапорщика из-за каких-нибудь технических огрехов в материалах уголовного дела и что Арнаутов волосы на себе рвал, узнав об этом решении.

Либо же Кальян по своим каналам сумел договориться с судьей. По большому счету, это неважно. Как неважно и то, давали Арнаутову какие-то деньги или все это выдумка от начала и до конца. Важно, что пока УСБ разбирается, Железный Дровосек снизит активность, и тысяча килограммов героина – совершенно небывалый улов! –

спокойно прибудет в Санкт-Петербург, прямо в руки засады, которую он, Саблин, не преминет лично возглавить.

– ... мы с Мишей поняли, что это обман, – говорила жена Прапора Нина, промокая платочком слезу. – А как же мы теперь деньги-то отдавать будем?

– А раньше? Раньше как собирались?

– Что собирались? – Нина в недоумении подняла брови.

– Как вы собирались отдавать деньги, если бы Арнауты вас не обманули? Вы, между прочим, ничтоже сумняшеся, дали взятку.

Нина растерялась и посмотрела на Саблина. Мысленно вздохнув, он поспешил на помощь:

– Сергей Константинович! Насколько я помню, заявивший взяткодатель освобождается от уголовной ответственности. Подождите в коридорчике. – Последнее адресовалась Нине с Прапором. Когда они вышли, Саблин продолжил: – Ну зачем же так, Сергей Константинович? С главком все согласовано, и следователь ждет. В чем проблема?

– У меня вызывают сомнения заявители.

– Нет проблем. Заодно и их слова проверим.

– А если бы к вам домой пришли с обыском?

Саблин жестко улыбнулся:

– Издержки профессии.

– Вот мы на профессионалах и поиздержались. При таком к ним отношении скоро вообще ни одного не останется.

– Боюсь, Сергей Константинович, что я не понимаю вашей позиции. Категорически не понимаю. Видимо, мне следует позвонить своему руководству?

Ткачев знал, что будет после такого звонка. Сверху поступит команда немедленно реагировать, дело возьмут на контроль и станут постоянно требовать отчета. Получится, как в старом анекдоте: то ли Арнауты шубу украли, то ли у него шубу сперли, но он все равно виноват.

– Ладно, поехали, – Ткачев встал из-за стола.

Вика позвонила Роману на «трубку», когда он еще ехал на работу:

– Я все сделала.

– Молодец. Он не заметил?

– Нет.

– Где поставила? В комнате?

– Там больше и негде.

– Спасибо. Теперь тебе нужно уехать. С самолетом я...

– Не надо. У меня два земляка домой едут, на машине. Хорошие ребята.

– Что за ребята?

– Мы в школе вместе учились. Один художник, второй бизнесом занимается. Тимофей и Марат. Они почти каждый год ездят, и меня всегда с собой звали.

– И когда?

– Завтра, прямо с утра.

Шилов подумал: лучше бы сегодня, но в принципе завтра утром тоже еще не поздно. Что хорошо – Бажанов не сможет проследить ее маршрут и перехватить в дороге. А пока она едет в Улан-Удэ – это, наверное, займет не меньше недели – станет ясно, нужно ей дальше прятаться, или ее не раскрыли.

– Хорошо, – сказал Шилов. – Только звони обязательно. И с дороги, и когда домой приедешь.

– Позвоню. – Тигренок улыбнулась. – Пока!

Быстро проведя утренний инструктаж, Шилов отправился к знакомому хозяину автосервиса и одолжил у него машину. Это была старая «девятка», купленная ремонтниками для разборки на запчасти. Что-то с нее они уже сняли, но до Благодатной она как-то доехала, и Роман, определив расположение квартиры Бажанова – третий этаж в подъезде налево от арки, – поставил машину так, чтобы она не бросалась в глаза, но при этом находилась в зоне уверенного действия слабосильного передатчика из фумигатора. Глупо будет, если машину угонят. Хотя кто на нее позарится? Самая ценная вещь в ней – это цифровой диктофон. Вот его, конечно, могут помылить. Если найдут:

Роман подключил его не к гнезду прикуривателя, а к проводам под торпедой, и замаскировал всяким хламом, которым в изобилии был наполнен багажник.

Напротив зала игровых автоматов стоял «Мерседес». Не новый, предыдущего поколения, но очень приличный. В тонированных стеклах искаженно отражались дома и прохожие, на передней стойке в кабине мигал светодиод сигнализации.

Скрябин подошел, сильно дернул за ручку двери. Сигнализация заорала. Почти тотчас же из игровых автоматов выскочил лысоватый полный мужик – тот самый администратор. Стас уже успел пробить его полные данные: Лемехов Александр Павлович, шестьдесят пятого года рождения, прописан в Приморском районе, не судим... А наблюдение со стороны – Скрябин почти час просидел за автоматом, безуспешно скармливая ему жетон за жетоном и глядя, как администратор вальяжно ходит по залу и общается со знакомыми игроками, – показало, что вызывать его на допрос и взыскать к гражданскому долгу бессмысленно. Испугается и ничего не скажет. Или не испугается, но, один черт, промолчит. Просто из принципа.

– Ты что, сука, делаешь? – Лемехов перебежал через дорогу и подскочил к Стасу, замахиваясь кулаком.

Скрябин развернулся навстречу и ткнул стволом пистолета в дряблый живот администратора:

– Тихо, братан, тихо. Машину открой. Быстренько.

Лемехов растерянно посмотрел на пистолет и нашарил в кармане пиджака ключи от машины. Скрябин немного посторонился, подпуская Лемехова к двери, но при этом держась вплотную, чтобы прохожие не видели пистолета. Лемехов с брелка отключил сигнализацию. Сирена замолкла, щелкнул, срабатывая, центральный замок.

– Садись, – приказал Скрябин.

Лемехов тяжело опустился на сиденье машины. Скрябин достал наручники, приковал администратора за одну руку к рулю, потом обежал «Мерседес» спереди и занял пассажирское место.

– Приплыли, Саня!

– А вы кто?

– Майор Чернов, спецотдел по борьбе с терроризмом. Ох, и сядешь ты теперь у меня, Саня, лет на двадцать.

– Это за что?

– За связи с «Аль-Каидой».

Лемехов нервно захохотал, дергая прикованной рукой и оглядываясь по сторонам:

– Это что, розыгрыш? Скрытая камера?

– Камера у тебя будет закрытая, общая. Друзей надо выбирать аккуратнее, Саня.

Администратор перестал смеяться и вертеть головой в поисках съемочной группы. Наморщив лоб, уставился в одну точку. Задвигал толстыми губами, видимо, беззвучно перечисляя самых ненадежных товарищей.

Скрябин ему помог:

– Засветился ты, Санек, с одноглазым, – и показал фоторобот.

Вид казенной бумаги со штампом «Экспертно-криминалистическое управление ГУВД...», перечислением примет взрывника и примечанием мелким шрифтом: «При задержании преступника сообщить по телефону...» – убедил Лемехова лучше любых других доказательств.

– Я так и знал, что этот гад что-нибудь натворит! – В голосе администратора слышалось облегчение.

– А ты, значит, не при делах?

– Да откуда я?... Какое «при делах»! Он в прошлом году случайно зашел. Мы в одном классе учились, а потом лет двадцать не виделись.

– С кем?

– С Толяном этим.

– Полностью фамилия, имя, отчество.

– Грибов Анатолий, отчества не знаю.

– Номер школы?

Лемехов с трудом вспомнил:

– Эта, как же ее? Уй, ё-ё... Сто тридцать шесть!

– Под какими кличками его знаешь?

– Ну, Румын. Еще Поджига. Да снимите вы наручники, ей-богу, неудобно же!

– Почему Румын? Почему Поджига?

– Румыном звали, потому что он в Бухаресте родился, у него отец там служил. А Поджигой прозвали потому, что он хотел стул химичке взорвать. Что-то сделал не так, и только загорелось.

– Зато потом взрывалось удачно. Хочешь сказать, ты не знаешь?

– Нет, не знаю, честно, – Лемехов прижал к груди растопыренную пятерню.

– Что, и на руки его не смотрел?

– Он сказал, что взрывником на севере работает.

– Работает на севере, а к тебе играть приезжает?

– Так командировки. Туда, сюда... Он так говорил.

– Когда он последний раз приходил?

– Позавчера. Посидел чуть-чуть, рублей пятьсот проиграл и ушел.

– Сейчас, значит, в городе?

– Да, вроде, должен быть. Обещал на днях опять появиться. А он что, правда, с арабами связался?

– Адрес у него какой? Телефон?

– Да откуда я...

– Что, не выпивали никогда вместе?

– Почему? Здесь бар есть поблизости. Иногда бухали...

– А как у него с бабами?

– Их у него море. Я так понимаю, он у них живет. То у одной, то у другой. Если деньги есть, то бабы любят.

– Кого-нибудь знаешь?

– Он их сюда не приводит. Правда, одной как-то песенку заказал. Это как раз позавчера было, когда он приходил. Шел концерт по заявкам. Он позвонил и сказал, что в день рождения любимой хотел бы заказать песенку «Александра». А потом позвонил этой девахе и сказал: «Санька, включай „Эльдорадио“, там для тебя подарочек будет». Я, кстати, могу вам адрес этой девахи дать.

– Та-а-а-ак... Откуда взял?

– У нас здесь один пацанчик играет из агентства недвижимости. Так вот Толька квартиру для этой девчонки через него снял. Я могу узнать.

– Иди, узнавай.

– Так пацанчик-то вечером только придет. Он после работы играет.

– Когда узнаешь – позвонишь. – Стас вырвал из блокнота на торпедке машины листок, нацарапал номер «трубы». – Если придет Румын – тоже позвонишь. Будет неудобно говорить – спросишь про запчасти для своего «Мерседеса». Все понял?

– Все. – Лемехов спрятал бумажку.

– И не вздумай валять дурака. У нас приказ с террористами не церемониться. Если что – снайпер просто завалит тебя с твоим корешом, вот и вся песня.

Скрябин расстегнул наручники. Потирая запястье, Лемехов наклонился к лобовому стеклу, высматривая спрятавшихся на крышах домов снайперов.

Закрывшись в кабинете, Шилов и Джексон обговаривали последние детали.

– Вот тебе «Лексус» на всякий случай, не потеряй, – Роман положил на стол брелок с радиомаяком, подаренный Нео. – Жми кнопку, и мы примчимся на помощь.

– Если успеете. – Джексон подбросил брелок на ладони. – Кто еще будет в курсе?

– Стасу скажу.

– А Громов?

– Не знаю. Не уверен.

– Нет уж, ты ему, пожалуйста, скажи. А то вас где-нибудь грохнут, а меня потом реально уволят за пьянку.

– Да ладно, за участие в банде Кальяна ты одним увольнением не отделаешься.

– Спокуха, героев не убивают.

– Да, их только увольняют и сажают... – Романа прервал звонок телефона. Это была Юля:

– Ты на работе?

– А где же еще?

– Ты опять утром ушел, ничего не сказав.

– Ты спала. Не хотелось будить.

– Ты это каждый день говоришь.

Шилов сильнее сжал трубку:

– Я сейчас занят. Ты просто так звонишь?

– Ты всегда занят.

– Слушай, давай не будем сейчас выяснять отношения, хорошо?

– Рома, тебе не кажется, что мы живем как-то не так?

– Кажется. – Шилов покосился на Джексона. Тот сидел, закинув ногу на ногу и глядя в потолок, всем видом показывая, что чужие семейные дразги его не интересуют. – Кажется, только давай об этом как-нибудь в другой раз поговорим. Хорошо?

– Хорошо, – неожиданно легко сдалась Юля, и Шилону показалось, что между ними что-то оборвалось. – Я после работы

встречусь с Наташкой.

– Мне казалось, что вы вместе работаете.

– Она давно ушла в другую фирму, и ты это знаешь.

Роман этого не знал. Вернее, забыл.

– Передавай ей привет.

– Обязательно. – Юля повесила свою трубку, а Шилов, пробормотав: «Вот и поговорили», – бросил на аппарат свою. Трубка легла неровно, по кабинету понеслись короткие гудки. Шилов поправил ее и посмотрел на Джексона:

– Ну что, вперед?..

Джексон встал, размял плечи и шею. Вздохнул:

– Эх, тяжело дурить своих.

Шилов подмигнул:

– Давай.

Джексон набрал в легкие воздуха и заорал в полный голос:

– Да пошел ты на хрен! Командиров развелось, как вшей в окопах! Без тебя обойдусь! Тоже мне, воспитатель хренов нашелся!

Вошел Стас. Вошел и замер у двери, удивленно глядя на распоясавшегося Джексона.

Джексон его оттолкнул и вышел в коридор, громыхнув дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка.

Шилов с непроницаемым видом продолжал сидеть за столом.

– Начальник плавно выдавливая из себя опера, – прокомментировал увиденное Стас. – Теряем своих.

– Воспитателей, и правда, многовато. Что по Румыну?

– Есть имя, фамилия и номер школы, которую он заканчивал. Я все передал Оле, она собирает информацию. Возможно, к вечеру будет адрес его бабы.

Шилов стукнул кулаком по столу:

– Звиздец котенку! Молодца!

– Чего на Женьку взъелся? Сам же знаешь, что после такого загула он потом полгода пашет, не разгибаясь.

– Садись и слушай.

В коридоре Сапожников с Ольгой успокаивали Джексона:

– Не кипятись, он не серьезно, он в запале.

– Да не выгонит тебя Роман Георгиевич после стольких лет...

Джексон успокаиваться не желал:

– Клал он на все эти годы с прибором! Счастливо оставаться. Пишите письма!

Джексон потопал по коридору к лестнице. Навстречу ему попался майор из управления кадров. Сжимая подмышкой папку, майор растерянно посторонился. С особой ненавистью, питаемой фронтовиками к тыловым крысам, Джексон толкнул его плечом и, прошипев:

– В следующий раз раздавлю, – ушел из отдела.

– Растешь, Рома, – прокомментировал Скрябин. – Людей внедряешь направо и налево.

– Чего ты иронизируешь? Я тебе разве для этого все рассказал?

– Спасибо за доверие. Теперь и я должен волноваться, где Джексона похоронят?

– Стас, что ты хочешь от меня? – Шилов начал говорить спокойно, но постепенно завелся. – Что ты колешь меня все время? Ну погиб Серега. Что мне теперь, застрелиться? Тебе легче от этого будет? Давай!

Роман выдернул из плечевой кобуры и бросил на стол пистолет. Несколько секунд они оба смотрели на хромированную «беретту», потом Скрябин опустил голову, а Роман встал и возбужденно заходил по кабинету.

– Ты знаешь, у меня, наверное, с башкой что-то. Говорю не то, что хочу. – Скрябин посмотрел на Романа и невесело усмехнулся. – Злость какая-то рвется... Чувствую, что не прав, а все равно продолжаю.

– Наверное, головой ударился, когда падал с лестницы.

– Наверное...

Они помолчали, успокаиваясь. Наконец Роман сел за стол, воткнул пистолет в кобуру.

– Чего делать-то будем? – спросил Стас.

– Воевать со спецназом, копать под генерала Бажанова, искать супервзрывника и выявлять агента Кальяна в отделе у Арнаутова.

– Ты уже в курсе, что Арнаутова сегодня повязали на взятке?

– Пашку, что ли?

– Какого Пашку? Дровосека!

– Чего?

– На него заявили, что он обещал за деньги устроить прекращение дела. А при обыске дома нашли десять тонн баксов. Номера купюр

совпадают с теми, которые были выданы банком под залог дома.

— И что он сам говорит?

— Что какая-то баба принесла посылку, якобы от бывшей жены из Америки с лекарствами для сына. Он бандероль не вскрывал, как положил в коридоре, так она и пролежала до обыска. В ней деньги и были. Сейчас большие боссы решают, арестовывать его или только на двое суток закрыть. Громов к прокурору поехал. Вот такие дела... Не все нам с тобой, Рома, в оборотнях ходить.

Громов разговаривал с прокурором.

Прокурор был настроен вполне благодушно. Расстегнув китель, достал из шкафа коньяк и плитку шоколада, наполнил стопки. По сравнению с ним Громов выглядел очень скованным. Его должность подразумевала необходимость уметь маневрировать и договариваться по проблемам, но он так и не научился делать этого с легкостью, присущей большинству руководителей его ранга. И каждый раз, когда приходилось просить за своих, он чувствовал внутреннюю неуверенность, словно занимался чем-то постыдным.

Выпили по второй стопке, и прокурор, закуривая, спросил:

– Что делать будем, Юрий Сергеевич?

– Это ваша епархия, Владимир Николаевич. Здесь я вам не советчик. Разве что проситель...

– Московская проверка еще не закончилась?

– То-то и оно. Хотя бы избежать лишней огласки... Если пресса пронюхает, Бажанову придется реагировать по-другому.

– Боюсь, что без прессы не обойдется. УСБ точно сольет информацию, это их успех. Причем первый заметный успех при новом начальнике. Ткачев производит впечатление здравомыслящего профессионала и не карьериста, но кто знает, почему его перевели сюда из Москвы? Ведь для него этот перевод – понижение, я правильно понимаю? И он, возможно, хочет реабилитироваться.

– Скорее, равнозначная должность. А перевели его из-за того, что он там, в Москве, слишком высоко замахнулся. Подробностей, конечно, не знаю, но общая картина примерно такая. А что касается успеха, то история с душком, и еще неизвестно, что покажет следствие.

– Разберемся тщательно, это я вам обещаю. – Прокурор непринужденно наполнил стопки и разломал толстую шоколадную плитку с орехами. – Но сейчас Арнаутова задерживать надо. Все основания: и заявители прямо указывают на него, и в его квартире обнаружены следы преступления.

Громов посмотрел в пол, осторожно хрустнул суставами пальцев.

Прокурор, откинувшись на спинку кресла и держа двумя пальцами кусок шоколада, ждал ответа.

– Все-таки начальник отдела, с хорошей репутацией, – сказал Громов. – Не сбежит, влиять на ход следствия не будет. Готов за него поручиться.

– Не хотел говорить, Юрий Сергеевич, но мне уже сегодня звонили с противоположной просьбой. И говорили, что если Арнаутова не закрыть, то он обязательно попытается воздействовать на свидетелей. Причем воздействовать в своем стиле, самыми жесткими методами.

– Это кто ж на Арнаутова такой зуб имеет?

– Зуб? Там целая челюсть. И не одна... Ладно, в конце концов у нас есть следователь, фигура процессуально независимая. Я думаю, следует узнать его мнение. – Прокурор повернулся к селектору, нажал кнопку: – Голицын, через пять минут зайдите ко мне.

После этого прокурор поднял стопку:

– Что ж, давайте, Юрий Сергеевич. За, так сказать, законность и справедливость.

– За то, чтобы эти понятия совпадали, – безнадежно дополнил начальник уголовного розыска.

Они выпили, и прокурор убрал бутылку и стопки. Шоколад остался лежать на столе, ярко блестя фольгой упаковки.

Когда раздался короткий стук в дверь, прокурор крикнул: «Войдите» и зачем-то пояснил Громову:

– Это Голицын.

Но вместо следователя вошел Шилов:

– Можно на пару слов?

Прокурор удивленно кивнул.

Стоя посреди кабинета и держа руки в карманах кожаного плаща, Роман на одном дыхании произнес:

– Арнаутов – мой враг. Потому что тупой. Но он не предатель. Мне на него наплевать, но в его честности я не сомневаюсь. Если его закроют, то выиграют только те, против кого мы должны бороться. Давайте хоть один раз не доставим им этого удовольствия. До свидания!

Шилов вышел, не видя, как недоуменно переглядываются руководители.

В просторном предбаннике прокурорского кабинета он столкнулся с Голицыным.

– Ты-то здесь как? – спросил Юра. – Вызвали, что ли?

– Сам пришел.

– А меня вот на толковище позвали. Знаешь что? Подожди меня, я, наверное, быстро освобожусь.

– Не хочется здесь отсвечивать лишний раз. Мы со Стасом тебя на улице подождем. Помнишь кабачок, где мы тогда...

– В подвале-то? Помню, конечно. Давай там. Если застряну, то позвоню.

Они разошлись.

Скрябин ждал Шилова в коридоре. Кроме Стаса, там были Лютый, Молчун, Топорков, Паша. Отдельно, под наблюдением двух уэсбэшников, сидел Арнаут. Вид у него был совершенно потерянный: система, которой он долгие годы так рьяно служил, повернулась к нему новым лицом. Даже не лицом, а... Все напряженно молчали.

– Пошли, – сказал Шилов, и, сопровождаемые пристальными взглядами арнаутовских, они со Стасом направились к лестнице.

– Как там?

– Выступил, – Роман устало пожал плечами. – Аплодисментов не прозвучало. Думаю, все давно решено. И Юрку сейчас позвали чисто формально, никого его мнение не волнует.

– Куда поедет? В отдел?

– Водка пить, трава валяться.

Кабачок располагался в квартале от прокуратуры и занимал длинное подвальное помещение со сводчатыми стенами из неоштукатуренного кирпича. В зале было шумно и накурено. Отдыхало сразу несколько компаний, мелькали знакомые прокурорские и милицейские лица. Отклонив поступившее от кого-то

предложение присоединиться, Шилов и Скрябин заняли столик и взяли по пиву.

– Может, все-таки водки?

– Ты опять скажи, как она просветляет и греет. Пиво, Стас, пиво.

Впереди много работы.

Не успели они выпить по кружке, как появился Голицын.

– Ну? – в один голос спросили Шилов и Стас.

Юрка ухмыльнулся:

– Твоя пламенная речь имела успех.

– Могу исполнить на бис. Что с Арнаутовым?

– На подписке. Поехал домой. А его бойцы сюда сейчас завалятся.

Я их чуть-чуть обогнал.

– Я был уверен, что Дровосека закроют, – покачал головой Шилов.

Голицын немного обиделся:

– Для этого надо было отобрать у меня дело.

– А что, если бы тебе шеф прямое указание дал, ты бы не выполнил? – прищурился Скрябин, налегая локтями на стол.

– Иди ты на хрен, Стас! Думаешь, мне таких указаний не пытались давать? А теперь вспомни, кого я закрыл против совести? Да любому дураку ясно, что Арнаут не брал. Достаточно на его квартиру взглянуть. Тоже мне, нашли взяточника!

– Ладно, парни, не ссорьтесь, – вмешался Роман. – Стас, закажи лучше пива. А ты, Юрка, не обижайся. Стас у нас головой стукнулся и иногда говорит, не подумав. А я как раз и имел в виду, что дело у тебя отберут и дадут кому-нибудь по-сговорчивее. Что, мало таких?

Голицын тоже сбавил обороты:

– Ладно, замяли. Где мое пиво?

В зал спустились Лютый, Топорков, Молчун и Паша. Подождав, пока они закажут и устроятся за столом, Шилов встал:

– Пойду, проверю одно очень популярное место.

Закрывшись в туалете, он набрал номер Джексона...

А когда вернулся за столик, к нему подошел Паша:

– Спасибо.

– Да не за что.

Крепко пожав Шилову руку, Паша вернулся к своим.

– Благородство – это красиво, – сказал ему Лютый. – Только надо было им еще пузырек выставить.

– Щас устроим, – Паша нащупал в кармане бумажник.

– А вот этого нельзя, – сказал Молчун. – У них сухой закон. Ихний Джексон загулял. Так Шилов его слил.

– А, так это тот хлопчик, который тогда на Торжковской с Шиловым мутузился? – Лютый посмотрел через плечо на Романа, Скрябина и Голицына, что-то оживленно обсуждающих.

– Нормальный опер. Зря его так, – заметил Топорков.

– Ты не понимаешь политику, – взялся объяснять Лютый. – Московская проверка работает. Надо же кого-то в жертву принести. А он сам подставился.

Время шло, зал понемногу пустел. Разминувшись на ступенях с уходившей компанией, ввалился Джексон: кепка сдвинута козырьком набок, куртка распахнута.

– Вот и жертва, – Молчун первым заметил его появление.

Пошатываясь, Джексон встал посреди зала и указал пальцем на Шилова:

– Люди добрые, посмотрите, начальство водку жрет! Само пьет, а нам не дает!

Шилов сделал вид, что не слышит, но Джексон подвалил к нему и вознамерился похлопать по щеке. Шилов отбил его руку, вскочил, и они бы сцепились, если бы Скрябин не встрял между ними. С опозданием присоединился Голицын, и кое-как их удалось растащить. Одергивая плащ, Роман сел на место, а Джексон направился к стойке и, врезав по ней кулаком, рывкнул на бармена:

– Человек, водки!

Бармен невозмутимо наполнил стограммовый стаканчик. Пригубив, Джексон огляделся и увидел арнаутовских. Его лицо расплылось в широкой улыбке.

– О! Здорово, коллеги! – Неверной походкой он подошел, по дороге подцепив свободный стул, и устроился, потеснив Пашу: – Не против? Что отмечаем? Потерю шефа?

– Слухи о нашей смерти несколько преувеличены, – ответил Лютый, передвигая свои ноги, которые чуть не отдавил Джексон.

– Херня! Система сдает своих, как последняя сука. – Джексон прикончил свою порцию и положил стакан в забитую окурками

пепельницу. Закурил и рывкнул на весь кабак: – Мир катится в жопу!

Роман обернулся. Джексон посмотрел на него, нехорошо подмигнул и продолжил:

– Если Рома Шилов приссал какого-то генерала – все, сливайте воду. Пора сваливать, пока не посадили.

Шилов начал вставать, явно намереваясь подойти к Джексону. Джексон, прищурясь, ждал этого. Но Стас и Голицын опять смогли не допустить развития скандала. Было не слышно, что они говорят, но слова возымели на Шилова действия, и они втроем, не оглядываясь, ушли из подвала.

Джексон плюнул под ноги и отвернулся.

– Может, и пора сваливать, – негромко сказал ему Лютый, – но куда ты пойдешь?

– В гору! – Джексон наклонился и приобнял Лютого за плечи. – Сила есть, стрелять умею. Стану авторитетом и начну гонять ментов. А потом вы меня шлепнете при задержании, как Шахида, и хлопнете рюмаху за помин души.

При упоминании о Шахиде Лютый дернулся и освободился от объятия Джексона, все тем же тихим голосом заметив:

– Круговорот ментов в природе.

– Как? Круговорот ментов? – Джексон расхохотался и потянулся к бутылке. – За это надо выпить!

В бутылке оставалось чуть-чуть. Джексон встряхнул ее, будто не веря, что водка могла закончиться, и заорал бармену:

– Эй, пришли еще пузырек! Мы пообсохли!

– Ты, братишка, потише, нам скандалы сейчас не нужны, – напомнил Молчун.

– Обмельчали опера, – вздохнул Джексон, опуская голову.

И тут же, ошарашив всех, выхватил пистолет и с криком: «Мне дадут сегодня водки или нет?» – выстрелил в потолок.

Все, кто были в зале, вздрогнули и обернулись. Даже телевизор вроде бы замолчал.

Паша и Лютый схватили Джексона за руки:

– Ты чего, совсем спятил? Мы же не отпишемся потом!

Глумливо хохоча, Джексон пистолет не отдал, но какое-то время позволил себя подержать. Потом, дернув плечами, высвободился и спрятал пушку под куртку.

– Шел бы ты отсюда, – сказал ему Лютый.

– Угрожаешь?

– Просто советую.

– Ну и уйду я от вас. – Джексон встал, уронив стул.

– Куда ты такой? – спросил Паша, которого выходка Джексона достала меньше других.

Джексон сделал серьезное лицо, наклонился через стол к Паше и оглушительно заорал:

– Куда надо!!!

Шилов, Голицын и Скрябин собирались садиться в машину, когда из кабака долетел приглушенный дверьми, но очень характерный хлопок.

Голицын встрепенулся, неуверенно посмотрел на украшенный неоновой вывеской спуск в подвал:

– Рома, ты разве не слышал, что стреляли?

Шилов невозмутимо отключил сигнализацию и открыл дверь «Фольксвагена»:

– Я не Саид, чтобы все слышать.

– А если он дров наломает?

– Там арнаутовские, разберутся.

– Раньше ты к своим так не относился.

– Раньше земля была плоская и стояла на трех китах. А теперь шарик кругленький. – Роман сел за руль и закрыл дверь.

Голицын растерянно посмотрел на Стаса. Тот пожал плечами и начал обходить машину, чтобы сесть на переднее пассажирское место.

– Поеду-ка я на метро, – сказал Юра и, не прощаясь, ушел.

Роман смотрел в зеркало, как он уходит. Плохо, конечно, но с ним можно будет потом объясниться. Он поймет, почему ему сразу всего не сказали.

У Стаса прозвонил телефон.

– Алло, товарищ майор? Это Лемехов из игровых автоматов. Я узнал адрес этой девушки...

– Спасибо, Александр Павлович. Грибов не появлялся?

– Пока нет.

– Если придет – не забудьте про запчасти для «Мерседеса».

Выключив телефон, Стас посмотрел на Романа:

– Слышал?

- Слышал.
- Поехали смотреть адрес?
- Поехали. Только никакого геройства. Поводим жалом, и все. А утром закажем «наружку». Теперь он никуда от нас не денется.
- Пока только она.
- Стас, ты бы стал случайной бабе песни заказывать и квартиру снимать? Придет, падла. Вопрос времени. Меня сейчас больше Джексон волнует...

Проход в VIP-кабинет восточного ресторана Джексону преградили два амбала в черных костюмах. Вид у них был внушительный, но в деле они оказались слабы. Джексон ударил одного в челюсть, второго – локтем в солнечное сплетение. Схватил за воротники и сшиб головами. Как только он их отпустил, они рухнули на пол. У одного из пиджака вывалился пистолет. Джексон отпихнул пушку ногой и толкнул двойную дверь кабинета.

До его появления Кальян наслаждался танцем живота, который исполняла молоденькая девушка с пышными формами. Услышав шум короткой схватки, он взвел курок «ТТ» и, из-под стола нацелившись в двери, стал ждать. Испуганная девушка прижалась к стене. Восточная музыка продолжала играть.

Джексон вошел, поправляя сползшую с плеча куртку.

– Здорово, Кальян! Красиво живешь.

– Не жалуюсь.

– Угостишь незваного гостя?

– Любой гость – подарок всевышнего.

Кальян сделал знак, и танцовщица, отключив магнитофон, выскользнула из кабинета.

Джексон подсел к столу. Снял и положил рядом с собой кепку, одобрительным взглядом пробежался по бутылкам и богатым закускам.

Кальян чуть расслабился, но «ТТ» из руки не выпускал и был готов в любой момент выстрелить. Со своего места он не мог разглядеть коридор, в котором должны были находиться охранники, и с деланным спокойствием спросил:

– Как там мои джигиты? Живы?

– Прилегли отдохнуть.

– Устали, значит? Пора в отпуск отправить.

– Ты на них не сердись. Они просто на меня не рассчитывали.

– Ну что ты, братишка, тебя ведь до сих пор в Кандагаре боятся. –

Кальян положил пистолет на диван рядом с собой.

Побитые охранники с шумом ворвались в кабинет. У одного все лицо было испачкано кровью. У второго лицо было чистым, но такого землистого цвета, что он выглядел еще хуже. Оба держали в руках пистолеты и, встав за спиной Джексона, нацелились ему в спину.

Не обращая на них внимания, Джексон взял со стола гроздь винограда и, запрокинув голову, опустил ее в рот, после чего вытащил уже без ягод.

Кальян презрительно посмотрел на осрамившихся джигитов:

– Отдохнули? Форму набрали? Свободны! Потом поговорим. Раздолбай...

Охранники вышли и закрыли дверь.

– Эти точно «за речкой» не были...

– А давай выпьем за тех, кто там был, – предложил Джексон.

Не отводя с него взгляда, Кальян взял бутылку и наполнил две рюмки.

Выпили. Джексон закусил сочным люля-кебабом на палочке.

Дождавшись, пока он прожует, Кальян спросил:

– Ну и зачем ты пожаловал, мент?

– Был мент. Весь вышел. Слили меня начальнички, мать их...

Кальян недоверчиво прищурил глаза:

– Что, место ищешь?

– Так ведь рано помирать. Еще пожить охота.

– И что, готов честно на меня работать?

– А ты не хуже других. За речкой был. Может, и нашли бы общий язык.

Кальян подумал и кивнул:

– Может, найдем. А не легче тебе в ментах остаться? Я помогу.

– Стучать предлагаешь?

– Ну ты же хочешь работать на меня?

– Слушай, братишка, давай сразу договоримся. Меня мои продали, как последнюю тварь. Обидно! Но я их не продам, потому что я не тварь. По другой части – что хочешь, я могу многое. Нужен такой – бери. Не нужен – найду, куда приткнуться. – Джексон, бросив палочку от съеденного люля-кебаба, поднялся.

– Подожди, братишка. Мы что, куда-то спешим? Покурим, подумаем... – Кальян взял стоявшую рядом с ним на диване шкатулку,

откинул украшенную восточным орнаментом крышку и продемонстрировал Джексону туго набитые папиросы.

Джексон вздохнул:

– С самого дембеля нормальной «травы» не курил. Здесь сколько раз пробовал – одна параша сплошная.

– Выбирай. Вкус узнаешь. Мне из Джелалабада их присылают.

Джексон взял папиросу.

Через три часа они валялись, пьяные и обкуренные, на диване.

Со стороны могло показаться, что это два лучших друга, которые долго не виделись, а теперь спешат поделиться воспоминаниями о пережитом. Разговор был хаотичным, но определенная система просматривалась: прыгая с пятого на десятое, они регулярно возвращались к теме Афгана.

– Молчи, пацан. Ты не знаешь, что это такое: два года в яме, в собственном дерьме. Я бы мог купить свободу, нет проблем. Бери автомат и иди мочить своих. Но ты видел, чтобы я в тебя стрелял?

Кальян пихнул Джексона локтем, и Джексон подтвердил:

– Нет.

– Понял? – Зазвенел мобильник. Кальян схватил его, гаркнул: – Тридцать седьмой на связи! Понял тебя, высылаю вертушки. Что «не понял»? Держись, говорю, щас поможем огнем. В ружье!

Бросив телефон, Кальян взял пистолет. Передернул затвор, и патрон, который уже был в стволе «ТТ», улетел на ковер.

– В р-ружье!!!

Джексон, покачиваясь, оторвался от подушек и сел.

– Вот это по-нашему!

Кальян выстрелил в потолок. В закрытом помещении выстрел прозвучал оглушительно. Звякнула, улетев на стол, гильза, шибануло пороховым дымом.

В дверь влетели те же охранники. Первый смыл с лица кровь, второй порозовел, так что выглядели они почти хорошо.

– Гвардия, вперед! – скомандовал Кальян, размахивая пистолетом. – «БТР» к подъезду.

«Лэндкрузером» управлял один из охранников. Ехали быстро, но все равно долго. Кальян и Джексон сидели сзади и дремали, склонившись головами на грудь друг другу.

Остановив машину, охранник обернулся и нерешительно позвал:

– Федор Аркадьевич! Федор Аркадьевич, мы приехали.

Кальян сразу открыл глаза, глянул в окно и растолкал Джексона:

– Десантируемся. Первый пошел... – Кальян открыл дверь и свесил ноги из высокой машины. – Второй пошел.

Джексон вылез, потянулся. Они стояли на темной улице с плохим асфальтом. Вокруг были деревянные домики дачного типа. То ли еще городская окраина, то ли уже загородный поселок. Тихо, только где-то невдалеке лает собака да постукивает колесами торопящийся поезд.

Кальян подошел к калитке в одном из протянувшихся вдоль дороги заборов. Посмотрел на дом, в котором тускло светило одно окно. Удовлетворенно кивнул и крикнул водителю:

– Боец, бабки принеси!

Водитель притащил «дипломат».

– Свободен. – Кальян отправил парня обратно в машину и подозвал Джексона, а когда тот подошел, молча протянул ему пистолет с самодельным глушителем.

– Засада? – Джексон не торопился брать оружие в руки.

– Не, не думаю, – отмахнулся Кальян, и стало заметно, что он намного трезвее, чем должен был быть. Как будто не пил и не курил столько... – Просто завали его, и все. Пальцы гнул красиво, теперь на деле покажи.

– Проверяешь?

– А ты бы на моем месте не стал?

Джексон взял пистолет. Это был «ТТ», но не тот, из которого Кальян шмалял в потолок. Значит, у Кальяна при себе еще одна пушка.

Распахнув калитку, Кальян беззаботно зашел на участок, сжимая под мышкой «дипломат» с деньгами... Хотя какие там деньги? Нет ничего, это просто обстава, призванная ввести в заблуждение жертву.

Джексону показалось, что занавеска на одном из темных окон шевельнулась. Кто-то, находящийся в доме, наблюдал за гостями.

Кто этот человек? За что его?..

А может, пистолет заряжен холостыми и, как только Джексон проявит готовность стрелять по указанной цели, Кальян рассмеется и, хлопнув его по плечу, скажет, что теперь полностью ему доверяет?

Да нет, не похоже. Патроны реальные. Как и мишень.

Браво, Джексон! Внедрение прошло на ура. Кто еще удостаивался чести через пять часов после оформления на работу исполнить заказ?

Такими темпами ты пойдешь далеко. Если, конечно, доживешь до утра...

Что делать?

А что делать, если есть только два варианта, один хуже другого.

Впрочем, нет, есть еще третий. Изобразить, например, сердечный приступ. Или потерю сознания на почве злоупотребления алкоголем и анашой. Перспективный вариант, очень. Кальян распереживается, что так нагрузил человека, и в качестве компенсации напишет явку с повинной по всем своим эпизодам.

Все, пришли. Минута для размышления кончилась.

Кальян постучал в дверь и резво отвалил в сторону, прижавшись к дощатой стене.

Дверь беззвучно открылась, и в падающем из комнаты тусклом свете Джексон увидел фигуру мужчины.

У мужчины в руке тоже был пистолет, и тоже с глушителем.

Джексон несколько раз выстрелил от бедра. Пистолет работал бесшумно. Патроны были не холостыми.

Вскинув руки, мужчина развернулся и упал.

Так падают только мертвые...

– Молодец, – сказал Кальян. – Чисто сработано.

«Лэндкрузер» стоял на набережной Фонтанки, забравшись правыми колесами на тротуар. В машине никого не было. Охранник курил, облокотившись на парапет, и посматривал вниз, на пришвартованный катер, дожидаясь, пока проспится Кальян.

Раздался грохот, дверь каюты с треском распахнулась, и на палубу, стукнувшись головой о низкую притолоку, выбрался растрепанный Кальян. Встал, широко расставив ноги, застегнул ремень на штанах. Осмотрел рубашку с частично оторванными пуговицами и испачканный чем-то рукав кожаной куртки.

Охранник бросил окурок и поприветствовал:

– Доброе утро, Федор Аркадьевич!

Кальян посмотрел на него, похмельно прищурившись:

– Ну и куда мы, блин, плавали?

– Катались, Федор Аркадьевич.

– Все живы?

– Наши – все.

– Остальные меня не колышат... А где мой новый брат?

Охранник понял, что шеф вспомнил о Джексоне.

– Ушел, Федор Аркадьевич.

– Куда ушел? Давно?

– Да часов в шесть. Мы тогда у яхт-клуба пришвартовались. Он и сошел на берег.

– Кто разрешил?

Охранник помедлил с ответом. Но все-таки сказал правду:

– Вы ж сами, Федор Аркадьевич. Вы с ним чего-то все терли, терли, а потом чуть не подрались. Ну и дали команду: если хочет, пусть валит. Вот он и свалил.

– Да? Эх, хорошо погуляли!

У Кальяна зазвонил мобильник. Он долго шарил по карманам, ища телефон. Достал, ответил «Да», тут же перешел на английский:

– Как дела? Я в порядке, спасибо. Я перезвоню тебе позже.

Выбравшись на тротуар, Кальян сел в машину и скомандовал:

– Так, поехали.

– Куда?

– Пока прямо.

На Садовой возле Гостиного он приказал остановиться и ждать. Вышел, купил телефонную карточку и, найдя таксофон, набрал длинный заграничный номер. Разговор опять пошел на английском:

– Хэлло, Джонни! Нет, ждать опасно, товар надо отправлять сразу... Название корабля я скажу, когда они выйдут в нейтральные воды... Слишком много желающих заполучить этот груз. Помолись, Джонни. Помолись. Второго такого случая у нас в жизни не будет. Бай!

Повесив трубку, Кальян с довольным видом ухмыльнулся.

Они познакомились в Афганистане. Джонни был агентом британской разведки, работавшим под журналистской легендой, и угодил в яму к «непримиримым», которым было без разницы, за кого требовать выкуп. После годичного плена за англичанина заплатили, и он вернулся домой, Кальян же еще долго продолжал свою восточную одиссею.

Пять лет назад они случайно встретились в Москве и поняли, что могут быть полезны друг другу. Несколько совместных операций принесли обоим какую-то прибыль, а главное, укрепили во взаимном доверии. Захват тысячи килограммов таджикского героина должен был стать главным делом их жизни. После этого оба собирались податься в теплые страны и зажить в свое удовольствие.

Подключив ФСБ, Кальян обеспечил беспрепятственный транзит груза через Россию. На последнем этапе планировалось пустить госбезопасность по ложному следу, а героин отбить у охраны и погрузить не на голландский корабль, а на другой, названия которого никто, кроме Кальяна, не знал. Прибытие корабля в нужный порт, разгрузку и сбыт героина контролировал уже англичанин. Кальяну не было смысла обманывать Джонни, потому что без его помощи он бы не смог продать такое количество героина. Англичанин же знал, что если он кинет русского друга, тот немедленно сообщит таджикам с голландцами, кто завладел ценным грузом. После этого если и удастся пожить в теплых странах, то очень недолго. Найдут, где бы ни спрятался.

Шилов вышел из подъезда, посмотрел вверх. Юли у окна не было. Она давно перестала его провожать, даже если не спала, когда он уходил на работу. Сегодня и дверь не пошла закрывать. Устроилась на диване с телефоном и, набирая чей-то номер, только помахала рукой. Так прощаются в конце рабочего дня коллеги в каком-нибудь офисе.

Ну и ладно...

Направляясь к «Фольксвагену», Шилов достал ключи и нажал кнопку на брелоке. Выключаясь, сигнализация пискнула четыре раза, а не два – значит, ночью срабатывала. Случайно, или кто-то пытался залезть? Двери как будто целые, колеса на месте...

В машине кто-то был. Кто-то крупный полулежал на заднем сиденье и зашевелился при приближении Шилова. Ни хрена себе! Рука потянулась за пистолетом, но в этот момент сидевший в «Фольксвагене» человек распахнул дверь и высунулся наружу.

Это был Джексон. Видок у него был еще тот...

– Ну у тебя и рожа, Шарапов! Тебя что, всю ночь убивали?

– Поговорить надо. – Джексон подвинулся, и Роман сел рядом с ним.

– Это не меня убивали. Это я убивал. И это не смешно.

– Спокойно, Женя. Рассказывай.

– Мне бы сперва кофейку. Или водки.

Шилов пересел за руль. Выехал со двора, через два квартала остановился у круглосуточного бистро.

– Пошли?

Джексон кивнул и тяжело выбрался из «Фольксвагена».

– Как ты его, кстати, открыл? – спросил Шилов, запирая двери.

– Молча, Рома, молча. По сравнению с мировой революцией это такая херня...

Шилов мысленно матюгнулся. Вопрос про машину был действительно не самый своевременный и удачный.

В бистро они взяли кофе, двести граммов водки и пиво. Кофе пил Шилов. Джексон – вперемешку все остальное.

Рассказ не был долгим.

– Рома, понимаешь, у меня выхода другого не было!

– Не переживай. Кальян просто так убирать не будет. Наверняка урода какого-то замочил.

– Ствол у него был. В руке держал.

– Вот видишь, считай, самозащита. Злодея завалил.

– Узнать бы, кого.

– Будет сводка – узнаем. Кальян прибираться не будет, ему для шантажа нужен труп и уголовное дело. Адрес помнишь?

– Примерно. Может, найду, может, нет. Темно было. Да и я...

– Не нравишься ты мне, Жека. Давай, бери себя в руки. О деле думай.

Джексон поднял кружку с пивом, сделал несколько смачных глотков.

– Думать не могу. Ты скажи, я сделаю.

– Ждать ценных указаний от Кальяна. И продолжать запой.

– С запоем проблем не возникнет... А вот Кальян – хрен его поймешь, Рома. Он не так прост, каким кажется. Он на два фронта играет. И нигде правил не соблюдает.

Джексон допил пиво и раздраженно отодвинул пустую кружку:

– Знаешь, Рома, все-таки тошно у меня на душе...

– Это потому, что душа есть. Не бойсь, Жека. Помнишь, как в песне: «Бог обещал нам простить все сполна, когда закончится война».

– А она, ты думаешь, кончится?

Приехав на работу, Роман быстро провел совещание и остался в кабинете один. Сидел, курил. Иногда смотрел на портрет Соловьева в траурной рамке. Иногда брал чистый лист и принимался рисовать какие-то схемы, обозначая взаимоотношения фигурантов, имеющиеся доказательства и возможные мероприятия. Схемы оставались незавершенными. Шилов рвал бумагу и снова задумывался.

Вошел Громов:

– Здорово. Дай закурить.

– Вы же бросили, Юрий Сергеевич.

– Бросишь тут с вами... Ага, спасибо.

– Как там с моей «наружкой»?

– Уже работают. Установят твою дамочку, так что не переживай. Доложат лично мне. Ну а ты давай выкладывай.

– Про что?

– Про военных, про Кальяна, про Василевского. Про все.
– Мне б кто доложил. Одни осколки. – Шилов потер подбородок.
– Вы же письмо Ремезова читали...

– Хочешь сказать, что, кроме того письма, у тебя ничего больше нет?

– Я же говорю, одни осколки. Получается так, что эти трое ребят сбежали из части, не желая выполнять приказы командиров, которые поставили «мокрухи» на поток. Их убивают, причем в случае со «скорой» работает взрывник, который работал еще с Карташовым. Умеет же эта паскуда машины взрывать... – Шилов посмотрел на фотографию Соловьева.

– А Бажанов здесь при чем?

– Полагаю, что покойный Карташов замыкался на него в Москве. К тому же Бажанов бывший гэрэушник и может быть связан с военными.

– Подробнее, Рома, подробнее.

– Юрий Сергеич, я, и правда еще не во всем разобрался. – Шилов невольно покосился на горку разорванных бумаг с незавершенными схемами. – Чувств много, а ясной картины никакой.

– Я тут в Москву еду, на доклад к замминистра. Постарайся перед этим перейти от чувств к мыслям. Ты же, в конце концов, руководитель.

– Это-то и мешает, – вздохнул Роман.

Только Громов ушел, как появился Егоров. На «сходке» его не было, он прямо из дома поехал в больницу навестить Василевского.

– Ну чего, как там Ленька?

– Получше. Коньяку требует.

– Значит, скоро поправится. Он ничего нового не вспомнил? Может, эта баба ему все-таки что-то сказала?

Егоров отрицательно покачал головой:

– Никакой конкретики. Все то же самое, что мы от местных пьяниц узнали. Но, я думаю, она могла что-то сказать. Поэтому ее и спровадили на Урал. Только зачем было на Леньку нападать? Хотели нас предупредить, чтоб не совались?

– Вряд ли. Узнали, что он мент, и психанули. Экссесс исполнителя. Может, этих «разбойников» командиры сами уже наказали. Не удивлюсь, если ствол и ксиву подкинут.

– Хорошо бы, если б так...

Деревянный дом Прапора занимал участок возле дороги на самой окраине Гатчины. Дом не отличался архитектурным изяществом, но был, что называется, справным – каким и положено быть у хозяина, много лет отслужившего на тыловых и хозяйственных должностях.

Доедая завтрак, Прапор привычно грызся с женой. Повод для ругани был, правда, нетипичным – за десять лет супружеской жизни им еще не доводилось попадать в такой переплет между бандитами и ментами. Зато все остальное – аргументы, оскорбления и угрозы – использовались многократно.

– Зря мы во все это ввязались.

– Лучше бы я сидел, да?

– Лучше бы я тебя вообще никогда не встречала.

– Это уж точно. И где тогда мои глаза были?

– Олеженьку жалко. За что ему достался такой отец?

– Молчи, дура.

– Нет, ты мне скажи, ты о сыне подумал, когда...

– Нина, ради бога, не выводи. Вот чего ты от меня сейчас хочешь услышать?

– Хочу услышать, как мы жить дальше будем. Со службы уволили, под статьей ходишь...

– Из этого дурдома давно пора было увольняться. Что я, места на гражданке не найду?

– А что ты делать умеешь?

– Федор обещал пристроить.

– Да у него таких придурков, как ты, пруд пруди. Очень ему еще один нужен! Вот получим деньги, я Олега заберу и уеду.

– Ну-ну... Куда ты, на хрен, денешься?

Ругань могла бы продолжаться и дальше, но поджимало время: Нине пора было вести сына в садик, а потом ехать на работу. С гордо поднятой головой она вышла из кухни, позвала Олега и вскоре хлопнула дверью, не попрощавшись с супругом.

Прапор усмехнулся, достал из кармана засаленную бумажку с номером телефона и, вслух проговаривая цифры, позвонил:

– Алло, Федор? Здравия желаю, это Михаил. – Прапор сделал короткую паузу и откашлялся – как ему казалось, солидно, а на самом деле до неприличия подобострастно. – Как там насчет денег? А если на очной ставке он меня застрелит? Ладно, только все бабки мне. С женой я сам разберусь.

Не успел он положить трубку, как в дверь позвонили.

– Опять, что ли, ключи забыла? – Прапор допил чай и пошел открывать.

Открыл и сразу получил удар в глаз, от которого пролетел половину прихожей и шлепнулся на пол.

Спокойно, по-деловому, в дом вошли Паша, Молчун, Лютый и Топорков. Паша присел на корточки, остальные встали вокруг Прапора полукругом. Ошалело помотав головой, Прапор попробовал встать – и получил от Паши такой тычок в грудь, что перехватило дыхание.

– Я пожалуйюсь в УСБ!

Никто не ответил. Молчун достал пистолет и начал присоединять к нему глушитель. У Прапора расширились глаза, когда он разглядел, что это не табельный «ПМ», а ободранный, многократно бывавший в деле «ТТ».

– Я в прокуратуру напишу, – следя за тем, как глушитель накручивается на ствол, неуверенно пригрозил Прапор.

Топорков стал надевать резиновые перчатки. И тоже молча.

Такого быть не могло.

Такое бывало в книгах и фильмах, но чтобы в жизни... Да они что?..

– Я вас всех посажу на хрен, – сказал Прапор, не слыша своего голоса.

Молчун звонко передернул затвор.

Топорков протянул к нему руку:

– Дай, моя очередь.

– Не ври, ты в прошлый раз был.

– А может, по-тихому? – Лютый вытянул из кармана удавку со свинцовыми грузиками на концах.

Прапор закрыл глаза.

Когда открыл, картина не изменилась.

– Хватит, он мой, – сказал Паша, и Молчун подал ему пистолет:

– С этим трудно поспорить.

Паша приставил ствол ко лбу Прапора и взвел курок. Негромкий щелчок отозвался в голове Прапора взорвавшейся бомбой.

– Гриша, включи телевизор погромче, – попросил Паша, и Лютый уверенно проскользнул мимо лежащего Прапора в кухню, где бормотал маленький «Грюндик».

Прапор заорал. Разинул пасть и закричал что есть мочи:

– А-а-а, спасите, а-а-а!!!

Паша двинул Прапору в солнечное сплетение, отчего тот задохнулся и орать перестал, потом воткнул ему в рот ствол.

– Гриша, я же просил! Ты чего, в кнопках разобраться не можешь?

Звук телевизора стал нарастать. Диктор что-то бубнил про политику.

– Заканчивай, Паша. Нам еще по второму адресу ехать, – напомнил Молчун.

Кричать Прапор не мог, но завывать у него получилось.

В то же время, как он ни был раздавлен страхом, но полностью соображать не перестал. Догадаться, что это спектакль и что всерьез убивать его не собираются, он не смог, слишком уж натурально все было разыграно. Но почувствовал, что можно попробовать сторговаться. Он ведь занимался этим всегда и везде, может, и сейчас выгорит?

Вместо слов получилось мычание, сопровождаемое клацаньем зубов по железу, но Паша проявил интерес, вытащил изо рта Прапора пистолет и наклонился пониже, прислушиваясь.

– Меня заставили, я не хотел! – выпалил Прапор, тараща глаза. – Он сказал, что убьет меня, если не соглашусь.

– Кто?

– Федор!

– Какой Федор?

– Прахов фамилия, Кальяном зовут. Да его все знают! Он у Шахида был боссом. У него, наверное, и гранатометы, которых вы не нашли.

– На хрена они ему?

– Я... Я не знаю!

– Что он готовит?

– Не знаю! Но могу узнать, я попробую!

– Сколько он тебе заплатил?

– Восемь штук баксов. Обещал восемь, пока дал половину, сказал, остальное после очной ставки отдаст.

– Дешево же ты себя ценишь, урод!

Паша посмотрел на Молчуна с Топорковым:

– Ну и чего с ним делать теперь?

Молчун дернул плечами: дескать, смотрите сами, но лично я бы решение не стал менять. А Топорков в раздумье покачал головой:

– Может, он живой нам сгодится!

– Да! – Прапор обрадовался, увидев союзника. – Я... Я все... Все, что хотите!

– Чего от тебя можно хотеть? – Паша брезгливо ткнул его пистолетом в лицо. – Один геморрой только... А сдохнешь – и все проблемы решатся.

– Не надо, у меня сын маленький.

– Тоже мне, папаша нашелся! – Паша посмотрел на Лютого, стоявшего в дверном проеме кухни. – Ты как считаешь?

– Пусть признанку напишет. А там поглядим.

– Слышал, урод?

– Я... Я все напишу!

– Ну, тогда живи пока.

Лютый и Топорков отвели Прапора в комнату. Посадили за стол, дали бумагу, прицепили наручником к ножке стола. Прапор торопливо схватил авторучку:

– На чье имя писать?

– Прокурору города Санкт-Петербурга.

– Ага... И... И с чего начинать?

– С начала. Как гранатометы украл, кому и как их продал, – велел Топорков, но Лютый остановил:

– Он так до вечера не закончит. Давай с последнего эпизода, как он Николай Иваныча оговорил.

Паша и Молчун вышли на улицу.

– Вроде получилось.

– Сплюнь! – Паша постучал по деревянным перилам крыльца.

Минут десять они постояли, потом Молчун раздавил окурок и со словами:

– Пойду посмотрю, что этот писатель родил, – скрылся в доме.

Идея наехать на Прапора принадлежала Паше. Лютый его не поддержал:

– Ты в своем СОБРе привык головой стены ломать, а оперу головой думать надо, – однако, когда Молчун и Топорков одобрили план, согласился: – Ладно, поехали.

Всю дорогу Паша переживал. Вдруг Прапор свинтил неизвестно куда, и объявится только на очную ставку? Вдруг он окажется тверже, чем они думают? Или начнет отстреливаться из ворованных гранатометов?

А получилось вон как классно!

Паша представлял реакцию отца, когда ему станет известно, что дело рассыпалось. Конечно, он поворчит, поругает за самодеятельность – как же без этого? Но не сможет теперь говорить, что сын годится только дела подшивать и на задержаниях руки выкручивать.

С бумагой в руке из дома вышел довольный Молчун:

– Готово! Исповедь лжесвидетеля.

– Ну-ка, дай посмотреть.

Паша пробежал глазами текст. Прапор написал очень сжато, но в целом понятно. Ничего, в прокуратуре его допросят как следует. Так даже лучше: никто не скажет потом, что опера выбили показания.

– Ну, чего? – Паша убрал бумагу в карман. – Надо брать его и везти. По дороге позвоним Голицыну, пусть готовится. Заводи машину, мы его сейчас...

Из дома донеслись крик и звон разбитого стекла. Молчун замер, недоуменно прислушиваясь. Паша оттолкнул его, взлетел на крыльцо и бросился по коридору в комнату, в которую отвели Прапора.

Прапора в комнате не было, Топорков, зажимая разбитый нос, смотрел в разбитое окно, и лицо его отражало какую-то детскую обиду.

С улицы долетел крик Лютого:

– Стой, сука! Стой, стрелять буду!

– Я ему наручники начал снимать, а он меня локтем ударил и рыбкой в окно сиганул, – в голосе Топоркова звучала та же несуразная обида. – Лютый за ним прыгнул. Может, догонит?

Тяжело дыша, Лютый появился под окном. Хрустнули осколки стекла. Лютый посмотрел вниз, переступил. Убрал в кобуру пистолет:

– Дохлый номер! Он тут, зараза, все закоулки знает.

Паша с такой злостью посмотрел на Топоркова, что тот попятился и, продолжая зажимать нос, прогнусавил:

– Ну извини! Я ж не специально.

– Потому что в спортзал надо ходить, а не по автосалонам шататься!

– Ладно, всяко бывает, – сказал Молчун примирительно. – Куда он денется? Поймаем! И «чистуха» его у нас осталась. Поехали в прокуратуру.

Паша сплюнул на пол и, поддав ногой опрокинутый стул, вышел из комнаты.

- Вить, съезди на Благодатную.
- Съезжу. А чего там?
- Запись надо снять с цифровика. В смысле, с диктофона.
- О, блин, я такой техникой и пользоваться-то не умею.
- Так объясню...

Как только Егоров ушел, в кабинет зашла Ольга:

- Роман Георгиевич, вы просили сводки посмотреть.
- Ага. Есть чего-нибудь?

– Труп неизвестного мужчины лет пятидесяти. Четыре огнестрельных в грудь. – Ольга положила перед Романом на стол компьютерную распечатку. – Я позвонила медику, который выезжал. Он говорит, что у убитого очень характерные мозоли на кончиках пальцев. Такие бывают у скалолазов.

– У скалолазов? Так-так-так... Умница ты моя! Скажи, а лицо у него целое?

– Да, там только огнестрельные в грудь. Наши четыре гильзы от «ТТ».

– Значит, так: раздобудь фотографии трупа, те, где лицо, и покажи мальчику – сыну портовика. Он видел какого-то скалолаза из окна. Может, опознает?

Ольга улыбнулась:

- Вы гений, Роман Георгиевич.
- Не забудь сказать об этом проверяющим из Москвы...

Откинувшись на спинку стула и сцепив руки на затылке, Роман довольно усмехнулся и подумал: «Джексон будет очень рад».

Пока Шилов разговаривал с Ольгой, Прапор дозвонился до Кальяна и срывающимся голосом сообщил о налете убоповцев.

Кальян был в машине, ехал с тремя бойцами с деловой встречи по поводу одного бизнес-проекта, который неформально курировал. На фоне тонны таджикского героина этот проект был такой мелочевкой, что жаль было тратить время. Но если бы Кальян сейчас отвалил в сторону, его бы не поняли, так что он битый час отстаивал свои интересы, успешно заставляя партнеров идти на уступки.

С этих никчемных переговоров, состоявшихся на территории промзоны «Парнас», он заспешил на другой конец города, в Московский район, где должна была произойти еще одна встреча, теперь уже действительно важная.

Тут и позвонил Прапор.

Кальян выслушал его с пониманием.

– Говоришь, наехали внаглую? Не ссы, братан, мы своих в беде не бросаем. Молодец, что соскочил. Где тебя подхватить?.. Жди. Заодно и бабки получишь.

Закончив разговор с Прапором, он приказал водителю остановиться и вышел из джипа, позвав с собой одного из бойцов.

В машину он вернулся один, а получивший важное задание боец стал ловить тачку.

У администратора зала игровых автоматов Лемехова день с самого начала не задался.

Позвонил сменщик Валера и попросил подменить. В последнее время, после того как хозяин уволил двух администраторов, подмены не практиковались, и Лемехов обоснованно возмутился:

– Ты чего? Мне двое суток здесь париться? И еще завтра?

– Завтра я за тебя выйду. Понимаешь, мне сегодняшний день вот так нужен.

– Весь график на фиг собьем.

– Не собьем, я тоже два дня отработаю. Ну выручай!

Поворчав, Лемехов сдался. В конце концов, когда хозяин наймет еще двоих сменщиков, неизвестно, а ему самому тоже может потребоваться отгул. Так что пусть Валера будет должен. Лемехов любил должников – когда речь шла, естественно, не о деньгах.

Зашел местный участковый. Он часто приходил поиграть перед работой, и Лемехов бесплатно давал ему десяток жетонов. Обычно участковый все быстро просаживал и, кляня невезуху, топал на развод в свое отделение. В этот раз ему подфартило, он сорвал две месячные зарплаты и ушел, пообещав вечером опять заглянуть.

Это было плохой приметой для Лемехова. Он давно заметил, что если первый утренний посетитель выигрывает – а такое редко, но случалось, – то лично для него, Лемехова, день складывается неудачно. А везунчиком оказался еще и мент, которого приходилось, сжав зубы, подкармливать дармовыми жетонами. Стало быть, день предстоит нефартовым вдвойне.

В полдень с неожиданной ревизией заявился хозяин. Обнаружив пару недочетов, он закатил такую истерику, как будто пропал сейф с месячной выручкой. Приказав до вечера все исправить, хозяин уехал. Но, как и участковый, обещал вернуться.

А вскоре после него появился Румын.

Лемехов его сперва не узнал. Во-первых, усы. Когда успел отрастить? Бутафорские, что ли, приклеил? Во-вторых, шмотки. Румын всегда одевался неброско, но в добротные вещи. Теперь же на

нем была какая-то затрапезная курточка, джинсы с оттянутыми коленями и грубые башмаки. Прямо работяга со стройки, нелегальный гастарбайтер из братской Молдовы.

Его появление Лемехов прозевал. В зале поднабралось народа: студенческая компания, военный курсант... Напоминающий персонажа из телевизионного «Маски-шоу» Заяц с всклоченной шевелюрой и рыжими бакенбардами. Симпатичная пухленькая блондинка, которая не умела играть и просила объяснить правила. Лемехов объяснял, она охала и не понимала. Лемехов думал: снять ее, что ли? Или лучше не пробовать, раз день невезучий? Или снять?...

Спиной почувствовав острый взгляд, Лемехов обернулся.

Сперва не узнал...

А потом душа ушла в пятки.

Ну какого лешего он приперся?!

– Санек! – негромко крикнул Румын, и администратор, мгновенно позабыв про блондинку, на ватных ногах подошел к бывшему однокласснику, проклиная и «майора Чернова» из спецотдела по борьбе с терроризмом, и своего сменщика, которому именно сегодня приспичило отдохнуть.

Вчера, немного успокоившись после разговора с «майором» и поразмыслив, Лемехов решил, что Румын не придет. Он наверняка знает, что его ищут, и не появится. Утром родилась новая мысль: может, его уже повязали на квартире этой девушки Александры?

Они обменялись рукопожатиями. Ладонь Лемехова была такой же недееспособной, как ноги: ни раньше, ни позже, а именно в момент приветствия он с ужасом догадался, что Румын вырвался из засады и, догадавшись, кто сдал «спецотделу» адрес подруги, пришел отомстить.

– Как дела? – спросил одноклассник, и Лемехову стоило страшных усилий взять себя в руки и ответить более-менее естественным голосом:

– Все нормально.

Администратор осторожно перевел дух. Похоже, Румын ни из какой засады не вырывался и о мщении не помышляет. Просто зашел,

как много раз заходил прежде. Поиграет немного и свалит по своим румынским делам. Может, попросит воспользоваться телефоном – это тоже случилось, Румын экономил и без нужды мобилой не пользовался.

Он и попросил:

– Позвонить можно?

Не чувствуя, как дрожат губы и дергаются глаза, Лемехов расплылся в улыбке:

– Конечно, о чем разговор? Пошли.

Впереди одноклассника он прошел в администраторскую, кивнул на стол с телефоном:

– Звони...

Румын схватил его за плечо, развернул, коленом ударил в пах и железными пальцами сдавил горло. Толкнул, прижимая к стене, и, страшно заглядывая в глаза Лемехову своим единственным бешеным глазом, тихо спросил:

– Говоришь, все нормально?

– Толя, ты чего? – прохрипел Лемехов, трясаясь мелкой дрожью от пальцев ног до макушки.

– Думаешь, я не вижу? Кто меня спрашивал? Ну, говори быстро, а то...

Лемехов рассказал почти все. Утаил только про Александру. Утаил потому, что был твердо уверен: за выдачу адреса Румын его тут же убьет. Такая вера придала сил, и вранье проскочило.

Выслушав, Румын его отпустил. Сел за стол и задумался, время от времени глядя на мающего у стены администратора.

Чувствуя, как одноклассника терзают сомнения, Лемехов приложил руку к груди:

– Они сказали позвонить, когда ты придешь, про детали для «мерса» спросить. Как я мог отказаться? Но я бы тебя предупредил, честное слово!

– Развели тебя, как лоха. Была бы это Контора – мне бы давно ласты крутили. А он тебе даже ксиву не показал. Правильно?

– Н-не показал, правильно...

– И ты перед случайным фраером в штаны наложил?

– Н-наложил. А кто это был, ты не знаешь случайно?

– Да мало ли кому я на пятки наступаю!

Лемехов согласно покивал головой и, замолчав, принялся ждать решения одноклассника. Но терпения хватило ненадолго, Румын молчал, и Лемехов осмелился задать вопрос:

– Толя! Толь, чего мы теперь делать-то будем?

Прозвучавший ответ вполне устроил администратора.

– Что я скажу, то ты и сделаешь.

– Опять подставил меня? – Вопреки прозвучавшим словам, Громов почему-то казался довольным и, подойдя к столу Шилова, положил только что полученную от группы наружного наблюдения справку.

– В смысле? – спросил Роман, не глядя на бумагу.

– Установил слежку за работником прокуратуры. Да за это схлопотать можно неслабо! Ты почитай, почитай, что там написано. А улыбаться будешь потом...

Шилов прочитал и вздохнул:

– Чем дальше в лес, тем злее партизаны.

– И что делать прикажешь?

– Приказывать начальству примета плохая, Юрий Сергеевич.

Скрипнула дверь, в кабинет заглянул Скрыбин. Заглянул и хотел уйти, чтобы не мешать разговору, но Роман махнул рукой:

– Стас, заходи. Юрий Сергеевич, вы не против? Это он наводку дал.

Громов кивнул.

Роман протянул Скрыбину справку:

– На, прочти.

Стас сел за приставной столик и недоуменно прочитал вслух:

– Панова Александра Сергеевна, восьмидесятого года рождения...

Ну, есть такая. Стажируется в прокуратуре у Кожуриной. А что?

– Это подруга Румына.

– Что, та самая?!

– Нет, Стас, другая. Их у него много. И все в одной квартире живут.

Подозрительно глядя на них обоих, Громов сказал:

– Может, вы поделитесь с начальством, кто такой этот Румын?

Роман кивнул Стасу: докладывай.

Скрыбин порылся в папке, с которой пришел, достал компьютерную распечатку и листок с рукописными записями:

– Оля «пробила» его по школе. Связалась с военкоматом. Военком в том районе знакомый, помог по старой дружбе без запросов. И вот

что мы получили... Грибов Анатолий Николаевич, семидесятого года рождения, уроженец славного города Бухареста. Военно-учетная специальность – инструктор взрывного дела. Две командировки в Анголу, уволен в запас по ранению. Снят с учета в связи с переездом в Рязань. По той же причине выписан с адреса. Рязань мне еще не ответила, но готов спорить, что он там и не объявлялся.

– Вольному стрелку якорь не нужен, – прокомментировал Шилов.
– Разве только хата на ночлег. Желательно – под прокурорской крышей.

– Хата у нас есть. – Стас убрал обратно в папку бумаги. – Но что дальше? «Наружку» за прокурорским не поставишь. Самим под адрес садится? А если он опять в Анголу укатил?

– А если с Пановой поговорить? – предложил Шилов. – Может быть, она не в теме. Женщине мозги запудрить – раз плюнуть.

– Мы ее плохо знаем. Может, с Кожуриной пообщаться?

– Кожурина тетка жесткая, но честная. И не дура. Но лучше поговори сначала с Голицыным, он их обоих лучше знает.

– Поговорю.

– Но деликатно! Про Бажанова – ни слова. Генерала мы сами слепим.

Глядя на увлекшихся подчиненных, Громов сначала пробормотал:

– Мне все чаще кажется, что я команду партизанским соединением, – а потом властным голосом прервал дискуссию: – Значит, так, товарищи офицеры! С этого момента никакой самостоятельности. Это приказ. План оперативных разработок мне на стол. Завтра я еду в Москву и провентилирую этот вопрос в Министерстве. Иначе все сгорим, как мотыльки...

Когда Громов ушел, Стас и Шилов переглянулись.

– Мотыльки – это он про кого, про нас что ли? – насмешливо спросил Шилов.

– Он хотел сказать, что мы слишком изящны в работе... Ну, я в прокуратуру погнал? – Давай.

На метро и пешком Егоров добрался до Благодатной и уже сел в оставленную Романом машину, когда на улице тормознулось такси, из которого вышел Бажанов. Он прошел под аркой и направился к подъезду, поглядывая вокруг взглядом цепким и рассеянным одновременно. Егоров пригнулся к рулю, но, в принципе, этого можно было не делать. Егоров Бажанова знал, а генерал его – нет, и, поскольку Егоров не целился из пистолета и не закрывал лицо дырявой газетой, как филер в дешевом кино, генерал не обратил на него внимания и скрылся в подъезде.

Когда десятью минутами позже нарисовался Кальян, Егоров уже был не в «девятке», а наблюдал за двором через мутное окошко третьего этажа из парадной, расположенной напротив той, в которую вошел генерал.

Егорову вспомнилось, как почти год назад они с Шиловым, будучи оба объявлены в розыск, конспиративно встречались на лестнице в доме у Ладожского вокзала. Сколько воды с тех пор утекло, сколько разного произошло... А история, начавшаяся тогда, до сих пор продолжается.

Егоров достал телефон, набрал номер Шилова:

– У нашего солнцеподобного коллеги свидание с курителем опиума. Так что я малость задержусь, подожду, когда они закончат.

Егоров отыскал взглядом окна бажановской хаты. От соседних они отличались новенькими стеклопакетами и плотно сдвинутыми шторами. Сидят, как кроты, в темноте, и гадости всякие говорят.

Егоров посмотрел на часы, закурил и стал ждать.

Квартира когда-то была обычной двухкомнатной «сталинкой», но после перепланировки стала представлять собой одну большую залу с коротким коридорчиком к железной входной двери. Обставлена квартира была строго функционально – кровать, несколько кресел, стойка с аппаратурой, – но дорого. Единственным излишеством выглядела огромная люстра «под старину», подвешенная к потолку на латунных цепях и заливавшая все уголки светом двенадцати ламп.

Перебирая четки, Кальян с ухмылкой смотрел, как Бажанов наливает виски в большую коньячную рюмку.

Спиной почувствовав взгляд, Бажанов сказал:

– Хватит лыбиться. Будешь?...

– На работе не пью. И тебе не советую.

– Я сегодня уже отработал свое.

– Ты не перетруждаешься. Зачем звал?

Они сели в глубокие кожаные кресла напротив друг друга. Бажанов жадно выпил половину налитой порции и пожалел, что отмерил так мало. Теперь придется вставать...

– Что за войны ты там замутил? Джихад какой-то, Арнаутова зачем-то сливаешь... Что, в самоделку потянуло? Засветимся!

– Все нормально. Чем я больше на виду, тем легче. Пусть копают.

Бажанов выпил и вторую половину. Встал, пошел налить. Пока ходил, пока наливал – обдумывал ответ Кальяна, и чем больше думал, тем сильнее распалялся. Встав перед Кальяном, который сидел и невозмутимо перебирал четки, Бажанов почти закричал:

– Идиот! Они ведь так до груза могут докопаться. Ты этого хочешь? Башкой надо думать, понимаешь, башкой!

– Борисыч, не ори на меня. Я не в Афгане, а ты не мой командир. Шесть лет востока чему хочешь научат. Я знаю, что делаю.

Бажанов успокоился так же легко, как завелся. Какое-то время он еще продолжал нависать над сидящим Кальяном, но уже молча. Потом отхлебнул виски, сказал:

– Извини, нервы, – и сел в кресло. – Я же про груз не на базаре узнал. В Конторе. Если что, речь о тюрьме не пойдет.

– Это я лучше тебя знаю. Но, – Кальян оскалился и стал перебирать четки быстрее, – глаза боятся – руки делают.

– Степу Завьялова помнишь?

– А то!

– От Конторы груз он должен принять.

– Не обрадовал. – Движения пальцев замедлились, четки обвисли.

– Его обыграть сложно. Он, поди, уже генерал?

– Да полковник, – Бажанов сделал пренебрежительный жест, – командир части. Хватка уже не та, так что обыграешь. Я до МВД ему пару заказиков подкинул. Мол, штаб приказал. Так он за свой полковничий паек сделал все в лучшем виде. И, насколько мне

известно, не один я ему такие команды давал. А он, дурак, не догадывается. Все еще думает, что на державу работает.

– Бардак полный, – с искренним видом вздохнул Кальян.

– Меня когда в ментуру-то запихали, – продолжал Бажанов, – я сразу понял: надо свой капитал заработать и валить. У меня эта романтика разведки – вон, из ушей уже льется.

– На генеральские погоны? Не тебе жаловаться. – Надев четки на запястье, Кальян встал, подошел к бару, налил виски и залпом выпил. – Я с романтикой еще в пакистанской тюрьме завязал. Трахнуть контору – это святое. Вшивого полевого командира на обмен пожалели, сучары!

– Как же твой Шахид-то погорел?

– А я его сам подпалил. – Кальян ухмыльнулся и, зачем-то понюхав пустой стакан, из которого только что пил, поставил его на крышку бара.

– Чего?

– Подпирать начал.

– А если бы он тебя сдал?

– Все было продумано.

– Ну, хвастун! Ладно, пора разбежаться. Прошу тебя, Кальяша, будь потише. Такой шанс раз в жизни бывает.

– Все будет нормально генерал.

Они обменялись прощальными рукопожатиями, и Кальян сделал шаг в сторону коридора.

Встал и замер, глядя куда-то вниз.

Перехватив его взгляд, Бажанов тоже посмотрел в том направлении, но ничего не увидел.

Кальян присел на корточки и подобрал с пола около кресла женскую заколку-невидимку. Рассмотрел, сдавив большим и указательным пальцами за края. Поднес близко к лицу, шевельнул крыльями носа, с шумом втянул воздух, приняхиваясь...

В этом было что-то такое первобытно-звериное, что Бажанов попятился, как от края обрыва, уходящего в пропасть, о существовании которой он и знать не желал, не говоря уж про то, чтобы видеть ее с близкого расстояния.

Кальян медленно встал и спросил, нехорошо щурясь:

– Баб водил?

- Была одна... Проститутка.
- Где взял? Коллеги подложили? Твою мать, ты идиот или как?
- погоди, ты что, думаешь...
- Я вот как раз всегда думаю. Квартиру давай смотреть.

Береженого бог бережет.

Через минуту Кальян выдернул из розетки фумигатор и, спросив:

- Комарики замучили? – бросил его на пол и раздавил.

Среди осколков пластмассы виднелись микросхемы и проводки.

- Понял?

Генерал подавленно кивнул. Но попытался взять себя в руки и даже высказался:

- Зря ты, можно было дезу прогнать.

– После того, что мы тут с тобой наговорили, нас можно уже дальше не слушать.

Кальян прошел в ванную, включил воду на полный напор. Вслед за ним в узкое помещение втиснулся генерал.

- У тебя телефон этой бабы есть?

- Даже адрес. Я в ее сумочке квитанцию за квартиру нашел.

- Ну, ты прямо опер!

- Слушай, а если это Контора?

– Тогда бы мы с тобой уже не разговаривали. Это менты, причем как-то кустарно.

- А если они все-таки доберутся до груза?

– Не доберутся. Груз ВЧК охраняет. А чем вопросы дурацкие задавать, лучше отправь своих «цветных», пусть девчонку тряхнут. Если она, конечно, еще не слиняла.

В этот момент Вика-Тигренок вместе со своими земляками уже покинула город...

Стас приехал в прокуратуру к Голицыну. Тот был один и собирался пить кофе.

– Привет! Будешь?

– Давай, только без сахара.

Голицын хмыкнул:

– Точно, а я и забыл, что ты любишь кофе горький и черный, как оперская работа. И покрепче, конечно?

– Конечно.

Голицын заварил две чашки и сел на свое рабочее место. Скрыбин занял стул у стены.

– По делу, или просто мимо пробежал?

– По делу.

– Тогда я тебя внимательно слушаю.

– Меня интересует ваша стажерка, Панова.

– Хм... Интерес, я так понимаю, служебный? Но я про нее ничего особенного сказать не могу, девчонка как девчонка.

– Откуда она?

– Откуда-то с севера. Закончила Универ профсоюзов, поболталась в районе, потом наш шеф ее сюда вытащил.

– Блатная?

– Не думаю. У нас таких зеленых полуправления. Текучка, сам знаешь, какая.

– Молодая девчонка-то. Ни с кем, никак?..

– Я чего, слежу за ней? Хотя, постой: она с Пашкой пару раз уходила.

– С каким?

– С Арнаутовым.

– Что-то я перестал удивляться сюрпризам, – Стас поставил чашку на угол стола.

Голицын хотел спросить у него, что это значит, но раздался звонок, и Стас достал трубку:

– Слушаю.

– Товарищ майор? Это Лемехов из игровых автоматов. Узнали? Он только что приходил. И ушел. Оставил какой-то чемоданчик и просил присмотреть, пока не вернется. И сразу же ушел. Я не мог вам позвонить, он все время тут был.

Стас быстро прикинул: из прокуратуры до Гороховой он доберется минут за десять. Роману, который остался в отделе, ехать втрое дольше. Значит, надо выдвигаться одному, Роману позвонить с дороги, а дальше будет видно.

– Я сейчас приеду – сказал он.

– Приедете? Ну, я вас жду. – Лемехов бережно, как будто она была сделана из хрусталя, положил трубку и вытер взмокший лоб.

– Убедительно, – похвалил стоявший рядом с ним Румын. – Еще немного, и я прощу тебе все.

– Толя, а... А что дальше?

– А дальше ты отдашь ему чемоданчик.

– Какой чемоданчик? У меня же нет ничего.

– Тот, который я тебе сейчас принесу. Он у меня в машине. Только не давай открывать его здесь. Скажи, что боишься.

– Толя, ты что, хочешь его...

– Лучше же он, чем ты, правильно?

Лемехов подумал и кивнул:

– Правильно.

Румын похлопал его по плечу:

– Да не дрейфь, Санек, я тебе еще и бабок подкину. На запчасти для «Мерседеса». Штука баксов, я думаю, тебе не помешает?

Лемехов заискивающе улыбнулся:

– Толик, две штуки. Я все-таки рискую.

– Ладно, договорились. Чего не сделаешь ради старого школьного друга?

После спешного отъезда Скрябина Голицын недолго оставался один. Паша, Лютый и Топорков привезли чистосердечное признание Прапора. Прочитав его, Голицын с довольным видом потер руки:

– Круто! Введите господина посла.

Убоповцы немного растерянно переглянулись, а потом Топорков ответил за всех:

– Нет его. Свалил, – и потрогал свой распухший нос.

Паша добавил:

– Найдем. Куда ему деться?

Один Лютый ничего не сказал. Он сидел, глядя в пол, и Голицын подумал, что Лютому, как наиболее опытному из этой тройки убоповцев, больше всех обидно за допущенную промашку и что он не разделяет Пашиной уверенности в скорой поимке беглеца.

Чтобы поддержать ребят, Голицын еще раз похвалил результат:

– Все равно здорово. Это ж состав на Кальяна. Перехитрил сам себя, сука...

Похвала была прервана появлением еще трех человек. С мрачными лицами вошли Громов, Ткачев и комитетчик по фамилии Саблин – Голицыну как-то пришлось с ним работать по одному делу, и у него осталось о подполковнике двойственное впечатление. Все бы ничего, но уж очень сильно много Саблин переживал о карьере.

– Извините, что врываемся, – сказал Громов, – но время не ждет.

– У нас есть новости, – Голицын протянул Громову признание Прапора.

– У нас тоже, – сказал начальник УУР, принимая от следователя бумагу.

Прочитав ее, он взорвался. Поскольку Паша оказался к нему ближе всех, ему и досталось больше других.

В такой ярости никому из присутствующих видеть Громова не приходилось. Он редко повышал голос, а тут буквально взревел, потрясая бумагой, для получения которой убоповцами было потрачено столько усилий.

– Вы что наделали, идиоты хреновы? Вам кто разрешил к потерпевшему ехать? Вы мозгами думать умеете?

Ошарашенный его напором, Паша попятился.

– Что случилось, Юрий Сергеевич? – перебил Громова Юра Голицын.

– Что случилось – то случилось, – Громов с такой ненавистью посмотрел на признанку Прапора, что мог бы взглядом прожечь дырки в бумаге.

– Позвольте, я объясню, – подчеркнуто спокойно предложил Саблин. – Час назад в Гатчине обнаружен труп вашего потерпевшего. В петле. В предсмертной записке он просит винить в своей смерти сотрудников УБОПа, которые угрозами и побоями заставили его оговорить честного человека.

– Кальяна? – уточнил Паша.

– Прахова Федора Аркадьевича, – заложив руки за спину и чуть выпятив подбородок, поправил Саблин.

Забрав убоповцев, Громов уехал. Ткачев и Саблин остались. Голицын сидел за столом, Ткачев стоял рядом с ним, а Саблин, продолжая все так же держать руки заложенными за спиной, прохаживался по тесному кабинету от двери к окну и обратно.

– Все зашло слишком далеко, – говорил он. – Вчерашняя либеральность вызвала гибель потерпевшего. И теперь совершенно очевидно, что пока папаша с сынком на свободе, мы не можем быть уверены в безопасности жены погибшего. Надо принимать жесткие меры. В конце концов, у меня тоже есть руководство, и оно ждет результатов.

– Осталось сказать Арнаутовым, что они просто результаты работы. Точнее, отработанный материал. – Устало заметил Голицын.

– Каждый охотник – дичь на чьей-то охоте.

– Не люблю цинизма в отношении коллег.

Саблин пожал плечами:

– Не понимаю, почему вы еще здесь работаете.

– Потому что, – огрызнулся Голицын, глядя в лежащее перед ним признание Прапора и думая, что вместо того, чтобы сделать как надо, он поступит по совести.

Бросив на него короткий неприязненный взгляд, Саблин обратился к Ткачеву:

– А вы что молчите?

Начальник УСБ ответил совсем не так, как ожидал Саблин. Вместо того чтобы помочь дожать следователя (а как иначе? Ведь чем больше привлечено к ответственности сотрудников и чем весомее предъявленные обвинения, тем для «собственной безопасности» лучше), Ткачев с усмешкой спросил:

– Кальян – ваш человек?

– Не очень-то корректный вопрос.

– Так дайте некорректный ответ.

– И этим вам помочь принять решение? Хорошо, отвечаю. Вы не попали. Мне плевать на Кальяна. Просто как Прахов Ф. А. он имеет право...

– Сидеть в тюрьме, – непререкаемым тоном закончил фразу Голицын. – Есть предложение закончить дискуссию. Я расследую дело о взятке. У меня на руках чистосердечное признание о заведомо ложном доносе. Что там написал прапорщик в своем последнем письме – пусть разбирается гатчинская прокуратура. А мне нужен Кальян.

– Жаль, что мы не нашли понимания. Вам знакомо понятие «интересы государства»?

– И все-таки он ваш человек, – сделал вывод Ткачев.

Саблин несколько секунд помолчал, а потом сказал:

– Можете готовить дело для передачи в Генеральную прокуратуру по Северо-Западу, – и, не прощаясь, ушел.

Ткачев сел к столу напротив Голицына.

– Как он им нужен! Интересно, в какой игре они этого Кальяна используют?

– В государственной. Только непонятно, они его или он их.

– А дело-то они заберут.

Это Юра знал и без Ткачева. Но до передачи дела еще есть какое-то время, так что можно...

– Надо найти жену прапорщика. Она знает правду.

– Только не просите арнаутовских ребят, – покачал головой Ткачев. – Они все под колпаком.

– Может, ваши опера поработают?

– Разве что я сам. Мне от предшественника такие работнички достались – вытрезвитель бы им не доверил.

– Значит, все дороги ведут в Рим. – Голицын взялся за телефон. – Придется просить шиловских. Если не пошлют.

– Шиловские, арнаутовские. Это в городе такие же величины, как «тамбовские» и «братские»?

– Круче. Только их губят разборки, и часто плющат менты.

Первым, кого увидел Скрябин, приехав в зал игровых автоматов, был рыжий Заяц. Он сидел и увлеченно играл. Перед ним стояло пластиковое ведерко, доверху наполненное жетонами. Видать, надолго решил здесь устроиться...

Подойдя сзади, Скрябин хлопнул его по плечу. Заяц чуть не подпрыгнул, и затравленно обернулся.

– Я же тебе сказал на Гороховой не появляться. Ты чего здесь делаешь, родной?

Барабаны автомата замерли, показав выигрышную комбинацию, и после короткой заминки в лоток посыпались жетоны.

– Я кого спрашиваю? – Скрябин потрянул игрока. – Помнишь, что я тебе обещал?

Заяц облизал пересохшие губы и выпалил:

– Не надо меня сажать, пожалуйста! Я вам расскажу, кто автоматы бомбит. Я узнал...

Привлеченные выигрышем, на них обратили внимание другие игроки, сидевшие в зале. Заяц заговорил тише:

– Я про них все узнал. Где живут, какие машины. Их целая банда!

Краем уха слушая Заяца, Скрябин искал взглядом Лемехова. В зале его не было... Вот он! За приоткрытой дверью служебного помещения Стас увидел плотную фигуру администратора. Тот сидел за столом и вытирал платком лоб. А на столе перед ним лежал черный дипломат с блестящими замками.

Тот самый, «румынский»?

– Значит, так, – оборвал Стас торопливую речь Заяца. – Забирай свой выигрыш, выметайся. Дождешься меня на улице. Там и поговорим. Понял?

Заяц кивнул.

Стас пошел к администраторской.

Неотрывно глядя на «дипломат», Лемехов промокшим платком стирал пот с лица.

Если бы Стас был внимательнее, когда приехал к залу игровых автоматов, он мог бы заметить Румына.

Если бы он не спешил заходить, понаблюдад бы издалека, присмотрелся к запаркованным вдоль тротуаров машинам...

Он мог заметить Румына. Но Стас был уверен, что того давно след простыл, и вошел в зал, не обратив внимания на красные «Жигули», стоявшие под аркой дома напротив зала.

Сидевший в машине Румын видел, как вошел Стас. Лемехов столь детально описал внешность «майора Чернова», что ошибиться было нельзя. Тем более что и манерой поведения Скрябин отличался от любителей азартных игр.

Румын собирался ликвидировать сразу двоих, и «Чернова», и Лемехова. В «дипломате» было четыреста граммов тротила, радиоуправляемый взрыватель и поражающие элементы – гвозди, гайки, обрезки металлической ленты. Более чем достаточно, чтобы в тесном помещении администраторской отправить на тот свет двоих. Да и тем, кто в игровом зале, не покажется мало. Убить не убьет, но оглушит так, что они надолго потеряют страсть к «одноруким бандитам». И пусть потом милиция разбирается, что это было: убийство, самоподрыв хранившихся у Лемехова боеприпасов или месть проигравшегося игрока.

Пульт управления радиовзрывателем был замаскирован под сотовый телефон. Когда Скрябин вошел, Румын взял пульт в руку, отключил предохранительную блокировку и, держа палец на кнопке «С», которая должна была отправить в эфир смертоносный сигнал, начал отсчет:

– Десять шагов прямо... Пять налево... Дверь открыл... Закрыл...
Еще фора тебе – пять секунд...

Румын нажал кнопку.

Роман и Егоров заканчивали слушать запись разговора Кальяна с Бажановым.

– Комарики замучили?

Сразу после этой фразы Кальяна раздался треск, и запись оборвалась.

– Микрофон пал смертью храбрых, – Шилов выключил магнитофон. – Но свое дело сделал.

– Где-то я все это уже проживал, – вздохнул Егоров.

Роман понял, что он имеет в виду:

– Тогда мы были на год моложе и сидели в машине.

– Суть та же. Интересно, что за груз?

– Боюсь, вариантов не много.

– Жаль. А я так надеялся, что это восточные сладости. – Егоров взял сигарету из лежавшей на столе пачки Шилова, закурил. – Что они сделают, найдя закладку?

– Будут думать, кто ее мог поставить... – Шилов побледнел и схватил сотовый телефон.

Последний раз он разговаривал с Викой-Тигренком вчера вечером. Она заверила его, что рано утром со своими земляками уедет из города.

– И не спеши возвращаться, – сказал Роман. – Там «трубка» берет?

– По-твоему, у нас совсем деревня?

– Вот и отлично. Значит, я тебе позвоню, когда можно будет приехать...

Она уехала?

Телефон Вики был включен, тянулись длинные гудки, но она не отвечала. Едет в машине и не слышит? Скорее всего. На всякий случай Роман набрал ее домашний номер. Сработал автоответчик: «Здравствуйте. В настоящее время я не могу с вами поговорить. Оставьте свое сообщение...» Значит, точно уехала: автоответчик Вика включала только тогда, когда надолго уходила из дома.

– Извини за занудство, но каковы наши планы? – спросил Егоров.

– Что, планы? Докладывать руководству. Только новостей от Стаса дождемся.

Коротко звякнул телефон прямой связи с дежурным.

– Сейчас нас чем-нибудь обрадуют, – вздохнул Роман, снимая трубку.

– Сегодня Гена дежурит. А у него паника по любому поводу и без.

– Надеюсь... Слушаю!

– Роман Георгиевич? Взрыв в игровых автоматах на Гороховой улице. Есть жертвы.

Швырнув трубку, Рома вскочил из-за стола.

– Ты чего? – не понял Егоров.

– Там Стас!

В семь утра Вика была уже готова к отъезду. В семь десять у ее подъезда остановился серебристый «Шевроле-тахо». Она махнула из окна рукой, что выходит, включила автоответчик и взяла вещи: сумку с подарками родственникам и одеждой, и полиэтиленовый пакет с тигренком, которого когда-то подарил Шилов. Вика не шутила, когда называла игрушку своим лучшим другом, и всегда брала с собой, когда уезжала надолго. Даже в Турцию, куда летала отдохнуть прошедшим летом.

Кроме ее земляков Марата и Тимофея, в «Шевроле» был охранник. Марат выглядел так, как положено выглядеть преуспевающему бизнесмену, Тимофей – как талантливому непризнанному художнику. Охранник тоже был вполне фактурным. Он вышел из-за руля и поставил сумку Вики в багажное отделение, где уже лежали три чемодана, мольберт, зачехленные ружья и многочисленные рыболовные снасти. Туда же он хотел положить и тигренка, но Вика не отдала. Сев рядом с Тимофеем на задний диван, она пристроила друга себе на колени.

– Тронулись? – обернулся с переднего сиденья Марат.

Вика посмотрела на окна квартиры. В груди защемило: вдруг почудилось, что домой она никогда не вернется. Но как показалось, так и прошло. Тем более что Тимофей начал что-то рассказывать – он был мастером по части всяких интересных историй, и даже самый бородатый анекдот в его исполнении звучал очень смешно, – и она отвлеклась.

Марат и охранник собирались сменять друг друга за рулем и рассчитывали добраться в Улан-Удэ за неделю – с учетом остановок для охоты, рыбалки и шашлыков. Тимофей говорил, что тоже готов порулить, но его не принимали в расчет, у него был слишком маленький водительский стаж, чтобы доверить дорогую машину на незнакомой дороге.

– Еще отвлечешься на какой-нибудь пейзаж и въедешь в дерево, – насмешливо объяснил причину отказа Марат.

Маршрут должен был пролегать через Москву, Пензу, Челябинск, Новосибирск, Красноярск и Иркутск. Вика думала: когда еще придется увидеть так много. Почти две трети страны промелькнет за окном. Вдоль одного Байкала ехать триста километров. А она, хоть и выросла рядом с ним, но, стыдно сказать, почти не бывала.

– Смотри внимательнее, – шепнула Вика тигренку. – Потом расскажешь остальным.

Под «остальными» она имела в виду другие игрушки, не отправившиеся в путешествие.

Избежав утренних пробок, выскочили из города и помчались по московской трассе. Предполагалось, что до Москвы остановок делать не будут, приедут в нее часам к трем-четырем и, поселившись в гостинице, вечером сходят куда-нибудь отдохнуть, а с утра пораньше продолжат поездку.

– Правда, у меня там одно дело есть. С человеком одним надо встретиться, – признался Марат, когда за окном промелькнул указатель «Новгородская область» и колеса джипа зашумели на плохом асфальте, которым всегда отличались от соседних новгородские дороги.

У Тимофея вытянулось лицо:

– Марат! Ты же обещал, что никаких дел...

– Бизнес есть бизнес. Ничего, вы меня в каком-нибудь ресторанчике подождете, а я быстро управлюсь. Только договорюсь с человеком, и все.

– Я так чувствую, что тебе сейчас с работы позвонят, и мы поедем обратно.

Художник накаркал, Марату, действительно, позвонили. Как начали звонить, так и не переставали. Иногда Марат сам набирал чей-то номер и начинал спрашивать, но чаще искали его, и он принимался что-то объяснять, нервно жестикулируя свободной от телефона рукой. Разговоры были серьезными. Звучали красивые бизнес-термины, известные всему городу имена и цифры с большими нулями. Вика много раз слышала, как ее клиенты вели подобные разговоры. И обычно после таких разговоров у клиентов мало что получалось – мысленно они были уже не с ней, а считали прибыль от сделок или лихорадочно думали, как минимизировать убытки или оправдаться перед партнерами.

Было похоже, что Марат занимается как раз последним – оправдывается. И его оправдания звучат достаточно жалко. Где-то он напорол, и теперь на него вешают всех собак.

Вике его стало жалко...

Тимофей наклонился к ней, сказал на ухо:

– Накрылась поездка. В прошлом году то же самое было. Собрались поехать, а в последний момент его дела не пустили.

Не доехав до Великого Новгорода двадцати километров, Марат приказал водителю остановиться и с мрачным видом обернулся к Вике и Тимофею.

– Ничего не говори, мы все поняли, – опередил Тимофей бизнесмена. – Назад, да?

– Что вы поняли? – Марат внезапно окрысился. – Да ни хрена вы не поняли! На меня такие бабки повесили!

– Надо было телефон отключить, – сказал Тимофей.

– Дурак ты! – Марат чуть не плюнул. – Короче, мне надо обратно. Хотите, в Новгороде меня подождите. Я через два дня, может, освобожусь. А нет – поехали домой. Если останетесь, гостиницу в Новгороде я вам оплачу.

Тимофей посмотрел на Вику. Перспектива поселиться с ней в гостинице, тем более за чужой счет, его вдохновляла.

– А может, и не освободишься? – спросила Вика.

Марат отвел взгляд:

– Может, и нет. Не знаю, как дела сложатся.

Тимофей незаметно толкнул Вику локтем: давай, остаемся. Пару дней погуляем, а потом, если Марат не вернется, как-нибудь доберемся до Питера.

– Я возвращаюсь, – сказала Вика.

Сидеть в Новгороде и гадать, что будет дальше, ей не хотелось. Тем более что она чувствовала: у Марата все закрутилось серьезно и ни через два дня, ни даже через неделю он не освободится. Чем его ждать, проще отправиться из «Пулково» самолетом.

– Я возвращаюсь...

Марат посмотрел на художника:

– Ты, я так понимаю, один не останешься? Тогда решено.

– Возвращаться – плохая примета, – пробубнил Тимофей.

Широкими колесами подняв с обочины пыль, «Шевроле» развернулся и припустил в Санкт-Петербург.

Обратная дорога показалась длиннее – хотя обычно бывает наоборот. Может быть, потому, что молчали, и потому, что погода испортилась. Небо заволокло тучами, в лобовое стекло бил косой сильный дождь, будто старавшийся задержать рвущуюся в город машину.

Вика шепнула тигренку:

– На самолете полетим. Помнишь, ты летал и тебе очень понравилось?

Ее подвезли к дому. У подъезда стоял патрульный «Форд-эскорт» с милиционером в кабине.

– Чего тут гаишники делают? Да еще и с московскими номерами. У кого-то денег не хватило откупиться на трассе, так они домой к нему не поленились приехать? – усмехнулся охранник, останавливая «Шевроле» позади «Форда».

Он вышел вместе с Викой, чтобы помочь забрать из багажника сумку. Когда он поднял заднюю дверь, с сиденья обернулся Тимофей:

– Вик, может, тебе донести?

Лицо у него было жалобное: он напрашивался на «чай с продолжением» – и понимал, что ни чая, ни продолжения ему, конечно, не светит.

– Спасибо, Тема. Я сама.

Вика забрала сумку, поблагодарила охранника и вошла в дом.

«Шевроле» резко взял с места – Марат торопился высадить художника у метро и отправиться на работу.

Вика подошла к двери квартиры, достала ключи.

Выше нее, на межэтажной площадке, стоял инспектор ГАИ в ярком светоотражающем жилете.

– Нехорошо, девушка! Правила нарушаем, – сказал он и начал неторопливо спускаться.

В его уверенной неторопливости было что-то гипнотизирующее.

Снизу бесшумно поднимался второй инспектор, который сидел перед домом в машине.

У Вики в сумочке зазвонил телефон.

Первый инспектор цокнул языком и запрещающе покачал головой: не надо, не трогай его.

– Вам придется проехать с нами, гражданочка, – сказал второй, бесшумно подошедший вплотную.

Вика вздрогнула и прижала к себе тигренка.

Взрывом выбило широкие витринные окна зала игровых автоматов, раскидало по тротуару какие-то бумажки, жетоны. Место происшествия было оцеплено постовыми и обозначено белой лентой, привязанной где куда – к водосточной трубе, к вынесенному из зала высокому табурету, к ящикам. Внутри оцепления стояли две «скорые помощи», патрульный «УАЗик», микроавтобус взрывотехников ОМОН. Виднелись статичные фигуры местного руководства, прибывшего отметить и проконтролировать, щелкал фотоаппаратом эксперт, опрашивал какую-то женщину участковый.

Кто-то из руководителей по телефону докладывал в дежурную часть главка:

– Один человек погиб, у двоих ранения средней тяжести...

Когда Роман и Егоров подъехали, два медика с носилками выходили из раскуроченных взрывной волной дверей зала. Человек на носилках был до середины лица укрыт простыней, но показалось, что это Стас, и Шилов с Егоровым бросились к нему из «Фольксвагена».

Это оказался не Скрябин.

Скрябин, живой и почти невредимый, курил под аркой дома напротив, почти на том самом месте, где полчаса раньше стояла машина Румына.

– Георгич! – крикнул он.

Круто изменив направление, Роман и Егоров подбежали к нему.

У Стаса был растрепанный вид, испачканное лицо и царапины на шее и на скуле.

– Живой, а?! Птица-феникс!

– Мы, боевые мотыльки, в огне не горим. – Скрябин закурил новую сигарету и смял опустевшую пачку.

У Романа зазвонил телефон.

– Да!

– Рома, это Голицын. Надо срочно найти жену Прапора.

– Юра, я занят. Давай позже. – Шилов убрал «трубку» в карман, кивнул Стасу: – Ну!

– Похоже, он меня вычислил.

– И промахнулся?

– Нет, он все сделал точно. Меня Заяц спас.

– Какой заяц?

– Потом расскажу. У нас остался только адрес Пановой. Если он начнет зачищаться, то, значит, и ее тоже.

– Твою мать! Где ж людей взять?

Снова дозвонился Голицын.

– Да, Юра!

– Что ты решил?

– Ну а мы-то тут при чем? Это вообще не наша тема.

– Рома, ее убьют. Арнаутовский отдел замазан, им соваться нельзя.

– А у меня на шее двадцать дел и московская проверка. Один опер с проломленным черепом в больнице лежит, второго чуть не взорвали. И я не знаю, что еще будет минут через пять, а ты мною чужие дыры латаешь.

– Рома, это операция Кальяна. Он по твоим делам тоже мелькал. На этом деле можно его прихватить. И дальше можешь его давить, на что хочешь.

– Сомневаюсь...

– А ты не сомневайся, Рома, ты меня не первый день знаешь. Дай мне эту женщину, и я прихвачу Кальяна, я тебе обещаю.

– Твою мать! Где ее найти?

– В Гатчине. На работе ее нет, я звонил. Но сын в садике. Если поспешите, то успеете перехватить, когда она за ним придет.

Поехали все втроем. Приехали, договорились с воспитательницей, и стали ждать. Сначала сидели в машине, потом вышли размяться.

Дети бегали по площадке, играли. У мальчишек было много пластмассового оружия – пистолеты, автоматы, винтовки, и они весело изображали войну. Понарошку убитые падали и лежали, подражая увиденному в кинофильмах. Сын Прапора Олег бегал вместе со всеми. У него был «калашников», очень похожий на настоящий. Он расстреливал товарищей длинными очередями и радостно кричал:

– Ты убит! Ты убит!

Шилов облокотился на металлическую ограду детской площадки, сунул в рот сигарету.

– Ты бы не курил, тут дети, – сказал Стас.

– Пусть привыкают, – буркнул Роман, но закуривать все же не стал.

– А моя тайком дымит, – сообщил Егоров. – Думает, я не знаю.

– Все мы так в детстве думаем, – ответил Стас. Подумав, добавил:

– А я сына хочу.

– Так в чем проблема?

– Найти правильную женщину.

– Ну, это как раз не проблема, – махнул рукой Шилов.

– А чего сам не женишься? – Егоров посмотрел на него.

– Детей не люблю, – ответил Роман после паузы.

– Это пройдет...

– Просто ты еще не нашел свою женщину, – добавил Стас.

Подошла воспитательница:

– Вы про сили сообщить. За Олегом пришла мама.

– Где она?

– Вон, видите?

Женщина в коротком, песочного цвета пальто и расклешенных джинсах стояла у бокового крыльца детского сада. Именно она принесла Арнаутову деньги, а потом пыталась утопить его своими показаниями. Теперь ее надо спасать...

Мальчик с «калашниковым» оставил игру и подбежал к маме. Она ему что-то сказала, поправила шапочку. Заметила троих приближающихся мужчин и с тревогой посмотрела на них.

– Добрый день, – сказал Шилов, показывая удостоверение. – Вам придется проехать с нами.

– С какой стати?

Деликатничать не хотелось, и Роман сказал прямо:

– Вы жить хотите?

– Что? – Прямота имела успех, женщина сразу поверила, что дело серьезно.

Шилов посмотрел на мальчика и, очень убедительно разыграв удивление, показал на его щеку:

– Ты где это так испачкался? Ну-ка, иди, помойся.

Сын посмотрел на маму. Она кивнула:

– Иди, иди.

Мальчик взбежал по крыльцу и скрылся в доме.

– Ваш муж убит, – сказал Шилов. – Кто и почему его убил, вы сами догадываетесь. Если вы любите сына, вам придется проехать в прокуратуру и рассказать всю правду.

Женщине потребовалось всего несколько секунд на раздумья. Потом она решительно кивнула:

– Да. Я так и знала, что этим кончится. Я готова.

– Ребенка есть куда отвезти?

– К бабушке.

Мальчик выбежал из дома и с ходу обвинил Шилова:

– Ты меня обманул! У меня щека чистая.

– Я не обманул, а пошутил.

– А врать плохо.

Во время разговора Роман и Стас стояли к женщине лицом, а Егоров посматривал по сторонам и первым заметил вишневый «Лэндкрузер» с дочерна затемненными стеклами. Проехав вдоль ограды, джип остановился у калитки, в нескольких метрах от «Фольксвагена» Шилова. Открылись двери, вышли Кальян и двое бойцов, вставших по обе стороны от него. Вид у них был вполне угрожающий. Водитель остался в машине.

– Это он подговорил вас обвинить Арнаутова? – спросил Шилов.

Не колеблясь, женщина кивнула и взяла сына за руку. Если у нее и оставались какие-то сомнения, то своим появлением Кальян их полностью разрешил.

– Идем спокойно, – сказал Роман, расстегивая «молнию» куртки и движением плеча поправляя подмышечную кобуру так, чтобы было удобнее выхватить пистолет. – Стас – с женщиной, Витя страхует. Готовы? Вперед.

Он пошел первым.

Кальян и его люди стояли, не двигаясь. Кто-то из них убил Прапора. Вряд ли он сам, не по его статусу такой мелочевкой мараться. Он отдал приказ, а исполнил кто-то другой. Тот, который стоит справа. Или слева. Или который остался в машине.

Тонированное стекло не позволяло увидеть, чем занят водитель, и Роман старался идти так, чтобы Кальян с бойцами все время находился прямо между возглавляемой им группой и черным окном водительской дверцы «Лэндкрузера». Кальян, конечно, не полный обмёрзок, чтобы устраивать бойню при таких обстоятельствах, но чем черт не шутит?

Обошлось без стрельбы.

Когда подошли ближе, Кальян вежливо, с полупоклоном, приветствовал:

- Здравствуйте, Роман Георгиевич. Какими судьбами?
- Здравствуйте, Федор Аркадьевич. Работаем.
- Не бережете себя.
- Выслуживаюсь.
- Похвально.
- Можно, мы пройдем к машине?

Кальян посмотрел через плечо на «Фольксваген» и чуть отступил в сторону, символически освобождая проход:

- Конечно.

Стоя вполоборота к Кальяну, Роман подождал, пока за его спиной Стас, женщина с ребенком и Егоров не дошли до «Фольксвагена». С брелока отключил сигнализацию и разблокировал двери, убедился, что они сели. После этого попрощался:

- До свидания, Федор Аркадьевич.
- Удачи, Роман Георгиевич. А я думал, у нас с вами одни враги.

Кальян имел в виду Арнаутова.

- Да нет, вы ошиблись.
- Жаль. Мог бы получиться шикарный альянс.

Кальян сделал своим бойцам знак грузиться в машину, а сам остался стоять, наблюдая, как «Фольксваген» разворачивается и увозит опасную для него свидетельницу.

По большому счету, ему на это было плевать. Ее показания уже ничего не решали.

Пока отвезли сына к бабушке, пока ехали из Гатчины в Питер, наступил вечер.

Голицын, словно почувствовав их приближение, встретил в коридоре прокуратуры.

– Спасибо, Роман Георгиевич.

– Да ладно.

В дороге с женщиной поговорили, и стало понятно, что старались не зря. Она сдала Кальяна с потрохами и была готова идти до конца, через опознания, очные ставки, судебные заседания. Правда, статья, которую можно было вменить Кальяну на основании ее показаний, была не слишком тяжелой, но для начала – хоть что-то.

Голицын пригласил женщину в кабинет. Шилов сказал Стасу:

– Ты бы к Кожуриной заглянул, поговорил про Панову. Ее там, кажется, нет, а Татьяна Николаевна на месте. Поговори и догоняй нас.

– А вы куда?

– Громов ночью едет в Москву, надо кассету с ним передать. И с адресом Пановой что-то придумать. Так что дел хватит, ты тут не затягивай.

Роман и Егоров начали спускаться по лестнице. Стас постоял, задумчиво глядя им вслед, пригладил волосы и пошел к кабинету Кожуриной.

– Можно?

– Заходите, Станислав Александрович...

Выслушав Стаса, она не сильно удивилась.

– Если хочешь знать мое мнение, напрямую говорить с ней нельзя. Она девочка шустрая, старательная, все успевает. Но с двойным дном. Такая будет рога мужу наставлять под самым носом, и совершенно безнаказанно.

– Думаешь, она не при делах?

– Я предпочитаю мыслить юридическими категориями. Найдите факты, тогда видно будет.

– А ты в стороне?

– Ну как я могу быть в стороне, когда такое рядом? Я к ней повнимательнее присмотрюсь.

– Спасибо.

– Пожалуйста. Чаю хочешь? И бутерброды еще есть.

– Чаю? Да, хочу.

Кожурина встала из-за стола. Проходя мимо Стаса, сидевшего на стуле посреди кабинета, недоуменно остановилась:

– Слушай, ты грязный какой-то. Упал, что ли? И кровь на шее...

Стас потер запекшуюся царапину.

– Не трогай, я сейчас обработаю. – Кожурина достала из шкафа аптечку, нашла вату, перекись водорода, пластырь. – Где тебя так угораздило?

– На Гороховой. Там меня сегодня взорвать пытались.

– Вон оно что... Это кто так постарался? Уж не тот ли взрывник?

– Тот самый.

– Следствие по этому делу, между прочим, я веду. Не хочешь поделиться информацией?

– Сама говоришь, нужны только факты. А у нас пока одни домыслы.

Кожурина обработала рану, заклеила пластырем. Все это время Стас сидел спокойно, но как только она закончила, он взял ее за руку и прижал ладонь к своему лицу. Они замерли.

Громко щелкнул, выключаясь, электрический чайник. Кожурина вздрогнула, освободила руку. Ничего не говоря, отошла от Стаса и, убрав аптечку, занялась чаем.

В машине, по дороге к дому Александры, Роман говорил Егорову:

– Если за этой дурой выставимся, попадем под раздачу: слежка за прокурорским работником. Плюс Паша Арнаутов. Он тоже не лох.

– Лох, не лох – а пашет девку Серегиного убийцы.

– Ты ему это докажи.

– Бесполезно. Влюбленные глухи, слепы...

– И туповаты, – подхватил Шилов. – А ведь это идея!

– В смысле?

Не отвечая, Роман достал телефон и набрал номера Стаса:

– Ты еще в прокуратуре? Слушай, спроси у Кожуриной координаты Лютого, она же его дело ведет... Да нет, нам Паша срочно нужен, а он у Лютого кантуется. Я перезвоню через минуту.

– Ты уверен в своей правоте? – спросил Егоров.

– Какая, на хрен, уверенность? Просто делаю, что могу. Есть идеи получше?

– Подтянем Фрола, Сапожникова, сядем в засаду.

– На полноценную засаду нас не хватит. Волчара крученный, вон он как Стаса отбрил. Ничего, Сергеич в Москву скатает, пробьет нам подмогу.

– Ты в нее веришь, в подмогу?

– Я на это надеюсь. – Шилов нажал кнопку повторного набора номера. – Стас, ну как? Говори, я запомню. Так, так... Какая квартира? Спасибо!

– Обиделся на меня тогда?

– Я тебя тогда не понял.

– А сейчас?

– И сейчас не понимаю.

– Испугалась я, Стас. Просто испугалась.

– Чего?

– Обмануться страшно. В себе... В тебе.

– А одной быть не страшно?

– Одной тошно. Это легче.

– Черт, забыл у него про Панову спросить. – Шилов снова нажал кнопку повтора.

Скрябин не отвечал.

– Им сейчас не до нас, – глядя в окно, сказал Егоров.

– Почему?

– Потому, Ром, потому. Все давно это заметили, один ты не видишь. Потому что ни о чем, кроме работы, не думаешь. Когда они в Нижний Тагил в командировку летали, между ними искра проскочила. Ты обратил внимание, что Стас изменился?

– Он же вернулся раньше нее. Чего они тогда прилетели не вместе?

– Не все так просто бывает.

– Ну, не знаю...

– То-то и оно.

Шилов покосился на Егорова. Хотелось сказать что-нибудь очень язвительное, вроде: «Конечно, ты в тюрьме всю жизнь просидел, привык людей под микроскопом разглядывать – вот и замечаешь то,

чего никто увидеть не может. А что не можешь заметить – придумываешь. Какая искра? Кожурина с Арнаутовым седьмой год то сходится, то расходится – и так постоянно. А Стас до сих пор о семейной жизни не может без содрогания вспоминать, и серьезные отношения ему сейчас нужны, как парашют водолазу».

Сказать хотелось, но он промолчал. А там и приехали...

Вызвав Пашу для разговора на лестницу, Шилов энергично спросил:

– Ты мне руку жал? Значит, меня уважаешь.

– Ну...

– Лаконичен, как спартанец. И задание тебе будет спартанское.

– Роман Георгиевич, я вас уважаю, но задачи мне мое начальство ставит.

– Сашу убить могут.

Через двадцать минут они были у ее дома. В квартире был включен свет, работал телевизор.

– Не спит, – сказал Шилов. – Ну что, Паша, вперед?

– Вы так и не сказали, кто он такой. Она же недавно в следствии, никому насолить не успела.

– Паша, я тебе клянусь: я все тебе расскажу, но не сейчас. Нет у нас сил ее прикрывать, понимаешь? И ей нельзя ничего говорить. Так что вся надежда на тебя.

– Да она меня еще ни разу к себе не пускала.

– Потому что раньше у тебя цели были легкомысленные. А теперь ты ее охранять должен. Это уже не баловство, а дело. А дело замаскируешь баловством.

– Вот про баловство не надо, – Паша тяжело взглянул исподлобья.

– Извини, понимаю: чувства. Сам когда-то был молодым.

– А если он сейчас там?

– Ты же собровец, да и мы не сразу уедем, дождемся. Если все в порядке, дай нам знак: свет выключи и снова включи. Идет?

– Идет.

– И смотри, не проболтайся ей.

– Да понял я!

– Если он там, вали его сразу, борьбу не устраивай. Зверь страшный.

– Придет – не уйдет...

Через несколько минут свет в комнате погас и зажегся. Роман и Егоров переглянулись.

– Ну что, Витя, полетели кассету для Громова переписывать?

Два гаишника вышли из леса.

Прежде чем подойти к стоявшему на обочине патрульному «Форду», они отряхнулись и счистили грязь с саперных лопаток, которые у них были в руках.

– Надо было ее глубже закапывать.

– Ладно, я валежником закидал, зверье дождет.

– Ага, полковника уже дождрали. Часы не мог с него снять? Нас шеф так самих прикопает.

– Да шеф без нас никуда! Что он, сам, что ли, будет?.. Я его сейчас, кстати, обрадую. – Инспектор достал телефон и набрал номер трубки Бажанова, который пыталась, но не смогла узнать Вика.

Его напарник бросил в багажник лопатки. Потом достал с заднего сиденья пакет с тигренком. Сумку Вики они выпотрошили в лесу, проверяя, нет ли там чего-нибудь важного, а пакет не брали, и так рук не хватало, чтобы дотащить и девку, и ее барахло.

Пока он рассматривал тигра, его товарищ дозвонился до генерала:

– Короче, она все сказала. Это был один опер из уголовки, фамилия у него Шереметьев. Да, и микрофон тоже он дал. Ага... Понял. – Он убрал телефон и посмотрел, как напарник вертит игрушку: – Чего, детство вспомнил?

– Да вот думаю, может, его Машке подарить? Зачем добру пропадать?

– Ты чего, дурак, что ли?

– Шутка юмора. – Гаишник примерился и сильным ударом ноги отправил игрушку в кусты по другую сторону дороги.

Двое охранников – тех же самых, которым Джексон недавно бил морды, на этот раз беспрепятственно пропустили его в VIP-кабинет восточного ресторана. Только что двери перед ним не открыли, а так даже пробормотали какое-то невразумительное приветствие.

Кальян был в кабинете один. Сидел за столом, пил зеленый чай из пиалы. Выглядел он так, словно всю ночь пил, курил и черт знает чем занимался. Наверное, так и было на самом деле. И обстановка в кабинете служила тому подтверждением: валялись пустые бутылки, на тарелках давно остыла несъеденная закуска, многочисленные подушки и одеяла были разбросаны по всей комнате, а не лежали, как положено, на диване, пахло табаком и «травой».

– Как настроение?

– С баблом было бы лучше, – Джексон сел и тяжело облокотился на стол.

– Это поправимо, – Кальян улыбнулся и достал из кармана рубашки пачку перетянутых резинкой пятисотрублевых купюр, бросил ее перед Джексонном. – Совесть случайно не мучает?

– Ты меня ни с кем не перепутал? – Джексон убрал деньги в куртку.

– Не обижайся. Есть тема; если ее сделать, можно будет свалить в Аргентину до конца жизни.

– Почему в Аргентину?

– Не знаю, но мне почему-то всегда нравилось слово Буэнос-Айрес. – Кальян мечтательно поднял взгляд к потолку.

– Что делать надо?

– Завалить несколько духов и принять груз. Очень дорогой груз.

– Дурь?

– Ты чертовски догадлив.

– Сколько моя доля?

– Приятно иметь дело с профессионалом...

– Может, удастся Кальяна за принуждение к даче ложных показаний закрыть? – размышлял Скрябин, прохаживаясь по кабинету.

Утренняя сходка закончилась. Ольга, Фрол и Сапожников отправились по рабочим местам, Егоров и Скрябин остались вместе с Романом.

Слушая Стаса, Шилов ждал звонка Громова. Он давно уже в Москве и, наверное, сейчас разговаривает с замом министра, которого знает много лет. Когда-то давно они начинали операми в одном отделении и до сих пор поддерживали товарищеские отношения, несмотря на то что Громов застрял на своей должности и вряд ли уже двинется выше, а товарищ успешно строит карьеру в верхних этажах власти.

Стас продолжал:

– От Кальяна – к Бажанову. От Бажанова – к воякам. А там и Румын...

Только он это сказал, как генерал Бажанов собственной персоной решительно вошел в кабинет и, с одобрением заметив, как личный состав при его появлении дисциплинированно поднялся, подошел к столу Шилова.

Шилов подумал: вот будет номер, если Бажанов из коридора слышал выкладки Стаса. Дверь тонкая, а Скрябин говорил достаточно громко...

Но генерал, похоже, ничего такого не слышал. Считал, видимо, ниже своего звания прислушиваться к доносящимся из кабинетов обрывкам фраз. Или шел слишком быстро, да еще и погруженный в свои мысли – на лице генерала было написано, что причина для визита к «убойщикам» у него очень важная.

– Роман Георгиевич, – сказал генерал, – у вас есть в отделе опер по фамилии Шереметьев?

– Что? – Роман подумал, что ослышался.

– Шереметьев Арнольд. У вас есть такой?

Романа спас звонок телефона. Вздвогнув, он посмотрел на аппарат, спросил:

– Товарищ генерал, разрешите? – и, не дожидаясь ответа, снял трубку.

Это был Громов:

– Говорить удобно?

– Так себе.

– Тогда слушай. Кассету я людям отдал. Люди посмотрели и сказали, что кассета размагничена. В общем, на ней ничего нет.

– Никто не хочет иметь проблемы.

– Еще не все. Меня временно отстранили от должности. Бажанов подсуетился...

Шилов поднял глаза на генерала.

Заложив руки за спину, Бажанов с хозяйским видом прошелся по кабинету. Заметив на стене фотографию Соловьева под стеклом в траурной рамке, подошел поближе, наклонился, чтобы рассмотреть. Увидев в стекле свое отражение, машинально поправил волосы.

Громов продолжал говорить:

– У тебя копия кассеты осталась?

– Конечно.

– Не наломай дров. Через пару дней я вернусь, и мы все спокойно обсудим. Понял меня?

– Да.

– Тогда пока все.

Громов отключился, но Роман продолжал держать трубку прижатой к уху и изображать заинтересованное внимание, благо Бажанов стоял далеко и не мог услышать коротких гудков.

-ОНА НЕ УЕХАЛА.

Не успела? Ее перехватили по дороге? Она соврала про земляков, чтобы он не беспокоился, а на самом деле и не собиралась никуда ехать?

– Мне не нравится твоя фамилия. Она какая-то холодная и острая. Тебе бы подошло что-нибудь дворянское. Например, Шереметьев. Арнольд Шереметьев.

– Можно, я останусь тем, кто я есть?

– Можно. Мы все остаемся теми, кто мы есть.

Вот и все...

Генерал Бажанов стоял к Роману спиной. Сшитый на заказ китель обтягивал широкие плечи, блестело золото погон. Он лично не

допрашивал и не убивал. Он распорядился, и ему доложили об исполнении. А теперь он пришел получить информацию, чтобы его мокроделы могли закончить зачистку.

Хорошо, что не пошел в управление кадров. Зажрался генерал, ох, зажрался. Расслабился. Перестал думать. Давно ему рожу не чистили, вон он и поверил в собственную непогрешимость...

...Шилов положил трубку и бесшумно поднялся. Генерал продолжал стоять, как стоял, и не заметил, что Роман подошел сзади. Коротко замахнувшись, Шилов ударил ребром ладони по шее, и генерал тяжело упал к его ногам.

Стас и Егоров все поняли. Стас бросился запираť дверь, Егоров достал наручники и моток скотча. Липкой лентой генералу замотали лицо, лишив возможности слышать, видеть и говорить, и опутали щиколотки. На запястьях сцепили «браслеты».

После этого Бажанова положили к стене позади стола Шилова. Егоров остался его караулить, а Роман со Стасом уехали, предварительно поставив в известность дежурного, что их не будет до вечера.

Время пролетело быстро. Один раз позвонили из дежурки:

– Роман Георгиевич, генерала Бажанова не могут найти. Не знаете, где он может быть?

– Понятия не имею. Наверное, в сауне с девочками.

Вечером, когда главк опустел, Шилов и Скрябин вернулись. Бажанов неподвижно лежал у стены, Егоров сидел за столом, положив перед собой резиновую дубинку:

– Пришлось его успокоить.

Из главка Бажанова вынесли через запасной выход. Роман отвлек постового, и Егоров со Скрябиным незаметно пронесли тело. Утрамбовали в багажник «Фольксвагена» и поехали.

На выезде из города их тормознули гаишник. Шилов показал ксиву:

– Привет, коллеги! Случилось чего?

– Случилось. Генерал один из Москвы потерялся. Приказано досматривать все машины. Может, его похитила мафия!

– Эт-то точно! Нас досматривать будете?

– Проезжайте.

В лесу с генерала сняли «браслеты» и скотч, и принялись бить. Он катался в грязи, скулил, плакал, просил пощады. Предлагал денег. Много денег. Миллион долларов. Два миллиона. Три. И никто ничего не узнает! Он всем расскажет, что в пьяном виде стал жертвой грабителей...

Он рассказал, как убивали Тигренка. Кто убивал, как, где, почему.

Рассказывал и просил, чтобы его пощадили. Говорил, что он не хотел трогать бабу. Не хотел! Но куда было деваться? Жизнь такая, не ты – значит, тебя.

Шилов перерезал ему горло и толкнул в овраг.

– Надо было часы с него снять, – сказал Стас, – а то потом опознают, как Карташова... .. Роман положил на аппарат трубку и потер лоб.

Генерал Бажанов стоял к Роману спиной. Сшитый на заказ китель обтягивал широкие плечи, блестело золото погон.

Жаль!

Промелькнувшие в воображении сцены были не только справедливы – они были вполне выполнимы.

А может?..

Услышав, что разговор закончен, Бажанов повернулся и подошел к столу Романа.

– Так о чем вы, товарищ генерал? – спросил Шилов.

– Опер, Шереметьев Арнольд.

– Есть такой. Вернее, был. Уволился, сейчас нам помогает как внештатный сотрудник.

– Справочку мне на него составьте, побыстренько. Адрес, телефон... В общем, все по полной.

– Есть, товарищ генерал.

Бажанов ушел.

– Кто такой Шереметьев? – Спросил недоуменно Егоров.

– Ты «Секреты Лос-Анджелеса» смотрел?

– Нет.

– Там Кевин Спейси детектива играет. Перед тем как его застрелили, он назвал своему убийце – начальнику полиции города – фамилию человека, от которого якобы получил информацию. Фамилия была вымышленной, и когда начальник полиции начал искать этого человека, напарник Спейси все понял.

– Так кто такой Шереметьев?

– Они убили Тигренка. Это я виноват... – Обхватив голову, Роман замолчал, глядя в стол.

Егоров и Скрябин переглянулись. Стас негромко позвал:

– Рома! Что делать-то будем?

Шилов поднял голову. Глаза у него были совсем больными.

– Нужен левый адрес. Там мы с ними и встретимся.

Сидя в машине, Роман думал, что смерть Вики он себе никогда не простит.

Угадав его мысли, Скрыбин тихо сказал:

– Что случилось, того не изменишь. Но в наших силах сделать так, чтобы ее гибель не была бесполезной.

Шилов дернул щекой. Развивать эту тему ему не хотелось. Как было сказано в одной книге: «Я сам похороню своих мертвых».

Они сидели втроем с Егоровым в машине, во дворе дома. Фрол и Сапожников ждали в квартире. Для организации полноценной засады требовалось больше людей, но взять было некого. Заказывать СОБР не стали из опасений, что Бажанов об этом может узнать. По тем же причинам отказались от помощи коллег из главка. А искать, пользуясь личными связями, надежных людей в райуправлениях было некогда. Как только передали Бажанову справку на Шереметьева, так сразу и выставились под адрес.

Адрес предложил Егоров. Многокомнатная квартира в старом доме на Краснопутиловской принадлежала одному коммерсанту, который некогда, еще в бытность Егорова тюремным опером, арестовывался за кидалово. Коммерсанта ждали в пресловутой сто пятой камере, населенной реальными пацанами, которые бы выдоили его подчистую, заставив отдать припрятанные наличные деньги и переоформить собственность на их оставшихся на свободе друзей, но Егоров взял барыгу под крыло и оградил от бандитского беспредела, определив его на постой в хату с человеческими порядками. В тюрьме коммерсант пробыл недолго. Большинство обвинений отвалилось еще на стадии следствия, а по тем, которые дошли до суда, он получил по отсиженному – восемь месяцев. Освободившись, Егорова не забывал. Звал к себе на работу консультантом по безопасности, поздравлял с праздниками, оказывал спонсорскую помощь отделу и всегда предлагал обращаться, если что-то потребуется. В сферу интересов предпринимателя входил вторичный рынок жилья, и поэтому стоило только Егорову заикнуться, что им для операции требуется квартира, как он предложил несколько адресов. Выбрали Краснопутиловскую.

Во-первых, расположение дома отвечало требованиям засады, во-вторых, ни по каким базам данных невозможно было быстро проверить, кому принадлежит квартира, и кто в ней живет. При этом на самом деле она пустовала в ожидании покупателя, но имела все внешние признаки используемого жилья.

– Не факт, что они сегодня заявятся, – сказал Стас, пытаясь разговором отвлечь Шилова от мрачных мыслей.

Сидевший сзади Егоров пихнул его в спину: тоже мне, психолог, нашел, что сказать!

Но Шилов спокойно ответил:

– У них времени нет. Поставка срывается, груз уходит из рук из-за какого-то Шереметьева. Была бы у них ракета – они бы весь дом взорвали к чертовой матери, чтобы наверняка. Так что прискачут, как миленькие... Бл-лин, а этих-то как сюда занесло? Они нам сейчас всех распугают.

Во двор дома неторопливо вкатился гаишный «Форд-эскорт».

Заехал и встал, метрах в двадцати от «Фольксвагена», носом к нему. Через лобовое стекло были видны два инспектора в светоотражающих жилетах и форменных кепи.

У водителя «Форда» зазвонил телефон. Нажав тормоз, он отцепил «трубку» от пояса и посмотрел на дисплей. Раздраженно скривился:

– Опять ей что-то надо!

– Кому? – спросил напарник.

– Да Машке, чтоб она... Алло! Слушай, я на работе. Я занят. Все, не отвлекай меня, ясно?

Дав отбой, он хотел продолжить движение, но напарник сказал:

– погоди. «Фольксваген» видишь? Там трое сидят. Не нравятся мне их рожи.

– Менты, думаешь?

– Не знаю. Сейчас проверим. – Инспектор вылез из «Форда» и, помахивая жезлом, направился к машине «убойщиков».

Подойдя, привычно отдал честь и представился:

– Старший лейтенант Павленко. Документы, пожалуйста.

В принципе, уже и без документов инспектор видел, что пора сваливать. Это была явно засада, и десять против одного, что по их душу, а не на каких-нибудь квартирных воришек. Просто не знают точно, кого ждут, вот и сидят пока спокойно.

Тот, который был за рулем, показал ксиву:

– В чем дело, лейтенант?

Мазнув по удостоверению взглядом, Павленко очень правдоподобно ответил:

– Да угнали такую же ночью. Проверяем.

– У нас здесь задание. Вы не могли бы отъехать куда-нибудь?

– Хорошо.

Типично по-гаишному посмотрев на номерной знак «Фольксвагена», Павленко неторопливо пошел к патрульной машине. У того, кто показывал ксиву – Павленко запомнил, что это начальник отдела Шилов, – звякнул сотовый телефон, и он нервно ответил:

– Да, слушаю!

«Дергаются, – мысленно усмехнулся Павленко. – А как бы задержались, если бы знали, кто мы такие. Хорошо, мы следов нигде не оставили. Так что ждите, мужики, ждите. Флаг вам в одно место. Только непонятно, кто же нас подставил. Генерал? Или его самого развели?»

Павленко сел в машину, на вопросительный взгляд напарника ответил:

– Короче, засада. Отъезжаем тихонечко и сваливаем, – после чего, положив полосатый жезл на торпеду, расстегнул кобуру. Шилов разговаривал с Ольгой, которая осталась в отделе:

– Роман Георгиевич, есть новости по обходу дома девушки. Соседи видели, что вчера у подъезда долго стояла машина ГАИ...

Шилов еще не успел осознать важность услышанного, как Егоров, приглядевшись к «Форду», удивленно спросил:

– А чего это у них номера московские?

Шилов бросил телефон и, поворачивая ключ зажигания, скомандовал:

– Это они. Берем!

Скрябин продублировал команду по рации, чтобы предупредить тех, кто находился в квартире.

Фрол и Сапожников Скрябина поняли. Но его голос слышали и в «Форде», рация которого оказалась настроенной на ту же волну.

«Форд», до этого медленно пятившийся, рванул в полную силу. Павленко высунулся из окна и навскидку сделал несколько выстрелов.

Одна пуля чиркнула по крылу машины Романа, остальные ушли вбок и ниже.

Егоров выпрыгнул из «Фольксвагена», встал на одно колено и, двумя руками держа пистолет, выстрелил по гаишной машине. Павленко ответил, но его водитель в этот момент начал разворот, и он опять не попал.

Из двора можно было выехать только через одну арку, и Шилов, свернув влево, помчался вдоль стены дома, чтобы перекрыть выезд. «Форд» все еще разворачивался, Егоров на бегу стрелял по нему, Скрябин, опустив боковое стекло, тоже открыл огонь. От чьего-то попадания лобовое стекло «Форда» покрылось сетью трещин и стало мутным, но водитель все равно вдавил педаль газа и, с пробуксовкой сорвавшись с места, полетел к выезду из двора. Егоров выскочил прямо перед машиной и в упор расстрелял оставшиеся патроны. Увернуться он уже не успевал. Нос «Форда» ударил его по коленям, и Егоров, перелетев через мчащуюся машину, боком упал на асфальт.

Ударив по тормозам, Шилов развернул «Фольксваген» и вдавил газ до упора.

Машины полетели навстречу друг другу.

Ширина дорожки позволяла разминуться машинам, но Шилов целился прямо в «Форд», и как только его водитель дергал рулем в ту или другую сторону, зеркально повторял маневр.

Он шел на таран, и гаишник это почувствовал.

В последний момент, когда казалось, что столкновение уже неизбежно, у него сдали нервы, и он инстинктивно выкрутил руль.

Со всей дури «Форд» вцепился в кирпичный угол трансформаторной будки. Сила удара была так велика, что капот смялся почти до середины, одно колесо сорвало с креплений, захлебнувшийся двигатель вылетел под машину, а мелкие части разбросало на много метров вокруг.

Когда Стас и Роман подбежали к машине, живых в ней не оказалось. У Павленко было пулевое ранение в лоб, так что он скончался еще до удара о будку. А вот шофер погиб именно при ударе. Перелом ребер и травмы внутренних органов он бы еще, может быть, пережил, но страшной перегрузкой при столкновении разорвало шейные позвонки, и теперь, хотя спина была плотно прижата к

сиденью, окровавленная голова неестественно, как у сломанной куклы, свешивалась к плечу.

– Твою мать! Нам бы хоть одного взять! – Шилов запихнул в кобуру пистолет, развернулся, поискал глазами лежащего Егорова и крикнул: – Петрович, ты как? Живой?

– Да я-то живой, только ноги, похоже, кранты!

– Вызывай «скорую», – сказал Роман Стасу, а сам еще раз заглянул в искореженный «Форд»: – Теперь вы имеете право хранить молчание. А все, что вы делали и не делали, вашими корешами будет повешено на вас.

Вечером Роман сидел во дворе дома Полковника и ждал, когда тот придет со службы. Повезло вдвойне: ждать не пришлось долго, а Полковник не заставил водителя подъезжать к самому дому – из-за начавшегося ремонта детской площадки это было не очень удобно – и последний отрезок пути проделал пешком. Пока он шел, «Волга» с черными армейскими номерами уехала. Отлично: не будет свидетелей.

– Степан Дмитриевич! – окликнул Роман.

Раньше его видеть Шилову не приходилось. Он присмотрелся, прислушался к внутренним ощущениям. Определенно, Полковник вызывал уважение. Только как же он тогда влез в такое дерьмо?

– Чем могу быть полезен?

– Я думаю, мы можем быть полезны друг другу. Не желаете послушать вот эту кассету?

Запись прослушали в машине Романа. Шилов не понял, узнал ли Полковник голос Каляна, но то, что Бажанов был ему неплохо знаком, это точно.

Прозвучала последняя фраза: «Комарики замучили?». Полковник сидел с каменным лицом. Шилов вынул кассету, вложил в футляр и протянул Полковнику:

– Этой мой вам подарок.

– Что вы хотите? – Полковник посмотрел на кассету, но брать пока не стал.

– Справедливости.

– Это забытое слово. А вы профессионал.

– Идеалист, к несчастью. Погиб мой друг. В его смерти виновен человек, который взорвал «скорую помощь».

– Это не мой человек.

Шилов недоверчиво усмехнулся, и Полковник поправился:

– Давно уже не мой.

– Как его найти?

Полковник долго молчал, глядя перед собой. Потом взял у Романа кассету и ответил:

– Каждый четверг с пятнадцати до пятнадцати десяти он ждет в Румянцевском садике у Академии. Других способов связи с ним нет.

Понять, говорит Полковник полную правду, или все-таки умолчал про «другие способы связи», Шилов не смог. Но в одном не усомнился: про Румянцевский садик он сказал правду.

– Завтра как раз четверг.

Полковник кивнул:

– Он придет. Встреча у памятника.

– Слово офицера?

– Да.

Не глядя на Шилова, Полковник открыл дверь и вышел.

– Вас давно предали, – громко сказал ему вслед Роман.

Полковник вернулся и наклонился к окну:

– А вас – нет?

Оставив охрану в восточном ресторане, Кальян сам сел за руль и привез Джексона на товарную станцию. Его здесь хорошо знали: заведя машину, вахтеры открывали ворота и пропускали, не спрашивая документов.

Было утро. Рабочий день уже начался, но станция выглядела вымершей. Джексон никогда бы не подумал, что она такая огромная. «Тойота» долго петляла между каких-то складов, мастерских и административных строений и ехала вдоль путей. Наконец, остановились и вышли. Мало того, что вся станция казалась неживой, так это было ее самое мертвое место. Заросшие бурьяном рельсы уходили за горизонт, справа тянулся бетонный забор, слева была разгрузочная площадка с подъемными кранами и еще какими-то приспособлениями, названий которых Джексон не знал, а дальше – откровенно заброшенные амбары, грязные, ушедшие в землю, с выбитыми окнами и распахнутыми дверьми. Из одного амбара вышла тощая собака, посмотрела на людей, вильнула хвостом и затрусилась куда-то вдоль рельсов.

– Платформу и вагон с охраной загонят сюда, – сказал Кальян. – Мы будем ждать во-он там. Вы с напарником будете косить под принимающую сторону.

– Пароль есть?

– Все есть. Там, в охране, человек у меня. Подходите, говорите пароль и тихо всех убираете.

– А как твоего человека узнать?

– Я же сказал – всех убираете.

Джексон пожал плечами:

– Да мне по барабану. Сколько их?

– Четверо.

– Мой напарник – один из твоих нукеров?

Кальян непонятно усмехнулся:

– Скорее, из твоих.

Впрочем, то, что он имел в виду, недолго оставалось загадкой. Раздались шаги, и из прохода между заброшенными амбарами

вывернул Лютый. Он шел уверенно, держа руки в карманах и не глядя переступая через торчащие тут и там из земли железяки.

Джексон не удивился.

А вот у Лютого рожа вытянулась.

Со спины он не узнал Джексона и с улыбкой поздоровался с Кальяном, а вот когда Джексон развернулся, Лютый вздрогнул...

– Ты чего, блин, рехнулся?

– Спокойно, Гриня! Все свои. – Кальян широко ухмыльнулся.

– И давно?

– Тихо, тихо! Мы не в ментовке, и я не на допросе.

– Спасибо, что засветил.

– Теперь уже все равно.

– В каком смысле?

– «Последнее дело комиссара Берлаха». Фильм такой был. Смотрел?

– Нет.

– Зря. А вот я в детстве тащился...

– У меня детство было другое.

– Тогда поговорим о старости. Помнишь, ты спрашивал, почему таджиков никто на наркоте не трясет? Я тоже задался этим вопросом...

Джексон оставил их разговаривать и, делая вид, что изучает место предстоящей операции, неторопливо отошел в сторону.

Место его, конечно, тоже интересовало. Но важнее было другое. После всего, что было здесь сказано, и до начала операции его из-под контроля не выпустят, и возможности связаться со своими не будет. Сейчас – единственный шанс.

Незаметно достав телефон и держа его перед собой, чтобы оставшиеся сзади Кальян с Лютым не могли видеть, чем он занимается, Джексон стал набирать SMS-сообщение. Получалось медленно: Джексон почти никогда раньше их не писал и путался в кнопках.

Ну, быстрее!

Все, не успел.

По шагам определив, что к нему торопится Кальян, Джексон отправил недописанное сообщение и нажатием кнопки стер набранный текст.

Тут же рядом с ним остановился Кальян.

– Кому звоним? – спросил он, глядя на телефон в руке Джексона.

– Начальнику ГУВД. Медаль зарабатываю.

Кальян понимающе усмехнулся. Но глаза при этом были серьезными. Очень серьезными.

Подождал Лютый, встал рядом.

– Да ладно, расслабьтесь. – Джексон небрежно подбросил телефон на ладони. – Бабе хочу позвонить. А то вечером не приду, она шум поднимет.

– Это правильно, шум нам не нужен. Поэтому и не звони никому, ладно? И телефончик дай. – Кальян протянул руку.

Ощущение было такое, что если Джексон не отдаст телефон, другой рукой Кальян выхватит пистолет и застрелит его. И что самое неприятное, ощущение было очень правдоподобным.

Джексон тем не менее медлил.

– Извини, больно ставка большая, – подчеркнуто терпеливо добавил Кальян.

– Я тоже отдал, – сообщил Лютый. – Теперь меня точно с работы выгонят.

– А она тебе нужна будет завтра, эта работа? – не отводя взгляда от Джексона, усмехнулся Кальян.

– Дожить бы еще до завтра.

Джексон положил на ладонь Кальяна мобильник, передернул плечами и пошел дальше осматривать место.

Опыт тоскливо подсказывал, что от того, как много он сейчас сможет разглядеть и запомнить, вечером будет зависеть его жизнь.

Дождавшись, когда жена уйдет на работу, Полковник взял в комнате магнитофон и заново прослушал кассету.

– Степу Завьялова помнишь? – спрашивал Бажанов.

– А то!

– От Конторы груз он должен принять.

– Не обрадовал. Его обыграть сложно. Он, поди, уже генерал?

– Да полковник, командир части. Хватка уже не та, так что обыграешь. Я до МВД ему пару заказов подкинул. Мол, штаб приказал. Так он за свой полковничий паек все сделал в лучшем виде...

Не только Кальян помнил Полковника – Полковник тоже не забыл о нем. В Афгане Федя Прахов был одним из самых рискованных и самых удачливых командиров. В его подчинении был разведвзвод, которому давались самые опасные задания. При этом всегда говорилось: «Ну, Прахов не подведет! Прахов сделает!» Прахов и не подводил. Прахов делал. Ни у кого не получалось, а у него выходило. Причем выходило как-то играючи: с блестящим, превосходящим самые смелые ожидания, результатом и без серьезных потерь. Сам всегда возвращался, и ребят приводил.

Пока однажды не вернулся. Из целого взвода, ушедшего на задание, через три дня вернулись только двое солдат. Взвод попал в засаду, после часа боя Прахов, потеряв половину личного состава, приказал отходить. Из-под огня выбрались только эти двое. Остальные – кто пропал без вести, кто погиб. Прахова тоже долго считали погибшим: солдаты видели, как он получил пулю в грудь и упал.

Но через полгода узнали, что он жив и находится в плену. Велись какие-то переговоры об освобождении – Полковник не знал подробностей, но знал результат. С душманами не договорились, Прахов остался у них. Хотя возможность договориться вроде была: за него они требовали полевого командира не самого высокого ранга, к тому же давно выпотрошенного нашей разведкой и, соответственно, уже не представляющего интереса. Но по каким-то причинам этого командира предпочли расстрелять, а не пустить на обмен.

После этого следы Прахова затерялись. Полковник был уверен, что душманы поступили с ним так же, как наши с их командиром. И очень удивился, узнав, что бывший взводный выжил в Афгане и в Пакистане и после шести лет плена вернулся на родину.

Теперь, оказывается, он работает вместе с Бажановым...

Хотя в записи не прозвучало подробностей, Полковник догадался, какие именно «пару заказиков» ему подкинул генерал.

А ведь он действительно думал, что работает на страну.

Когда он учился в военном училище, такое невозможно было представить. Но потом были Ливан, Мозамбик, Афганистан. Нагорный Карабах. Югославия. Была – и продолжается – Чечня. Все перевернулось с ног на голову. Армию предали. Полковник оставался одним из последних, кто верил, что так не может продолжаться до бесконечности. Когда-нибудь там, наверху, возьмутся за ум. Он верил, что это произойдет. Поэтому и не увольнялся на пенсию, хотя выслуга позволяла. Ждал. Хотел поучаствовать в возрождении. Иначе – жизнь прожита зря. Какой смысл в этой жизни, если все, во что он верил и чему служил, – втоптано в грязь, распродано и забыто.

Когда старый друг Координатор передал ему первый скользкий приказ, он подумал: вот, началось. Государство должно защищаться не только от внешних врагов, но и от внутренних. И если МВД не в состоянии справиться, то надо заняться этим самим.

Первым, кого исполнили, был крупный преступный авторитет. Потом – зарвавшийся сверх меры чиновник. Потом... Потом... Распоряжения шли регулярно.

С каждым приказом Полковнику передавалось короткое досье на объект. Полковник ни разу не усомнился: заслуживает.

И, грешным делом, удивлялся: мало приказов. После того что они со страной сделали, для выздоровления требуется не иглоукалывание, а хирургическая операция.

Потом, правда, какие-то сомнения появились. Без фактов, все только на уровне интуиции. Полковник гнал сомнения от себя. Признать их правомерность было страшнее, чем заново оказаться в яме у мозамбикских повстанцев.

И вот теперь – эта кассета.

С одной стороны, что – кассета? Какая-то запись, неизвестно кем и неизвестно где сделанная. Может, вообще смонтированная.

С другой – Полковник чувствовал, что это правда.

Сомнения исчезли, все встало на свои места. Он работал не на страну, он обслуживал чьи-то шкурные интересы. Его руками и руками его бойцов кто-то решал свои деловые и финансовые проблемы.

...Полковник выключил магнитофон, достал кассету. Позвонил дежурному:

– Группам два, три и семь готовность – пятнадцать минут. Я выезжаю.

– Есть! – прозвучал в ответ четкий голос дежурного.

Полковник горько усмехнулся: он ничего не знает, счастливчик.

Когда Полковник в коридоре надевал бушлат, в замке заскрежетал ключ и вошел сын, вернувшийся «с картошки»:

– Привет, пап! Нам выходной дали.

Полковник подумал: сын – это единственное, что ему удалось в жизни. А вот все остальное... Лучше бы он даже не начинал!

Сын продолжал говорить:

– Одна девчонка из Вологды приехала, я обещал ей Питер показать.

Полковник вынул бумажник, в котором лежали тысяча шестьсот тридцать рублей. Взял три пятисотки, протянул сыну:

– На, сводишь ее куда-нибудь.

– Спасибо. – Сын одновременно обрадовался и удивился: его никогда не баловали деньгами. – Я хотел заниматься.

– Заниматься у чужих – последнее дело. Лучше у меня спроси. Все, я побежал!

Полковник открыл дверь.

– Пап! Как на службе?

Он не колебался с ответом:

– Нормально!

Что бы ни случилось, это не должно коснуться сына.

Скрябин сидел за столом, Шилов прохаживался по кабинету. Оба курили. Пачка Стаса валялась пустой, у Романа сигареты еще оставались. В пепельнице высилась гора окурков.

– Последний бой – он трудный самый, – Роман врезал кулаком по раскрытой ладони.

– Я бы все-таки хотя бы Фрола взял. И Сапожникова. Этот хрен слишком много народа на тот свет отправил. И две ходки в Анголу! Там воевали далеко не дети.

– Василевский в больнице, Егоров в больнице. Ты чудом жив. Серега, – Шилов остановился, поправил траурную фотографию на стене, – Серега на кладбище. Командир, который не может уберечь своих солдат – дерьмовый командир.

– Раньше ты такими комплексами не страдал.

– Раньше жизнь казалась проще. Ну что мы, вдвоем его не сделаем?

– А СОБРов позвать? Крученный же, падла!

– Утечки боюсь. Бажанов может пронюхать. К тому же это наше личное дело.

– Ты не слишком много личного складываешь?

– Кто это говорит? – Шилов, опершись на кулаки, навис над столом, за которым сидел Стас. – Кто мне плешь проедал?

– Просто обидно будет, если мы его упустим из-за мелочи. Хотя бы одного еще, на подстраховку.

– Тогда Сапожникова. У Фрола семья. И если что – завалим к чертовой матери. Пусть только дернется!

– На него доказухи ни по одному делу нет. – Скрябин выразительно посмотрел Роману в лицо. – И явку с повинной, я думаю, он не напишет.

Они уже говорили об этом.

Румына можно задержать. Но посадить – очень сомнительно.

Шилов повторил:

– Пусть только дернется...

Немного позже, когда они выехали на разведку в Румянцевский садик, пришло недописанное SMS-сообщение Джексона: «Груз встречаю вечер.»

– Сержант, твоя группа нейтрализует Румына. У него на хвосте милиция, так что не тяните.

В своем кабинете Полковник заканчивал инструктаж командиров групп. Двое уже получили задания и ушли. Остался последний, которому выпала самая ответственная задача.

– Вот адрес его женщины...

– Какие команды по женщине?

– По обстановке.

– Понял. Разрешите выполнять?

– Выполняйте.

Четко развернувшись через плечо, сержант вышел.

– Проще было бы работать на месте встречи, – сказал майор Гасилов, до того молча сидевший в углу.

– Я не хочу перестрелки с МВД.

– Не надо было сливать им это место.

– Я дал слово офицера.

– Тогда это, конечно, меняет дело. – Гасилов пренебрежительно усмехнулся.

– Ирония неуместна. Румына им все равно не взять, не их уровень.

Майор скептически хмыкнул, но промолчал.

– Так, все! Теперь по грузу. Доложи, как понял задачу.

– Под прикрытием группы в гражданской одежде выдвигаюсь на запасные пути Ладожского вокзала и жду прибытия груза. При получении груза обеспечиваю его доставку в порт.

Все было правильно.

Половину ночи Полковник просидел над документами, полученными от Координатора вместе с этим заданием. В свете последних событий, когда стало понятно, что если не все, то подавляющее большинство приказов на ликвидации, передаваемых Координатором, шли не от высшего руководства, а были получены «слева», новое задание вызвало обоснованные сомнения. Но, как ни старался, Полковник не смог отыскать в документах ничего, что

выглядело бы подозрительным. Более того: Полковник воспользовался своими возможностями, о которых Координатор скорее всего даже не подозревал, и, сделав несколько телефонных звонков, получил подтверждение, что это дело действительно государственное.

Полковник подумал: что ж, выполняю это задание, а потом спрошу со старого друга. Поставлю его в такие условия, что отмолчаться не сможет. Во всех деталях расскажет, какие ликвидации были службой, а какие – халтурой. Все-таки не может такого быть, чтобы все приказы Координатор составлял сам. Что-то должно было идти сверху. Вот об этом и поговорим. Заодно и Мозамбик вспомним: так ли все было, как привык верить Полковник, или, может быть, молодой Координатор лично составил тот план и предложил его кандидатуру для подставы: «Я его давно знаю, паренек шустрый, драться будет отчаянно. Повстанцы поверят. Даже если он сожрет письмо, его заставят сказать, куда и с какой целью он шел. Так даже будет правдоподобнее...» Полковник посмотрел на майора: – Все правильно. Выполняйте. И хочу вам еще раз напомнить: груз должен уйти за границу любой ценой.

Арнаутов бы предпочел, чтобы Кожурина была в кабинете одна, но ее молодая стажерка – он не помнил, как ее зовут, да и видел-то всего пару раз и с первой же встречи почувствовал неприязнь, – тоже сидела за своим столом и рассматривала фотографии в каком-то деле.

– Можно?

– Проходите, Николай Иванович.

Арнаутов закрыл за собой дверь, неловко помялся и сел на один из двух жестких стульев у стены, которые редко использовались по непосредственному назначению. Обычно на них складывали верхнюю одежду или сумки пришедшие допроситься свидетели. Видеть на этом месте Железного Дровосека было несколько странно и даже жалко. Впрочем, его внешний вид сейчас не оправдывал тяжелое прозвище. Вся энергия куда-то ушла, от бывлой самоуверенности осталась лишь тень.

– Я просто так, – объяснил Арнаутов.

– У Голицына был?

– Да. Дело он возбуждать не стал. Вся эта история со взяткой... – Николай Иванович махнул рукой и натянуто усмехнулся.

– Понятно, что липа, но сделано грамотно. Да еще твои дров наломали.

– Да уж...

Кожурина посмотрела на стажерку:

– Саш, сходи, пообедай.

Та намека не поняла:

– Да рано еще, Татьяна Николаевна.

– В самый раз.

Александра вздохнула, закрыла дело, положила в сумочку косметичку и телефон. Перед тем как выйти, встала перед зеркалом и поправила макияж, с каким-то болезненным любопытством косясь на неподвижно сидящего Арнаутова.

Все это время Кожурина и Арнаутов молчали. И смотрели кто куда, но только не друг на друга.

Наконец дверь за Александрой закрылась.

– Спасибо, – выдохнул Арнаут, на которого ее присутствие давило буквально физически.

– Что понурый такой? Ведь все закончилось хорошо.

– Могло быть по-другому.

– Могло. Скажи спасибо Шилову, это он спас жену прапорщика.

Арнаут невольно дернул щекой: напоминаниями о роли Шилова в этом деле его уже просто достали. Только Голицын трижды указывал на это во время допроса, а еще Лютый (Куда, кстати, он подевался? Говорят, с утра нет на работе, и трубка отключена), Молчун, начальник УБОПа...

– Слушай, Тань, я ведь крепкий мужик. Почему мне кажется, что жизнь сломалась?

– Потому что тебя чуть не поимела система, который ты служил, как верный пес. Потому что сына потерял. И еще потерял удобную женщину, к которой хочешь – ходишь, хочешь – нет.

– Таня!

– Коля, тема закрыта. Я слишком долго вешалась к тебе на шею.

– Исправлюсь.

– Поздно, у меня другой.

Обычно неподвижное лицо Арнаутова исказила болезненная гримаса. Одновременно он закинул ногу на ногу, положил руку на спинку соседнего стула и посмотрел в потолок.

Татьяна вздохнула: детский сад, по-другому не назовешь.

– Я его знаю?

– Не о том думаешь. С системой ты разберешься, до пенсии доработаешь. Баб одиноких море, настоящий полковник всегда кому-нибудь пригодится. А вот сына можешь потерять совсем. Он, говорят, теперь к Лютому жить переехал?

– И что?

Кожурина подошла к Арнауту. Встала рядом с ним, прислонившись к стене.

Арнаут сел ровнее, снял локоть с соседнего стула.

– Что же он сбежал-то?

– Тесно у нас для двоих.

– Тесно? Или душно? Извини, но жена от тебя тоже сбежала.

– Тань, чего ты хочешь?

– Наставляю на путь истинный. Последний жест милосердия. Я ведь тебя все-таки любила.

И к Пашке хорошо отношусь. Верни его, пока не поздно.

– Что ж мне, на поклон идти?

– На разговор. Только без командного рыка и нравоучений. Не слушаешь меня сейчас – сдохнешь один, никому не нужный старый пес.

– Я уже такой.

– Это еще цветочки.

Кожурина вернулась к столу. Не садясь, взяла листок, что-то быстро написала на нем. Вернулась к Арнаутову:

– На, это адресок стажерки моей. Твой Пашка или у Лютого, или у нее.

– Когда успел...

– Или она успела. Я тебя почему тороплю: не нравится мне она. Непростая девочка. Всего не скажу, но Пашка может с ней влипнуть.

Арнаут резко поднялся:

– Я ей ноги поотрываю!

– Хорошая фраза для начала разговора. Только не забудь перед этим еще дверь выбить. И у тебя все наладится.

Арнаут, прочитав адрес, убрал записку. Они молча постояли перед друг другом. Арнаут захотел ее обнять, но она, почувствовав это, отступила назад. Он сунул руки в карманы.

– Я что, никогда не был ласков с тобой?

Она ответила, почти не задумавшись:

– Был, Коля, был. За пять лет два раза. Иди, мне надо работать.

Она села за стол, раскрыла какую-то папку.

Арнаут постоял, посмотрел на нее. Потом, ни слова не сказав, вышел.

Какое-то время Кожурина продолжала сидеть, машинально пробегая глазами по строкам документа и не понимая написанного. Потом отодвинула папку и взяла из ящика стола плоскую бутылочку коньяка. Выпила прямо из горлышка. Поставила бутылку на тумбочку – так, чтобы она была у нее под рукой, но не бросалась в глаза тому, кто войдет в кабинет, взяла телефон и набрала номер Стаса.

– Привет, это я. Скажи что-нибудь ласковое. А то сердце давит.

– Коньячку выпей.

– Ласково! А еще что-нибудь?

Стасу потребовалось время, чтобы ответить.

Кожурина слышала шум машин и какие-то отдаленные голоса – Скрябин был где-то на улице.

Он ответил:

– А еще... Я тебя люблю!

– Сто лет этих слов не слышала.

– А я сто лет их не говорил.

– Ты где?

– Работаю.

– Будь осторожен.

– Буду.

Она подумала, что уже сказала и услышала все, что хотела сказать и услышать, и собралась завершить разговор, как Скрябин спросил:

– Ты ребенка хочешь?

– Что?

– Ребенка, – повторил Стас, словно пробуя слово на вкус. – Только не говори про возраст и прочее. Хочешь или нет?

Ни один мужчина никогда ее об этом не спрашивал. Все считали само собой разумеющимся, что с детьми следует обождать. До окончания учебы. До тех пор, пока на работе не утвердишься. До улучшения жилищных условий. До повышения зарплаты. До... До...

Так всю жизнь и прождала.

Дождалась, что уже и сама почти перестала думать об этом.

А он взял и так просто спросил.

И она так же просто ответила:

– Да, хочу.

Помолчала и неуверенно добавила:

– А когда?

– Через девять месяцев.

– Я сегодня коньяк пила.

– Ничего, к вечеру выветрится. Все равно раньше девяти не закончим.

Кожурина услышала голос Шилова: он звал Стаса.

Закрыв трубку ладонью, Скрыбин, видимо, что-то ответил, а после торопливо пояснил:

– Извини, надо бежать. Целую. Пока!

Они стояли в Румянцевском садике на Васильевском острове. Слева – Академия художеств, справа – Меншиковский дворец, за спиной – Нева. Прямо – обелиск в честь победы русских войск над турками в войне 1768-1774 гг.

– Когда я в Универе учился, – сказал Сапожников, – у нас байка ходила про студента с очень крайнего севера. Он здесь кисет с табаком закопал.

– Зачем?

– Чтобы на экзаменах не завалили и чтобы учеба хорошо шла. У них обычай такой. Когда приезжаешь жить на новое место, надо задобрить самого главного местного духа. Говорят, он с красным дипломом закончил.

– А потом пришел работать в уголовный розыск, – Шилов усмехнулся. – Ладно, это все лирика. Какие мысли по делу?

– Странно, что он это место выбрал. Со всех сторон, как на ладони.

– Он же Румын. Может, у них тоже принято подарки под памятниками закапывать, чтоб удача была... А что «как на ладони» – так и он всех видит. И по Второй линии проходняками можно уйти. Стас! Стас, ты где?

Скрябин был рядом, но в обсуждении участия не принимал. Он, как закончил телефонный разговор, так и стоял, с отрешенно-мечтательным видом глядя куда-то вдоль набережной. Только после того, как Шилов дважды громко позвал, он встрепенулся:

– Я здесь.

– Уверен? Давай предложения. Тут голяк, любую маскировку он срубит.

– Предложения... – Стас вздохнул. – Меня больше волнуют посторонние. Вон их тут сколько!

Народу действительно было много. Молодые мамы с колясками. Прогуливающиеся пенсионеры. Студенты. Дворники, неторопливо сгребающие опавшую листву.

– Посторонних я беру на себя, – сказал Шилов, – мне французы один приемчик показали по очищению пространства.

– Я за дворника сойду. А он, – Стас кивнул на Сапожникова, – пусть косит под студента. Можно даже с очень крайнего севера. Только сигареты не надо закапывать. Лучше просто стой и вспоминай таблицу умножения.

Утрясая детали плана, они прошлись по садику.

Неожиданно для Романа Скрябин спросил:

– Вчера, когда ты на гаишную машину пошел в лобовую, ты бы на самом деле?..

– Конечно! – мгновенно отреагировал Шилов. Но, выдержав паузу, поправился: – А если честно, Стас, то не знаю...

Они походили еще немного, присматриваясь к планировке летней эстрады, к расположению фонтанов и памятников, прикидывая, где Румын может поставить машину или откуда появиться пешком.

– Ну, вроде все. – Шилов посмотрел на часы. – Сейчас двенадцать тридцать, значит, у нас есть два часа личного времени. Предлагаю где-нибудь перекусить. Не люблю воевать на голодный желудок.

Кальян привез Джексона и Лютого в пригородный поселок и тормознул перед огороженным штакетником участком с деревянным домом. В первый момент Джексону показалось, что это тот самый дом, в котором он застрелил Спеца, но, присмотревшись он убедился в ошибке. И поселок другой – поменьше размером, чем тот, и побогаче, и дом совсем не похожий. Общего у них только крытая шифером двускатная крыша с прямоугольной трубой и низенькое крыльцо перед дверью.

Присмотревшись, Кальян процитировал строчки из школьной поэмы:

– Чапаев не слышит, чапаевцы спят, дозор боевой неприятелем снят, – и направил «Лэндкрузер» прямо на широкую калитку.

Она была не заперта и легко распахнулась, пропуская машину.

Те, кто был в доме, наконец что-то заметили. Дернулись занавески на окнах, мелькнули лица. Потом на крыльцо высыпали три бугая, ни одного из которых Джексону прежде видеть не приходилось.

Кальян указал на них:

– Эти ребята с нами пойдут. Их зовут... А впрочем, на хрена вам их имена?

Он выдернул ключи из замка зажигания и выпрыгнул из высокой «Тойоты». Скомандовал безымянным бойцам:

– Вольно! Разойтись! – и махнул рукой Лютому с Джексонном: – Чего застряли? Пойдемте селиться!

Внутри дом выглядел лучше, чем снаружи. Стены были отделаны лакированным деревом, стояла приличная мебель. Кальян отвел в дальнюю комнату без окон. Она была узкой, половину пространства от стены до стены занимал жесткий топчан. Еще имелись пара стульев и тумбочка.

– Не «Хилтон», конечно, – усмехнулся Кальян, – но чтобы перекантоваться, сойдет.

– Значит, вшестером на дело пойдём? – уточнил Лютый. – А где же остальные члены коллектива?

– Отпущены. – Кальян многозначительно поднял глаза к потолку.
– В вечный неоплачиваемый отпуск. Сами справимся.

– Ты бы вместе с ними и без нас справился, – заметил Джексон, бросая на топчан свою кепку.

– Да я бы и один справился. Только груз тяжелый, а грузчикам не доверишь... Этих потом надо будет убрать.

– Думаешь, они не догадываются? – недоверчиво посмотрел Лютый.

– Чтобы догадываться, нужно мозги иметь.

– Жрать охота! – объявил Джексон, потирая живот.

– Холодильник в сенях. Есть все, кроме горячего.

Джексон ушел. Прислонившись к стене и перебирая четки, Кальян ждал, когда Лютый заговорит. Он не сомневался, что Лютый воспользуется тем, что они остались вдвоем, и догадывался, о чем пойдет разговор.

Он не ошибся.

– Кальян, он – из шиловского отдела. А там перебежчиков отродясь не бывало.

– Что, ни одного мечтающего о деньгах хохляцкого беженца?

– Да пошел ты!

Кальян рассмеялся:

– Да не обижайся ты, я шучу. Я все знаю, но я его тоже проверил кровью. Кровью упущенного тобой Спеца, кстати...

Услышав приближающиеся шаги, они замолчали. Кальян продолжал все так же стоять, перебирая четки, а Лютый снял куртку и принялся укладывать ее на краю топчана так, чтобы она не помялась.

С бутылкой безалкогольного пива в руке вошел Джексон:

– Спасибо, что хоть такого взял.

– Все для вас.

– Курить на двор можно ходить? А то ведь здесь задохнемся.

– Можно. Если осторожно.

– Спасибо, благодетель! – Джексон шутовски поклонился и вышел.

Когда хлопнула, закрываясь за Джексонем, входная дверь дома, Кальян сказал Лютому:

– Веселый парень, правда? А чтобы ты не волновался, убереешь его сам. После всего...

Спустившись с крыльца, Джексон закурил. Кладя зажигалку в боковой карман куртки, нащупал брелок от «Лексуса». На нем было две кнопочки, нажимать следовало ту, что справа. На ощупь проверив, что брелок лежит в ладони правильной стороной и кнопки не перепутаны, Джексон осторожно вдавил большим пальцем.

Он, конечно, знал, что от нажатия брелок не взорвется и не заорет дурным голосом автомобильной сигнализации, но невольно напрягся.

Интересно, сработало? Проверить-то они с Ромкой не догадались...

Вообще, к подобным достижениям технического прогресса Джексон относился с сомнением. Это в кино хорошо, а по жизни... Или импульс окажется недостаточно сильным, или рядом какая-нибудь воинская часть, которая ставит помехи, или дежурный за пультом как-нибудь прозевает сигнал. Короче говоря, большой надежды нет. Придет помощь – отлично. Но изначально надо рассчитывать лишь на себя.

Впрочем, это всегда так.

Из дома вышел Кальян.

– Контролируешь? – понимающе хмыкнул Джексон.

– Просто соскучился.

– Конечно, это не мое дело, но арнаутовский отдел под тебя больше всех копал. Ты этому орлу доверяешь?

– Не бойсь, Гриня со мной насмерть повязан. Ведь он же для меня Шахида убрал.

– Так ты его специально сдал?

– Правильно. Шахидушка голову стал высоко поднимать. Тут у нас с Гришей дружба как раз началась. Я отдал Грише прапорщика, а тому приказал навести на Шахида. Шахиду заказ на начальника порта подкинул. Шахид портовика сделал – и погиб при задержании от пули героического опера. Портовик мертв. Шахид мертв. – Перечисляя, Кальян загибал пальцы. – Мой опер в фаворе. Как тебе комбинация?

– В милицию не пробовал устроиться?

– Когда-то хотел. Но жизнь не позволила.

– Все равно ты Гришу зря на дело взял. Перед людьми палишь, передо мной.

– Все когда-то кончается. Зачем мне за океаном свой мент в Питере? А чтобы ты не волновался, убережешь его сам. Скрипач не

нужен...

Румын не заставил себя ждать.

Он появился в пятнадцать ноль пять, и возник словно из неоткуда. Только что на аллее никого не было, и вдруг – вот он: стоит, смотрит, водит головой из стороны в сторону. Кепка, светлое пальто до середины бедра, джинсы, ботинки на толстой подошве.

На летней эстраде Шилов, в расстегнутой куртке и с бутылкой пива в руке, пытался отбивать чечетку. Сидевшие на скамейке перед эстрадой девчонки из Универа хихикали над его выкрутасами. Танцор из Романа был еще тот: ни ритма, ни пластики.

Стас, в оранжевой безрукавке, уныло махал куцей метлой. Рядом с ним трудились две женщины-дворничихи. Сгребать листья и мусор у них получалось намного ловчее, но Румын не обратил внимания на разницу в навыках. А может, не придавал им значения. Мало ли, когда этот парень дворничать начал. Не научился еще, не успел. По роже видно, что это какой-то бюджетник, взявший метлу, чтобы подзаработать копейку и заткнуть пасть жене, вечно грызущей его за безденежье.

Сапожников сидел на скамейке и трепался по телефону. Он говорил громко и оживленно жестикулировал свободной рукой. До Румына долетали отдельные слова. Общий смысл разговора был ясен: убалтывает подругу на встречу, а она чего-то ломается, ссылаясь на предстоящий семинар по английской поэзии. Студентов в садике было много, они сидели и стояли группами и поодиночке, и Сапожников на их фоне не выделялся.

В пятнадцать ноль восемь Румын подошел к обелиску и простоял там ровно минуту, после чего собрался уйти, но не в сторону набережной, откуда возник, а мимо эстрады, через один из боковых выходов.

Лучшего нельзя было и пожелать.

Запрокинув голову, Шилов приложился к бутылке. Боковым зрением уловил, как приближается Румын, а сзади, с двух сторон, его нагоняют Стас и Сапожников. Оружие было у обоих в руках.

Только бы он не обернулся!

Ну, подойди еще на пять метров! Еще! И еще!
Хватит!

Шилов встал к Румыну спиной и приготовил «беретту». Слух был так напряжен, что он слышал, как поскрипывает песок под толстыми подошвами ботинок убийцы.

Развернувшись, Шилов одновременно бросил бутылку и выстрелил в воздух, крикнув:

– Стоять! Руки! Вверх руки!

Румын замер, чуть присев. Правая рука, метнувшаяся было под пальто, остановилась на полпути. Он оглянулся через плечо, увидел Скрябина и Сапожникова с пистолетами, с двух сторон нацеленными ему в спину.

– Руки поднял! – еще раз крикнул Роман, держа Румына на мушке.

Взрывник не спешил подчиняться. Зато, как с облегчением отметил Роман, выстрел произвел нужное действие на гражданское население. Всех, кто находился вблизи от эстрады, как ветром сдуло. Далеко они, правда, не убежали, остались смотреть, но там их уже вряд ли зацепит шальными пулями. Правы оказались французы, способ эффективный...

– Вы чего, мужики? Обознались, наверное? – подал голос Румын.

– Руки! Держи их так, чтобы я видел! Дернешься – пристрелю!

– Откуда будете, мужики?

– Уголовный розыск!

– Хваткие ребята. Прошу учесть, что при аресте я сопротивления не оказывал. Оружие сдаю добровольно.

–левой рукой, медленно, двумя пальцами!

Румын подчинился и бросил на землю старый «вальтер» военного образца. Такую штуку неудобно скрывать под одеждой, но зато если уж пустишь в ход, мало не покажется.

– Ногой отбрось!

Румын оттолкнул от себя пистолет.

Пока вроде все идет гладко, но... Неужели он действительно сдался? Может, просто уверен, что против него нет реальных улик, и рассчитывает при содействии друзей-военных через два дня уйти на свободу?

– Бери меня тепленького! – ухмыльнулся Румын, держа руки над головой.

– Рома, он мне не нравится, – крикнул Стас. – Может, пристрелить его на фиг?

– Ничего не получится, я не дам повода. Отписываться придется.
– Не опуская рук, Румын покосился на Скрябина.

Тот ответил:

– Ничего, не впервой.

– Шанс у тебя один – чистосердечное признание, – добавил Роман.

– Ты мне стакан спирта налей, и я тебе все как на духу выложу, начальник!

– Стас, ты прав, он мне тоже очень не нравится. Толик, давай на колени, а потом мордой вниз. Руки за спину!

Румын выполнил.

Не дожидаясь команды, Сапожников сунул «макаров» за пояс, достал наручники и подошел к задержанному.

Надо было не так. Надо было, приблизившись, врезать ему между ног или по голове, и только лишь потом цеплять браслеты. И пистолет надо было не за пояс совать, а или отдать Скрябину, или держать в руке, будучи готовым стрелять при малейшем подозрительном шевелении. Продырявить руку или бедро – этого достаточно, чтобы сломить сопротивление и не вызвать серьезных претензий прокуратуры.

Сапожников сделал неправильно.

Шилов интуитивно почувствовал, что может произойти, но помешать не успел – Сапожников уже наклонился к задержанному.

Из положения лежа, с руками за спиной, Румын ногами подсек Сапожникова и уронил его на себя, успев моментально, пока Сапожников еще падал, извернуться на спину и оказаться под ним. Одной рукой, локтевым сгибом, он сжал шею Сапожникова, другой – выдернул у него из-за пояса пистолет и – даже не увидев, а как-то почувствовав, что Стас подбегает и готовится выстрелить, – успел дважды выстрелить первым.

Стасу попало в плечо и в левую часть груди. Взмахнув руками, он упал. Пистолет отлетел куда-то на землю.

Шилов не мог стрелять. Румын прикрывался Сапожниковым, и, стоя на летней эстраде, на полтора метра выше них, Роман мог попасть только в своего парня, но не в убийцу.

Румын целился в Шилова из трофейного пистолета, при этом сумев так придушить Сапожникова, что тот уже почти не дергался, и только лежал, бессильно вцепившись пальцами в сдавившую горло руку.

– Ствол на землю! Ствол на землю, ты понял меня? Я ему башку разнесу! – Подтверждая угрозу, Румын ткнул «макаром» в висок Сапожникова. – Ну, быстро!

Шилов бросил «беретту».

– Интересный пестик! Где наполоскал? А теперь табельный! Ну!!!
– Румын отвел пистолет от головы Сапожникова и выстрелил ему в бедро.

Сапожников дернулся и заорал.

Шилов достал из поясной кобуры и бросил «ПМ».

– Пять шагов назад!

Шилов начал пятиться.

Румын коротко глянул на Стаса. Тот лежал на спине и, казалось, не дышал. Времени приглядываться внимательнее у взрывника не было. Отпихнув Сапожникова, который от болевого шока почти лишился сознания, Румын начал вставать. Пистолет он держал нацеленным на Романа.

За спиной Румына Стас приподнял голову. Собравшись с силами, потянул за страховочный ремешок, петля которого была надета на брючный ремень, а карабинчик прикреплен к скобе на рукоятке «макарова». Единственный из всех, Скрябин соблюдал инструкцию по ношению табельного оружия, и сейчас это могло помочь.

Шилов видел это, и, отвлекая внимание Румына на себя, сначала остановился, сделав несколько очень коротких шагов, а потом, когда Румын крикнул: «Еще!», пошел не прямо назад, к заднику сцены, а чуть в сторону, вынуждая противника поворачиваться.

Ремешком подтянув к себе пистолет, Скрябин сжал рукоятку и на секунду замер, собираясь с силами.

А потом, рывком приподнявшись, несколько раз нажал спуск.

Первая пуля попала Румыну в лопатку и развернула его, вторая зацепила по касательной бок. Остальные вообще не попали.

Обессиленный, Стас упал на спину.

Скрючившись и зажимая локтем рану, Румын прицелился, чтобы добить его.

Шилов прыгнул с эстрады.

Услышав шум, Румын мгновенно развернулся и выстрелил, но Шилов уже катился по земле к своим пистолетам. «Макар» лежал ближе. Шилов схватил его, одним движением сжимая пальцы на рукояти и опуская предохранитель. Патрон уже был в патроннике, открывать стрельбу можно было немедленно. Поднять руку, чтобы прицелиться в туловище или в голову, Шилов не успевал, и выстрелил по ногам Румына.

Первая пуля впилась в песок возле его ботинка, вторая ударила в щиколотку, перебив кость.

Взрывник рухнул, как будто ногу ему отрубили. Пушка вывалилась из руки и, увидев, что подобрать ее не успевает, Румын что-то крикнул.

Кажется, он кричал:

– Все, я сдаюсь! Не стреляйте, не надо! – или что-то подобное.

Его крик заглушил грохот выстрелов.

Подбежав ближе, на то расстояние, с которого не промахиваются, все оставшиеся шесть патронов Роман выпустил ему в голову.

В машине «скорой помощи» по дороге в больницу Скрыбин сказал Роману:

- Все-таки мы его сделали!
- Это ты его сделал, Стас.
- Как там Сапожников?
- Едет во второй машине. Живой, только нога пробита.
- Надо было кисет у памятника закопать. Тогда бы нам повезло больше.

- Выздоровеешь – закопаешь.
- Свидание сорвалось...
- Я позвоню, предупрежу.
- Не-е, еще уведешь! Я тебе не доверяю...

Шилов улыбнулся: вспомнив слова Егорова, он догадался, с кем было назначено свидание у Стаса.

- Ром, ты лучше скажи, ты эту «скорую» проверил?
- На какой предмет?
- На предмет наличия взрывного устройства.

Врач хмуро посмотрел на них:

– У нас, между прочим, одна машина взорвалась. Приятель мой погиб. Какая-то сволочь бомбу подложила. До сих пор не нашли.

Стас и Шилов переглянулись.

Ответил Стас:

– Чего его искать? Захочется посмотреть – приезжайте потом в морг на Екатерининском. Поквитались мы за вашего приятеля...

В салоне автомашины у дома, где жила Александра, командир группы заканчивал инструктаж:

– Румын не мальчик, людей убил больше, чем вы котлет съели.

– Может, тогда его лучше снайперкой работать? – предложил боец по прозвищу Зяблик.

– Мы не знаем, как он придет. Если через чердак? Так что занимаем хату и ждем. Хозяйка будет через час. Вяжем ее и ждем Румына. Малой и Зяблик – в квартире, Дикий – на лестнице, я – снаружи...

Командир и Дикий остались в машине, двое вошли в дом и пешком поднялись к квартире.

Пока Зяблик страховал, Малой отмычками вскрыл замки, не оставив внешних следов и не повредив механизмы. Они знали, что сигнализацией квартира не оборудована и что сейчас в ней никого нет, но тщательно все обследовали, прежде чем доложить командиру, что первый этап операции закончен по плану и без осложнений.

После этого Дикий занял позицию на лестнице двумя этажами выше квартиры, а командир переставил машину так, чтобы она меньше бросалась в глаза, приопустил спинку сиденья и стал ждать.

Генерал Бажанов ехал на такси из ресторана, в котором у него была важная встреча с одним авторитетным предпринимателем, в квартиру на Благодатной. Одетый в гражданское, генерал сидел сзади и, когда «Волга» остановилась на светофоре, разговаривал по телефону:

– Понял. А с Грозовым что решили? Правильно, пусть укрепляет народное хозяйство. Совсем оборзел! Все, встречай меня утром. Есть кое-какие проблемы, надо их обсудить.

Рядом с «Волгой» остановилась замызганная «девятка». Таксист равнодушно посмотрел на нее и отвернулся. Грозов, занятый разговором, внимания вовсе не обратил.

Стекло правой задней двери «девятки» опустилось, и в образовавшуюся щель высунулся удлинённый глушителем ствол автомата. Прицелившись в голову Бажанова, стрелок дал две длинные очереди, после чего «девятка» с визгом сорвалась с места и скрылась быстрее, чем оторопевший таксист успел что-то сообразить.

Часть пуль не попали в Бажанова и прошли сквозь кабину «волжанки».

Но одна нашла цель.

Бажанова отбросило выстрелами на другой конец дивана, и теперь он полулежал, прислонившись головой к задней стойке, а мертвые глаза смотрели на девушку, склонившуюся над молодым парнем, случайно оказавшимся на линии огня.

– Помогите! – кричала она.

Паренек был еще жив.

Полковник рано уехал со службы и ждал доклада диспетчера дома. Жена задерживалась на работе, сын где-то гулял, показывая приехавшей из Вологды девушке город.

По телевизору шел футбол. Полковник смотрел, но если бы его спросили, кто с кем играет и какой счет, он бы затруднился ответить.

Первое сообщение от майора Гасилова поступило даже чуть раньше того времени, на которое рассчитывал Полковник.

- Это диспетчер беспокоит. Первый самолет взлетел по расписанию. Есть лишние пассажиры.
- Плохо. Надеюсь на скорую встречу.

На хороший коньяк не хватало, и Арнауты взял подешевле, но в красивой коробке.

Спросил продавца:

– Не бодяга?

Продавец равнодушно пожал плечами и посмотрел на витрину: дескать, к чему выпендриваться, если за те же деньги можно взять хорошую водку?

С коробкой в руке Арнауты пришел к дому Александры. У подъезда остановился, достал бумажку и уточнил адрес. Все правильно.

Арнауты поднялся на этаж и позвонил в квартиру. Времени было половина восьмого и, по его прикидкам, Паша с девчонкой уже должны были прийти.

За дверью Малой и Зяблик достали пистолеты с глушителями и изготовились для стрельбы.

Арнауты постоял перед дверью, позвонил еще несколько раз. Прислушался: внутри вроде тихо. Значит, нет никого. Может, в магазин зарулили. Может, развлекаются где-то. Звякнуть Пашке на «трубку»? И что сказать? Нет уж, лучше он подождет.

Арнауты спустился во двор и сел на скамейку. Сосчитал окна квартиры, посмотрел: света нет. Закурил и попытался представить, с чего начнет разговор.

Зяблик и Малой сообщили по рации командиру, что в квартиру кто-то звонил. Когда Арнауты устроился на скамейке и проявил интерес к окнам, командир сам вышел на связь:

– Гостя вижу. Это не Румын. Штатский с пузырем. Нацелился ждать.

Не успел он положить рацию, как из-за угла вышли Паша и Александра. Паша обнимал ее за плечо.

– Внимание: хозяйка квартиры. С ней еще один штатский.

Арнауты встал со скамейки, пошел им навстречу. Они остановились. Паша сильнее прижал к себе девушку.

– Здравствуйте, – сказал Арнауты.

Александра ответила. Паша же вместо приветствия предложил:

– Бать, не будем устраивать разборки при девушке?

– Я поговорить. Можно на лавочке. – Арнаутков посмотрел на скамейку, на которой только что сидел. – Коньяк вот принес...

– В другой раз, ладно?

– Паша, это невежливо, – вмешалась в мужской разговор Александра. – И даже по-свински. Николай Иванович, хотите с нами поужинать?

– Спасибо. Может, действительно, в другой раз. – Арнаутков опустил голову, с грустью глядя на коробку, с которой пришел.

Александра пихнула Пашу локтем и так выразительно посмотрела, что Паша тут же обратился к отцу:

– Бать, извини. Неожиданно просто.

– Тормоз, – прошептала Александра, подошла к Арнауткову и сама взяла его под руку.

Командир группы, наблюдавший за этой сценой из кабины машины, взял рацию:

– Внимание: в квартиру идут трое. Румына среди них нет. Женщину упаковать, с мужиками как получится.

– Ну что, мальчишки, проходите, раздевайтесь. Я сразу на кухню.

Александра быстро сняла пальто и сапожки и ушла, оставив Арнаутовых в коридоре. Вдвоем им там было не развернуться, и Пашка прошел чуть вперед, тогда как Николай Иванович остался стоять ближе к входной двери.

Женский крик ударил по ушам.

В первый момент Арнаутовы замерли. Паша подумал: крысу она, что ли, на кухне увидела? Но крик оборвался, как будто Александре ладонью зажали рот, и вслед за ним раздался звук падающего тела.

Паша бросился вперед – и остановился, когда из кухни, двумя руками держа пистолет с длинным глушителем, выскочил Малой.

– Тихо, парень, тихо. Спокойно проходим в комнату, и никто не пострадает. И ты, мужик, тоже. Вы нам не нужны.

– Паша, – спокойно сказал сзади Арнаутов, – у тебя шнурок развязался.

Если бы Николай Иванович крикнул «Ложись!» или «В сторону!», то Малой бы без размышлений открыл огонь и успел продырявить обоих гостей быстрее, чем они вытащили бы пистолеты. Но Арнаутов-

старший сказал эту невинную фразу абсолютно обиденным голосом, как будто ничего особенного не происходило, и Малой купился. Мало того, что он не начал стрелять, так он еще и опустил взгляд, чтобы посмотреть, действительно ли развязался шнурок, и на каком, правом или левом, ботинке.

Когда Малой понял, что со шнурками порядок и его обманули, Паша уже присел на корточки, а Николай Иванович позади него стоял в полный рост и с пистолетом в руке.

Выстрелы прозвучали одновременно. Пистолет Малого работал бесшумно, только гильзы ударились об стену и падали на пол. А «макаров» Железного Дровосека в узкой кишке коридора звучал, как молот по наковальне.

Малому приходилось стрелять в полумрак, по хоть и крупной, но теряющейся на фоне двери и стен фигуре Арнаутова-старшего, тогда как сам он стоял напротив входа на кухню и падающий из нее яркий свет делал его отличной мишенью.

Пули из бесшумного пистолета прошли, не зацепив Арнаутова, и насквозь продырявили дверь.

Арнаут не промахнулся. Он попал Малому в плечо, и тот, вскрикнув от боли и дернувшись, выпалил в потолок. Второй выстрел оказался смертельным. Малой упал на спину, и умер раньше, чем его развороченный пулей затылок коснулся паркета.

Он упал, где стоял, напротив кухонного дверного проема, и его смерть оказала шокирующее воздействие на Зяблика. Тот замер, не зная, как поступить. Выскакивать в коридор было страшно, прятаться в кухне – бессмысленно, поскольку мебели в ней было мало и она не могла служить защитой от пуль. Взять Александру в заложники и поторговаться он не додумался.

Под курткой мертвого Малого заработала рация. Сквозь шипение эфира пробились встревоженные голоса:

– Дикий, что там?

– Пока не знаю, но у штатских есть ствол.

– Понял. Сейчас подойду.

Паша достал свой «макаров» и жестами дал знать отцу, что собирается заглянуть в кухню. Николай Иванович отрицательно покачал головой, но в этот момент оттуда донесся звук открываемого окна, и Паша бросился вперед.

Зяблик стоял спиной к нему на подоконнике и собирался перебраться на пожарную лестницу. А девушка лежала посреди кухни на спине, с раскинутыми руками. Вид у нее был неживой, и Паша, все-таки крикнув Зяблику «Стой!», только обрадовался, когда тот попытался присесть и развернуться, одновременно вскидывая пистолет.

Паша выстрелил, и Зяблика снесло с подоконника. Короткий крик оборвался ударом о землю.

Паша бросился к девушке.

– Что с ней? – крикнул из коридора отец.

Александра была без сознания, но жива. Видимо, ее оглушили ударом по шее, и удар был нешуточным – кожа в этом месте покраснела, обещая превратиться в жирный синяк. Хорошо, хоть шейные позвонки не сломали...

– Жива! – в ответ крикнул Паша, пытаясь привести девушку в чувство.

Продолжавший оставаться в коридоре Арнаутов интуитивно почувствовал, что кто-то поднимается по лестнице, и, затаив дыхание, присел перед дверью. Через дырки, пробитые пулями Малого, лестничная площадка была видна плохо, но кое-что в поле зрения все-таки попадало. Арнаутов разглядел чьи-то ноги, пистолет с глушителем – длинный, такой же, как у Малого. И еще один пистолет – обычный «макаров».

Арнаутов отошел. Прикинул, где на площадке расположились противники. Один прямо напротив двери, второй – ближе к лестнице.

Ну, что же...

Он начал стрелять прямо через дверь.

Израсходовав остававшиеся шесть патронов, пистолет встал на затворную задержку. Запасного магазина у Арнаутова не было, он всегда считал, что восьми патронов достаточно для любой ситуации. Сейчас бы запасной не помешал.

Но заминка в стрельбе длилась секунду. Выскочивший из кухни Паша сразу все понял и поддержал отца, высадив по двери свой боезапас.

За дверью что-то упало.

Не что-то – кто-то...

Когда Арнаутовы вышли на лестницу, перед ними лежали два трупа. Дикий был изрешечен весь, командиру группы хватило одного попадания, точно в лоб. Рядом с телами валялось оружие, которым они не успели воспользоваться.

Переведя дыхание, Паша спросил:

– И кто это был, как ты думаешь?

– Понятия не имею. У подруги спроси, у своей. Она наверняка знает.

– Роман Георгиевич предупреждал, что на нее могут напасть.

– Что? И здесь Шилов?!

Новых сообщений от диспетчера Полковник ждал долго. Наконец телефон зазвонил, и майор Гасилов бесстрастным голосом поставил командира в известность:

– Второй и третий самолеты не смогли уйти по расписанию. У второго – нелетная погода в аэропорте прибытия. Запасные аэропорты тоже не принимают.

Это означало, что та из боевых групп, которой была поручена ликвидация Кальяна, проверила все возможные адреса его нахождения, но не смогла отыскать. Вероятно, лег на дно перед операцией с героином.

– Пусть сохраняют готовность к вылету. Если погода изменится – сразу действуйте. Что с третьим самолетом?

– Форс-мажорные обстоятельства. Экипаж заболел, требуется замена.

Полковник мысленно выругался. Этот чертов Румын опять их обскакал, хотя для его ликвидации была направлена лучшая группа из тех, которые имелись в наличии.

– Мне нужны подробности. И готовьте замену.

– Есть.

Как только Полковник положил мобильник, подал голос городской аппарат:

– Завьялов Степан Дмитриевич?

– Да.

– Вы не могли бы подъехать в Третью больницу? Ваш сын...

– Что?!

– Мы сделали все возможное, но спасти не смогли, – говорил врач, снимая простыню, которой было накрыто лежащее на больничной каталке тело сына Полковника.

– Как это случилось?

– Перестрелка на улице. Убили какого-то милицейского генерала. Мальчик случайно попал под огонь...

Роман дождался в больнице, когда Скрыбина и Сапожникова прооперируют, и только после этого – времени было уже часов восемь – приехал в отдел.

Несмотря на то что «сделали» Румына, настроение было довольно поганым. Четверо лежат в больницах, Джексон неизвестно где. А если еще посчитать Соловьева...

Хороший он командир!

Шилов несколько раз набирал номер Джексона. Его трубка была включена и находилась в зоне действия, но Джексон не отвечал. И что это значит? Готовится крупное дело, и Кальян заставил всех перейти на режим молчания? Или...

Шилов гнал от себя мысли, что с Джексонем случилось самое худшее.

Кстати, оказалось, что дважды звонила Юля. А он и не слышал. Первый раз это было ни раньше ни позже, а именно во время перестрелки с Румыном. Второй – когда ехали в «скорой». Что она хотела сказать? Шилов не стал перезванивать. Не до нее сейчас. Позже. Потом.

Войдя в кабинет, Роман выпил кофе и в очередной раз набрал номер Джексона. То же самое...

Что означало его оборванное сообщение «Груз встречаю вечер.»? Груз встречаю вечером? Или груз встречаю, вечером сообщу? Или еще что-то? С грамматикой у Джексона всегда было неважно, да и SMS-сообщениями он редко пользовался.

Роман позвонил в дежурку ГАИ. Повезло, трубку снял знакомый майор:

– Привет! Шилов, начальник «убойного»... Узнал? Помощь нужна! У моего друга «Лексус» дернули. Не поможешь найти? У него «Навигатор» стоит. Да... Номер машины... Ага... Где? Угол Садовой и Кленовой? Где это? Поселок Тярлево Пушкинского района? Вот видишь, уже в отстойник загнали... Да нет, какой наряд, заявы же еще нет. Сами пока поработаем. Ну все, с меня литр. Хорошо, ящик! Спокойного дежурства!

После этого Роман по прямому телефону соединился с дежуркой главка:

– Дмитрич? Хочу наряд ОМОНа заказать. Что значит «не могу», ты дежурный или кто? С чьего разрешения? Так Громов же отстранен! Кто вместо него? Ни хрена себе! Он здесь?

Шилов положил трубку.

Быстро люди растут! Что ж, посмотрим, как себя поведет временно исполняющий обязанности начальника УУР...

В кабинете Громова сидел Глотов. Подполковник (и когда успел получить?), бывший начальник УБНОНа, бывшая «крыша» наркобарыги Пистона, у которого затаривалась подруга покойного Чибиса. Впрочем, почему бывшая крыша? Разве только если Пистона убили. А иначе ни он не перестал торговать, ни Глотов его крышевать.

Откинувшись на спинку, Глотов покачивался в кожаном кресле и курил, пуская дым в потолок. Модель танка «Т-72», когда-то подаренная Громову на одном оборонном заводе, главного инженера которого зарезали уличные грабители, была передвинута с обычного места на краю стола в середину, прямо напротив Глотова. Видимо, до прихода Шилова Глотов ее рассматривал, решая, оставить, или удалить из кабинета, который он уже считал своим.

– Привет, Шилов, – сказал новый начальник. – Пути господни неисповедимы, правда?

– Это уж точно. Поздравляю.

– Спасибо.

– Быстро тебя назначили.

– Земля круглая. Благодарных людей много. Ты меня только поздравить зашел, или проблемы какие-то?

– Операцию провожу, ОМОН нужен.

– А-а-а, вот в чем дело... – Глотов качнулся в кресле, пустил дым в потолок. – Неси план, дело. Почитаю, приму решение.

Можно было не уточнять, как долго он намерен читать и какое решение будет им принято. Не то чтобы Глотов собирался специально напакостить Шилову – нет, он просто привыкал к власти и ставил новых подчиненных на место.

– Понял. Разрешите идти?

Глотов не заметил иронии, махнул рукой с дымящейся сигаретой:

– Идите.

У двери Шилов обернулся:
– А земля и вправду круглая.
Готов пожал плечами.

Но когда Шилов ушел, он недолго оставался спокойным.

Тревожно зазвенел аппарат прямой связи с дежурным. Готов не торопился брать трубку: руководителю не к лицу спешка. Один звонок, третий, пятый.

Он ответил:

– Готов слушает. Что-о-о-о?! Как убили генерала Бажанова? Где? Почему только сейчас доложили, мать вашу?! Только сейчас опознали? Чем вы там занимаетесь! При чем здесь такси? Так... – Готов посмотрел на закрытую дверь кабинета. – Найдите мне Шилова. Быстро!

Джексон зашел умыться. В доме была и ванная, и горячая вода. Плохо только, что дверь санузла изнутри не запиралась. Прислушавшись к доносящимся звукам – в коридоре Кальян разговаривал по телефону, а его бойцы в комнате резались в карты, – Джексон включил воду и достал из кармана брелок. Теперь можно было не опасаться, что ошибешься и нажмешь не ту кнопку. Он придавил пластмассовый кругляшок пальцем и несколько секунд подержал. Очень хотелось надеяться, что устройство работает.

Выключив воду, Джексон ушел в отведенную им с Лютым комнату. Лютый лежал на топчане и вроде бы спал. Джексон пристроился с другого края, накрылся пледом.

А Кальян продолжал разговаривать по телефону.

– Да... Да... Все по плану. Только не проспите, бойцы невидимого фронта!

В кабинете Большого дома на Литейном, 4, Саблин докладывал генералу Крюкову:

– Он говорит, все по плану.

Крюков выдержал паузу и сурово кивнул:

– Берите «Град» и выдвигайтесь. Теперь все в ваших руках.

– Понял.

– Надеюсь на вас, Антон Сергеевич. Удачи!

Когда Саблин вышел, генерал посмотрел на портрет Дзержинского на стене:

– И не говори ничего под руку!

Железный Феликс, конечно, не отвечал. Но взгляд у него был недовольный.

У себя дома, закончив письмо, Полковник посмотрел на фотографию сына, стоявшую в рамке на столе.

Как же так?

А вот так. Этим и должно было кончиться. Закономерный итог всей его жизни.

Полковник это понимал. И об этом написал в прощальном письме. Он старался быть лаконичным и ограничиваться только фактами. Про

Координатора, про приказы, про ликвидации.

Хотелось надеяться, что его исповедь не пропадет даром. Расследованием займется комиссия; и пусть в ней и не окажется честных и непредвзятых людей (их в комиссии не назначают), но попадутся такие, которые заинтересованы свалить Координатора и тех, кто командует им. Если они возьмутся как следует, то сумеют все раскрутить.

Полковник положил письмо в конверт и позвал майора, который ждал на кухне.

– Вопросы по встрече груза есть?

– Никак нет, товарищ полковник.

– Берите людей и езжайте.

– Степан Дмитриевич, это была трагическая случайность... – Гасилов не устал повторять это всю дорогу от больницы до дома Полковника.

– Калининградская операция...

Гасилов не понял:

– Что?

– Там то же самое получилось. Выполняйте приказ. Об исполнении доложите в Москву по известному вам каналу.

Гасилов замялся, как будто хотел еще что-то сказать, но ушел, так и не сказав ничего.

Глядя на фотографию сына – она была сделана летом, сразу после вступительных экзаменов, и сын улыбался, не подозревая, что жить ему осталось меньше ста дней, – Полковник дождался, когда за майором захлопнется входная дверь. Потом достал из ящика стола пистолет.

Это был девятимиллиметровый «кольт командер» с глушителем, который Полковник привез из Афгана и из которого один моджахед пытался продырявить Полковнику голову. В тот раз Полковник оказался сильнее...

Полковник приставил ствол к виску, глубоко вдохнул и, продолжая глядеть на фотографию сына, нажал спуск.

Услышав звук упавшего тела, из коридора заглянул Гасилов – почувствовав при последнем разговоре неладное, он имитировал свой уход и остался дожидаться развязки.

Убедившись, что Полковник мертв, Гасилов отыскал прощальное письмо. Прочитал. Что ж, чего-то подобного он и ждал...

С такой бумагой выходить на улицу опасно. Мало ли, что может случиться и к кому она попадет.

Гасилов сжег письмо в туалете, и пепел спустил в унитаз.

Джексону удалось задремать.

Когда он проснулся, Лютый уже тоже не спал. Лежал и молча смотрел на него.

– Пойду, покурю, – Джексон поднялся.

В большой комнате три бойца продолжали все так же резаться в карты. Кто-то крупно выигрывал: перед ним лежала кипа мятых банкнот. Кальяна не было видно.

Джексон встал у крыльца, закурил. Ночь была теплой, тихой. Все небо усыпано звездами.

Не прошло полминуты, как вышел Лютый. С независимым видом встал рядом, щелкнул своей зажигалкой.

Постояли, покурили, искоса поглядывая друг на друга. Джексон спросил:

– Как же ты, Гриша, скурвился?

– Да так получилось. А ты?

Джексон усмехнулся:

– Так же примерно.

Больше говорить было не о чем, и пока не появился Кальян, они стояли молча.

Кальян вышел из дома, потягиваясь и широко улыбаясь:

– Ну что, орлы, по коням? Покажем, на что мы способны?

Поехали в микроавтобусе, который, оказывается, все это время ждал своего часа в сарае около дома. За руль сел один из безымянных бойцов. Кальян расстегнул большую спортивную сумку и раздал пистолеты. Оружие было разное, как иностранное, так и отечественное. Джексону достался «ТТ». Может быть, тот же самый, из которого он валил Спеца. Джексон проверил патроны, передернул затвор. Сунул пистолет за ремень. Подумал: если бы его собирались сразу убить, то пистолет бы не дали. Уже хорошо.

– Чем меньше шума, тем лучше, – напомнил Кальян, убирая под сиденье опустевшую сумку.

– А если нашумим? – спросил Гриша. – Приедут менты. А груз тяжелый, его так быстро на машину не перекидаешь.

– Успеем. Мои ребята сейчас на Охте небольшой бой устроят. Все менты туда стянутся. У нас время будет.

– Мы одни будем встречать? Никто под ногами мешаться не станет?

Кальян посмотрел на Джексона, который задал этот вопрос:

– Все продумано. Встречать будут, но в другом месте. А там, куда мы едем, никого нет. В машине около Ладожского вокзала майор Гасилов ждал результатов разведки.

Доложил один из взводных, высокий сухопарый капитан, на котором любая гражданская одежда всегда смотрелась, как с чужого плеча:

– По всему периметру спецназ. Похоже, ФСБ – их прикид. Снимаемся?

– Будем встречать груз, как приказано.

Капитан подумал, что ослышался:

– С «Градом» воевать? Там ребята серьезные.

– Мы тоже не дети. Свяжись с летунами, скажи, нужна вертушка с боекомплектom.

– В центре города?

– Выполняйте приказ.

Капитан отошел от машины. Он участвовал во многих спецоперациях, в том числе, в пресловутой Калининградской, но теперешняя, похоже, грозила превзойти их все своим размахом. Что ж за груз-то такой, если командование готово развязать полномасштабные боевые действия в мирном городе?

Впрочем, все эти вопросы не помешали капитану выйти на связь с вертолетчиками и запросить помощь.

Поддержка была обещана. Дежурный, выдавая Шилову автомат, усмехнулся:

– Ты чего, в Ирак собрался на ночь глядя?

– Типа того.

– Тебя, кстати, только что Готов искал.

– Перебьется.

– Бажанова убили. Еще днем, в каком-то такси. Сначала думали, простая мокруха, местное РУВД само справится, а потом ксиву нашли. Сейчас такая паника начнется.

– Не сомневаюсь. Скажи Готову, что я поехал на место. Работать по горячим следам. Если он меня там не найдет, значит, я уже по следу иду. Пока, Дмитрич!

Когда Шилов садился в машину, зазвонил телефон. Он подумал, что это, может быть, Джексон, наконец проявился. Но на дисплее высвечивался номер Глотова.

– Абонент не отвечает, потому что не хочет. Не надо оставлять свои сообщения, – сказал ему Шилов и, секунду понаслаждавшись растерянной тишиной, дал отбой.

Больше Готов не позвонил.

Из главка Шилов поехал домой.

Ехал и думал: а может, не надо? Придется объясняться с Юлей. Она будет задавать много вопросов и, что бы он ни ответил, все равно не поймет. Не захочет понять.

Но объясняться с ней не пришлось. В квартире был выключен свет, на зеркале висела записка: «Я ушла». Ее вещей на вешалке не было. Как не было и еще чего-то, нематериального, что создавало дома ее присутствие.

Шилов молча снял записку с зеркала, поискал, куда ее положить, и пристроил на полку с расческами. Прошел на кухню. Достал из холодильника пакет молока, налил стакан, выпил. Потом, в комнате, переоделся в спортивный костюм. Проверил оба пистолета – именную «беретту» и табельный «ПМ». Выложил из карманов все лишнее, оставил только документы, бумажные деньги, телефон, складной нож. Упаковал автомат в спортивную сумку. Что еще? Все.

Выходя из квартиры, зачем-то заново прочитал записку.

Я ушла...

Что ж, вовремя.

Из машины позвонил в дежурку ГАИ:

– Привет, опять я. Проверь, пожалуйста, «Лексус» все там же?

«Лексус» был там же, в поселке Тярлево. От дома Романа – около сорока километров.

Вечерние пробки уже рассосались, со светофорами повезло, гаишники не остановили за превышение скорости. Роман долетел

быстро. И так же быстро нашел нужный дом: на углу Садовой и Кленовой их был четыре, но во дворе одного стоял знакомый «Лэндкрузер» Кальяна, и это решило вопрос. Свет в доме горел, время от времени на занавесках мелькали тени.

Роман переставил «Фольксваген» так, чтобы при выезде из двора дома он не бросался в глаза, и стал ждать. Посидев в «Фольксвагене» минут десять и перекурив, он выходил и наблюдал за домом через щель в штакетнике. Потом возвращался в машину. Потом опять – к дому.

Так прошло часа три, пока, в очередной раз присев у штакетника, Шилов не увидел Джексона и Лютого. Они курили у крыльца дома и разговаривали.

Значит, Лютый... Что ж, Роман давно начал его подозревать. Надо полагать, что и Шахида он застрелил не случайно. Боялся, что тот развяжет язык на допросах. Хотя... «Наружку»-то за Шахидом выставили по его, Гриши, заданию. Что-то не складывается.

Из дома вышел Кальян. Шилов не расслышал его слов, но после них Джексон с Лютым бросили сигареты, и Лютый остался на улице, а Джексон скрылся в доме. Через полминуты он вернулся, теперь на голове у него была кепка. Как обычно – козырьком слегка набок.

Значит, куда-то собрались.

«Груз встречаю вечер.».

Началось!

Отпустив микроавтобус подальше, Роман осторожно двинулся следом. Главное – не засветиться. Если и оторвутся, то далеко не уйдут, у Джексона в кармане брелок, который пеленгует дежурная часть.

Шилов позвонил в дежурку, проверил. Ему сообщили, что объект движется.

Еще бы сообщили, куда...

Микроавтобус приехал не на Ладожский вокзал, где готовились сцепиться за груз два спецназа, военный и ФСБ, а на товарную станцию, куда утром Кальян возил Джексона. Заехали через какие-то грузовые ворота. В будке около них вместо вахтера сидели два крепких парня, которые открыли ворота, а потом сели в автобус.

– Резерв ставки! – пояснил Кальян остальным.

По территории ехали медленно и недолго. Остановились в каком-то темном углу. Кальян быстро распорядился:

– Груз уже стоит у эстакады. Кладем охрану и перекидываем его в грузовик. Ты, – он указал на парня, единственного из всех вооруженного не пистолетом, а снайперской винтовкой, – займи позицию. Вы, – теперь указание адресовалось двум новеньким, – прикрываете. Остальные со мной. Пароль – «Пешавар».

Шли, не таясь. Кальян – первым, остальные за ним.

Грузовой вагон и платформа, загруженная чем-то сыпучим, одиноко стояли вдоль разгрузочной эстакады. На крыше вагона лежал пулеметчик с РПК (7,62 мм ручной пулемет Калашникова на сошках.) Издалека заметив приближающуюся группу, он взял рацию и доложил старшему:

– Бахтик, я – Сокол. Вижу пять человек.

Дверь вагона с грохотом отодвинулась, на эстакаду спрыгнул таджик – тот самый, который звонил Кальяну.

Выпустив его, дверь встала на место.

– Кого тут черти носят? – с акцентом крикнул он, когда группа во главе с Кальяном подошла достаточно близко.

В голосе чувствовалось волнение: по плану, груз должны были забирать днем, а то и следующей ночью, но никак не сегодня. Если план изменился, почему их не предупредили? Обычное русское разгильдяйство?

– Салям, бародар! – ответил Кальян, и таджик слегка успокоился: он узнал характерные интонации человека, с которым говорил по телефону.

Кальян и двое остались стоять, Джексон и Лютый, как и было условлено, приблизились к таджику.

– Пешавар, – сказал Лютый то, что был должен сказать.

А потом сделал то, чего никто не ожидал.

С криком «Засада!» он, выхватив пистолет, прыгнул к таджику и, локтевым сгибом сжав его горло, встал сзади, после чего открыл стрельбу.

Он целился в Кальяна, но тот успел среагировать. Упал на асфальт эстакады, откатился. Досталось водителю микроавтобуса, который стоял сзади него. Водитель схватился за живот, упал на колени и с протяжным стоном повалился набок. Дернулся, выпрямил ноги. Затих.

Джексон, который был к Лютому ближе всех, поступил так же, как и Кальян. Но он, похоже, не интересовал Лютого. Как не интересовал Гришу и безымянный боец, растерянно присевший на корточки прямо там, где стоял. Прикрываясь безуспешно вырывающимся таджиком, Лютый несколько раз выстрелил по Кальяну. Пули выбили искры из асфальта у его ног, но не зацепили.

Кальян открыл ответную стрельбу, и таджик сразу перестал вырываться – на груди расплылись темные пятна, он дернулся и обмяк. Держать стало тяжело, Лютый бросил его и нырнул под вагон. Кальян стрельнул вдогонку – пуля с визгом срикошетила от металла и унеслась в темноту.

Пулеметчик не успел вступить в бой. Он не очень понимал, что случилось, но приготовился расстрелять всех чужаков. Они были как на ладони, и РПК разметал бы их в долю секунды, но затаившийся где-то сбоку и наверху невидимый снайпер аккуратно снял его одним выстрелом, и таджик, намертво сжав рукоять пулемета, ткнулся лбом в железную крышу вагона.

Бахтик и второй, остававшийся в вагоне охранник, открыли дверь. Наверное, они думали, что замкнутое пространство вагона может обернуться ловушкой и что на улице у них больше шансов. Напрасно: как только они нарисовались на фоне дверного проема, их тут же уработали в пять стволов. Бахтика снял тот же снайпер, по второму стреляли Кальян, двое неизвестно откуда подскочивших «резервных» и оправившийся от первого шока безымянный боец.

«Резервные» запрыгнули в вагон. Столкнули труп Бахтика, лежавшего на самом краю, через второго перешагнули. Крикнули:

– Тут никого!

Крикнули и собирались спуститься обратно, но Лютый, незаметно подобранный снизу, внезапно выпрямился в проеме между вагоном и эстакадой, как раз перед ними, и тремя выстрелами снизу прикончил обоих.

И Кальян, и снайпер среагировали на появление Лютого одновременно, но Гриша исчез так же быстро, как появился, а вывалившиеся из дверного проема трупы «резервных» прикрыли его отступление.

– Уберите его, быстро! – заорал Кальян.

Джексон видел, как промелькнула за колесными парами желтая куртка Лютого, и мог бы попытаться попасть, но промедлил. Похоже, Лютый если и не на его стороне, то уж всяко ведет игру, которая идет вразрез с планом Кальяна. А как говорят на востоке, враг моего врага – мой друг...

Из темноты с автоматом в руках неожиданно выскочил Шилов.

Ближе всех к нему оказался безымянный боец. Он среагировал на удивление быстро и выстрелил, не целясь, от бедра.

Шилов присел и дал короткую очередь. Противник упал, пистолет вылетел из руки и, проскользив по асфальту, упал на рельсы.

Кальян выстрелил в Шилова. Получив в ответ автоматную очередь, которая только чудом не задела его, он прыгнул с эстакады и отбежал к заброшенным темным амбарам. Еще одна очередь прошла далеко в стороне – Шилов уже не видел его и стрелял наугад.

Джексон бросился вслед за Кальяном. У него было преимущество – Кальян отвлекся на Шилова и меньше смотрел по сторонам. Кроме того, утром Джексон хорошо запомнил расположение этих амбаров и наваленного около них барахла: пустых ящиков, запчастей, старых колес, ржавого шасси от грузовика.

За какую-то железяку Кальян и зацепился ногой, выдав свое место нахождения. Затаив дыхание, Джексон присел, присмотрелся. Он не видел, но чувствовал, что Кальян, нашумев, застыл на одном месте. Откуда был звук? Примерно сориентировавшись, Джексон бесшумно прокрался вдоль стены амбара.

Вот он. Есть!

Кальян стоял спиной, в полный рост, и смотрел на эстакаду.

Бери – не хочу.

Джексон примерился, встал поудобнее. Расслабил, напряг и снова расслабил руку с оружием.

Кальян что-то почувствовал и стал оборачиваться.

Джексон ему помог, негромко сказав:

– Эй, братишка.

Кальян развернулся. Мгновенно оценив ситуацию, понял, что выстрелить не успевает – пистолет Джексона был уже поднят и нацелен ему в грудь. Расстояние – меньше десяти метров. Только слепой промахнется.

И все-таки он попробовал.

Джексон выстрелил раньше. Три выстрела слились в один, и Кальян упал на спину.

Джексон подошел, присел на корточки, стволом «ТТ» передвинул повыше козырек кепки.

Кальян был еще жив. Кровь текла из трех ран на груди, и силы уходили с каждой каплей, но Кальян сумел приподнять голову, сконцентрировать взгляд на Джексоне и внятно, с горечью прошептать:

– А жаль...

Джексон искренне отозвался:

– Мне тоже.

Голова задрожала, взгляд помутнел. С тяжелым звуком затылок коснулся земли, и для Кальяна все кончилось...

...У одного из убитых из кармана вывалился сотовый телефон. Лютый подобрал его и, пробежав под эстакадой, выбрался к заброшенному административному корпусу. Остановился, прислушался. Вроде никого рядом нет. Набрал номер диспетчера:

– Это пятый. Срочно нужна помощь. Да, мы не на Ладожском вокзале, он всех обманул... Жду!

...Джексон закрыл Кальяну глаза.

Подбежал Шилов:

– Джексон, ты живой?

– А что со мной будет!

– Сколько этих осталось?

– Снайпер где-то засел. И Лютый тут ползает.

– Он и есть кальяновский казачок?

– Не уверен. Его живым надо брать, он какие-то свои темы мутит.

– Смотри! – Шилов вскинул к плечу автомат, одновременно указывая Джексону направление и прицеливаясь.

Метрах в пятидесяти от них по крыше двухэтажного пакгауза убегал человек, хорошо видимый в свете луны. В руке он держал что-то длинное, похоже, винтовку. И словно почувствовав, что за ним смотрят, бросил винтовку и припустил, торопясь добраться до лестницы.

– Черт с ним, не до него, – тучи уже закрывали луну, и Роман опустил автомат, решив не тратить понапрасну патроны. – Где Лютый?

– Давай, Георгиевич, ты туда. А я с этой стороны его попробую прихватить. – Джексон указал направления. – Чувствую, он не побежит. Его тут что-то держит.

Они разошлись.

Через три минуты Джексон увидел Лютого. Тот крался вдоль кирпичной стены административного здания, отбрасывая на нее искаженную тень с выставленным вперед кривым пистолетом. Если без стрельбы, то было всего два варианта: или попытаться оббежать здание с другой сторону и ждать спереди, когда Лютый дойдет до угла, или попробовать достать его сверху. Лестница была рядом, и Джексон быстро взобрался на плоскую крышу. Пробежал вдоль края, остановился, примерился. Пропустил Лютого чуть вперед и прыгнул ему на плечи.

Пистолет Лютый выронил, но внезапность атаки и утрата оружия не сказались на ярости его сопротивления. Он оказался намного сильнее, чем можно было предположить по внешнему виду, и дрался умело. Подмяв его под себя, Джексон нанес несколько сильных ударов в лицо, но Лютый сумел как-то вывернуться и сам прижал противника к земле. Джексон ударил его головой, и опять-таки этот удар, которым можно было расколоть кирпичную стену, не произвел ожидаемого эффекта. Лютый дважды врезал локтем, а потом вцепился Джексону в горло. Джексон ударил его пальцами по глазам. Лютый с криком отдернул голову, но не ослабил хватки на горле.

Подбежавший Шилов с маху засадил Лютому по голове прикладом «калашника». Лютый упал набок, но тут же попробовал встать. Правда, движения утратили силу и координацию, так что удалось сковать его запястья наручниками и усадить спиной к кирпичной стене.

После этого он больше не пробовал сопротивляться. Сидел, опустив голову и сплевывая кровь.

Шилов подумал: ждет он, что ли, чего-то?

– Ты чего ждешь, Гриня?

Лютый пожал плечами.

Роман передал Джексону автомат, созвонился с дежуркой. Выслушав ответ Дмитрича, чертыхнулся:

– Не ночь, а сумасшедший дом. На Охте большой переполох, всех туда погнали. Придется подождать.

– Это Кальяна отвлекуха.

– Это что ж за груз-то такой, что столько сил брошено? – спросил Роман Лютого.

– Одна тонна героина, – не поднимая головы, ответил Лютый.

– Ого! Больше ничего не хочешь сказать?

– Пока нет. Может быть, позже.

Послышался приближающийся топот ног, и из темноты выскочили трое постовых в форме. Вид у них был не слишком уверенный, хотя старший маленькой группы и крикнул довольно задиристо:

– Всем стоять, руки вверх! Транспортная милиция!

– Уголовный розыск, – Шилов показал ксиву. – Вовремя вы. Нет, чтобы раньше...

Лютый первым обратил внимание на шум вертолета. Поднял голову, посмотрел в небо. «Вертушка» быстро приближалась, идя на маленькой высоте. Когда грохот двигателей стал совсем оглушающим, на борту вспыхнул мощный прожектор, и, усиленная мегафоном, прозвучала команда:

– Всем оставаться на местах! Оружие на землю. Касается всех, милиции тоже.

В подтверждение прозвучала длинная пулеметная очередь. Пули высекли кирпичную крошку из стены здания, разорвали асфальт под ногами. Никого не задело, но получилось убедительно.

– Это был предупредительный! – объявил тот же уверенный голос. – Считаю до трех, и открываю огонь на поражение.

...Под бокситной рудой на платформе оказалось шесть металлических бочек. Командовал разгрузкой лично Гасилов. Солдаты переносили бочки в фургон шестьдесят шестого «газона» с

опознавательными знаками военной медслужбы. Менты, сцепленные друг с другом наручниками, стояли у кирпичной стены под наблюдением двух автоматчиков.

Лютого военные освободили сразу же, как высадились из вертолета. По тому, как Гриня общался с майором Гасиловым, было понятно, что в этих играх у него одна из главных ролей.

– Надо было все-таки его завалить, – вздохнул Джексон. – В другой бы раз они так не шутили.

Когда погрузка бочек закончилась и «шестьдесят шестой» в сопровождении «УАЗа» и «Волги» уехал, Лютый подошел и освободил Шилов. Остальные остались стоять у стены, а его Лютый отозвал с собой в сторону.

– Ну и кто ж ты такой будешь, Гриша? – спросил Шилов, когда они остановились.

– А тебе что, это очень важно?

– Честно говоря, нет. Просто интересно, с кем мы схлестнулись.

– Ну, скажем так, с государством.

Лютый угостил сигаретой. Шилов закурил, пару раз глубоко затянулся. Лютый продолжил:

– До нас дошла информация, что Кальян решил наложить лапу на груз, который очень важен для нашего государства.

– Наше государство теперь торгует наркотой?

Вопрос задел Лютого за живое, и он довольно эмоционально ответил:

– Наше государство занимается политикой. А иногда для этой политики необходимо, чтобы тонна арабского героина была задержана в какой-нибудь благополучной европейской стране. И эта тонна должна туда дойти любой ценой.

– Что ж вы раньше-то Кальяна не грохнули?

– По договоренности с отправителем он обеспечивал безопасность транзита до нашей границы. Так что раньше времени его трогать было нельзя. К тому же, есть еще много нюансов, которые тебе знать не надо.

– Бажанов, например?

Лютый не ответил, но как-то так поморщился, что Шилов и без слов в общем-то понял ответ: Бажанов спутался с Кальяном и, вместо

того, чтобы действовать в интересах своей конторы, повел двойную игру.

– Как ты теперь на работе будешь отписываться? – спросил Шилов, и тут же понял, что вопрос получился не слишком удачным: какая, на хрен, «работа»?

Однако Лютый ответил:

– Я там больше не появлюсь. Я в арнаутовский отдел устроился, чтобы под вербовку Кальяна попасть. Ведь до последнего момента только ему было известно, когда и куда придет груз.

– Выходит, он тебя почти сделал?

– Выходит, почти.

– Выходит, и Шахида, и его жену ты замочил?

Лютый помолчал, прежде чем дать ответ:

– Кальян устроил мне проверку. Я должен был зарабатывать очки.

– Ну и черт же ты!

– А ты ангел? Шилов, оперов в белых перчатках не бывает... Ладно, вот ключи от наручников, раскуешь своих, когда мы уедем. А вот ключи от квартиры: отдай их Пашке, я ее до Нового года снял, пусть поживет. Он хороший парень, взял бы ты его в свой отдел. Из него толк получится.

– Шел бы ты, Джеймс Бонд!

– Хм... Ладно, пока, Шилов. И сам понимаешь: не говори никому ничего. Не поверят.

Осень почти закончилась, красота пожухла, не сегодня-завтра обещали снег. Было сыро и тоскливо. Несмотря на это, на пикник собрались все, кроме Фрола, которому пришлось остаться дежурить в отделе.

Шилов. Василевский – уже без бинтов, но все еще с пластырем на голове. Егоров и Сапожников – на костылях. Сильно похудевший и осунувшийся после стационарного лечения Скрябин. Джексон. Ольга.

С Егоровым приехала жена. Со Скрябиным – Татьяна Кожурина. Все восприняли ее появление как должное, хотя до самого последнего момента Стас никого не предупреждал, что будет не один.

Когда разжигали в мангале огонь, достали пачку газет, привезенных с собой. Среди них была ведомственная, с некрологом на первой странице: «В дорожно-транспортном происшествии трагически погиб старший оперуполномоченный...» и фотографией Лютого. Газета была старая, прошлого месяца – вышла через два дня после событий на станции. Согласно официальной версии, Лютый взял краткосрочный отпуск по семейным обстоятельствам и уехал к родне на Украину. Там погиб, там его и похоронили. Никто из питерских на похоронах не присутствовал и тела не видел.

Джексон тогда спросил у Романа:

– Может, они его на самом деле того? Может, у них в конторе так принято выводить из операции?

– Сначала бы нас с тобой «вывели»...

Пикник был своего род «отвальной» Шилова, его снимали с должности начальника отдела – Гловов подсуетился. Хотя и без Глотова, в общем, хватало причин.

Что будет делать дальше, Роман не решил.

Останется в отделе простым опером, или...

– Если ты уйдешь из отдела, это будет глупо, – сказал Стас.

– Не бойсь. Я опером был, опером и останусь. – Шилов поднял стакан. – Начальники приходят и уходят, а работа остается. Будем!

Все выпили, помолчали. В наступившей тишине послышался далекий крик улетающих журавлей. Оставалось дожидаться весны.